

ЕВГ. БРАНДИС

РЯДОМ

С ЖЮЛЕМ ВЕРНОМ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
• ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА •**

ЕВГ. БРАНДИС
РЯДОМ
С ЖЮЛЕМ ВЕРНОМ

Таким был Жюль Верн в расцвете творчества, в зените прижизненной славы. Снимок сделан в 1877 году его другом Надаром, создателем галереи фотографических портретов знаменитых современников.

Е В Г. Б Р А Н Д И С

**Р Я Д О М
С Ж Ю Л Е М В Е Р Н О М**

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ
ОЧЕРКИ**

**ЛЕНИНГРАД
·ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА·**

1 9 8 1

8и(Фр)(092)
Б 87

Оформление А. Рыбакова

70803—147
В—————422—81
М101(03)—81

©Издательство «Детская литература», 1981 г.

НЕСКОЛЬКО ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Давние занятия автора этих очерков Жюлем Верном и научной фантастикой завершились на первом этапе книгой о жизни и творчестве Жюля Верна. Работа не прекращалась и после того, как в 1963 году книга была переиздана в расширенном виде. Накапливались все новые и новые материалы. Отыскивались забытые рассказы, очерки и статьи Жюля Верна, многочисленные интервью, которые он давал журналистам; стали доступными его письма к родным и к издателю Этцелю, ближайшему другу и советчику писателя, его юношеские стихи и пьесы, частично опубликованные либо изложенные в монографии внука — Жана Жюль-Верна, изучившего богатейшие архивные фонды. Появились и работы других исследователей, оснащенные ранее неизвестными фактами.

Возникла мысль написать еще одну книгу, но в ином ключе — повесть без вымысла о великом мечтателе, которая называется «Впередсмотрящий» (1976). И наконец, захотелось собрать воедино написанные в разные годы очерки, раскрывающие узловые моменты жизни и деятельности французского классика, знакомящие с поисками и находками автора. При подготовке к изданию этой новой книги пришлось переработать прежние публикации, восполнить пробелы и «замостить» переходы, чтобы книжка производила целостное впечатление. Что из этого получилось, пусть судят читатели.

Жюль Верн был и остался неумирающим спутником юности. И книга о его творческом подвиге предназначена тем, кто увлекается Жюлем Верном сегодня или увлекался вчера.

Я подумал, что чутье художника стоит иногда мозгов ученого, что то и другое имеют одни цели, одну природу и что, быть может, со временем при совершенстве методов им суждено слиться вместе в гигантскую, чудовищную силу, которую трудно теперь и представить себе...

А. П. Чехов

ВДОХНОВИТЕЛЬ ИСКАНИЙ

Литературная деятельность Жюль Верна продолжалась около шести десяти лет. Если собрать все его сочинения — стихи, пьесы, романы, рассказы, географические труды, статьи и очерки — составитя библиотека приблизительно из 120 — 130 томов. Библиотека, написанная одним человеком! Но значение писателя определяется не количеством опубликованных книг, а новизной его творчества, богатством идей, художественными открытиями, которые делают его непохожим на других. В этом отношении Жюль Верн уникален. В истории мировой литературы он — первый классик научно-фантастического романа, замечательный мастер романа путешествий и приключений, блестящий пропагандист науки и ее грядущих завоеваний.

Творческий подвиг писателя воплотился в целостном замысле главного труда его жизни — громадной серии «Необыкновенные путешествия», включающей шестьдесят три романа и два сборника повестей и рассказов. Он работал над «Необыкновенными путешествиями» свыше сорока лет (с 1862 до начала 1905 года), издание же всей серии растянулось на полвека. За это время сменились поколения школьников, для которых он писал свои книги. Поздние романы Жюль Верна попадали в нетерпеливые руки сыновей и внуков его первых читателей.

Само название серии говорит о том, какое большое место занимает в ней география. Жюль Верн задался целью описать весь земной шар — природу разных климатических зон, животный и растительный мир, нравы и обычаи всех народов планеты.

География и естествознание соседствуют в «Необыкновенных путешествиях» с техническими и точными науками. Перечень всех отраслей знаний, которых писатель касался в своих романах, превратился бы в каталог важнейших научных дисциплин XIX века.

«Усвоить науку можно лишь тогда, когда она поглощается с аппетитом», — сказал как-то Анатолий Франс. В романах Жюль Верна наука поглощается с аппетитом, потому что она неотделима от действия. На ней, собственно, и держится замысел. Читатель незаметно воспринимает какую-то сумму сведений, сплавленных с сюжетом романа.

В этом и заключается популяризаторский пафос автора «Необыкновенных путешествий».

Он создал роман нового типа — роман о науке и ее беспредельных возможностях.

Он открыл для литературы неизведанную область — поэзию науки и научного творчества.

Он довел до высокого совершенства художественную форму приключенческого романа, обогатив его новым содержанием и подчинив научно-просветительским целям.

Вместе с новым романом в литературу вошел и новый герой — рыцарь науки, бескорыстный ученый, готовый во имя своей творческой мечты, ради осуществления благородных стремлений совершить любой подвиг, пойти на любую жертву.

«Непреодолимых препятствий нет, есть только более энергичная или менее энергичная воля» — утверждает капитан Гаттерас, и эти слова могли бы повторить вслед за ним все герои Жюль Верна.

Фантастика «Необыкновенных путешествий» основана на научном правдоподобии и нередко на научном предвидении.

«Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал, — говорил Жюль Верн, — все это всегда будет ниже действительных возможностей человека. Настанет время, когда достижения науки превзойдут силу воображения».

Открытия и изобретения, которые еще не вышли из стадии лабораторного эксперимента или только намечались в перспективе, он рисовал как уже существующие и действующие. И этим объясняются столь частые совпадения мечты фантаста с ее последующим воплощением в жизнь.

Герои Жюль Верна овеяны ветрами странствий. Преодолевая громадные расстояния, они стремятся выиграть время. Достижение небывалой скорости требует улучшенных средств передвижения.

Жюль Верн «усовершенствовал» все виды транспорта, от сухопутных до воображаемых межпланетных.

Географическая фантастика свободно уживается с инженерной.

Герои «Необыкновенных путешествий» создают быстроходные машины, подводные и воздушные корабли, исследуют вулканы и глубины морей, проникают в недоступные дебри, открывают новые земли, стирая с географических карт последние белые пятна.

Изобретатели, инженеры, строители — они воздвигают прекрасные города, орошают бесплодные пустыни, находят способы ускорять рост растений с помощью аппаратов искусственного климата, конструируют электрические приборы, позволяющие видеть и слышать на большом расстоянии, мечтают о практическом использовании внутреннего тепла Земли, энергии Солнца, ветра и морского прилива, о возможности накопления запасов энергии в мощных аккумуляторах, изыскивают способы продления человеческой жизни и замены одряхлевших органов тела новыми, изобретают цветную фотографию, звуковое кино, автоматическую счетную машину, синтетические пищевые продукты, одежду из стеклянного волокна и немало других замечательных вещей, облегчающих жизнь и труд человека и помогающих ему преобразовывать мир.

Жюль Верн оставил неизгладимый след не только в истории литературы, но и в истории научной мысли.

Видные ученые, изобретатели, путешественники с благодарностью вспоминали, что юношеское увлечение Жюлем Верном помогло им найти призвание. Писали об этом К. Э. Циолковский, академик В. А. Обручев, конструкторы подводных лодок американец Саймон Лейк и французский инженер Лебеф, один из первых конструкторов дирижаблей Альберто Сантос-Дюмон, итальянский изобретатель радиосвязи Маркони, изобретатель бильдаппарата Эдуард Белин и создатель автожира Хуан де ля Сиерва, путешественники Фритьоф Нансен, Свен Гедин, Жан Шарко, Ричард Бёрд, исследователь стратосферы и подводных глубин Огюст Пикар, исследователь пещер Норберт Кастере, исследователь вулканов Гарун Тазиев...

Этот список можно удлинить и другими славными именами.

Многие русские ученые увлекались Жюлем Верном не только в юности, но и сохранили любовь к нему до конца жизни.

Д. И. Менделеев называл французского писателя «научным гением» и не раз возвращался к «Путешествию капитана Гаттераса», роману, созвучному его интересам к проблемам освоения приполярных земель.

Н. Е. Жуковский, основатель современной аэромеханики, держал у себя в библиотеке среди работ предшественников единственную беллетристическую книгу — «Робур-Завоеватель» Жюля Верна.

Поэт и ученый В. Я. Брюсов пропел ему восторженный гимн, как фантасту, предугадавшему грядущие пути научного и технического прогресса:

Я мальчиком мечтал, читая Жюля Верна,
Что тени вымысла плоть обретут для нас;
Что поплывет судно громадной «Грейт Истерна»;
Что полюс покорит упрямый Гаттерас;

Что новых ламп лучи осветят тьму ночную;
Что по полям пройдет, влекомый паром Слон;
Что «Наутилус» нырнет свободно в глубь морскую;
Что капитан Робюр прорежет небосклон.

Свершились все мечты, что были так далеки.
Победный ум прошел за годы сотни миль:
При электричестве пишу я эти строки,
И у ворот, гудя, стоит автомобиль...

Жюль Верна «обычно считают лишь развлекателем юношества, но в действительности он является вдохновителем многих научных исканий» — заметил французский академик Жорж Клод, создавший вместе со своим сотрудником Бушери опытную установку для использования термической энергии моря. На мысль об этом проекте ученого навели слова капитана Немо о возможности получения электрического тока от проводников, погруженных на разные глубины моря («Двадцать тысяч лье под водой», ч. I, гл. 12).

Тридцать лет спустя после появления этого романа инженер Лебеф, построивший первую подводную лодку с двойным корпусом, назвал Жюля Верна соавтором своего изобретения: писателю принадлежит приоритет не только самой идеи двойного корпуса «Наутилуса», предохраняющего его от огромной силы давления водяного столба, но и обоснование гениальной догадки («Двадцать тысяч лье под водой», ч. I, гл. 13).

«Почти такое же влияние, как личная склонность, на мою любовь к пещерам оказала изумительная книга Жюль Верна «Путешествие к центру Земли», — писал Норберт Кастере. — Я перечитал ее много раз и признаюсь, что читаю и теперь с таким же захватывающим интересом, как когда-то в детстве».

«Хороший научно-фантастический роман, — заметил академик В. А. Обручев, — дает большее или меньшее количество знаний в увлекательной форме, а главное — побуждает читателя к более глубокому ознакомлению с описываемыми в нем странами, явлениями, изобретениями. ...В качестве примера я могу сказать, что сделался путешественником и исследователем Азии благодаря чтению романов Жюль Верна... которые пробудили во мне интерес к естествознанию, к изучению природы далеких малоизвестных стран».

Крупнейший советский палеонтолог и талантливый писатель-фантаст И. А. Ефремов сказал автору этих строк, что сильнее всего повлияли на выбор профессии естествоиспытателя два романа Жюль Верна: «Путешествие к центру Земли» и «Двадцать тысяч лье под водой».

Герой Социалистического Труда академик А. Б. Северный, изучающий внутреннее строение звезд, открывший пульсацию поверхности Солнца, в ночь перед защитой докторской диссертации перечитывал «Паровой дом» (по меньшей мере в пятнадцатый раз!), а будучи пятиклассником «прилип» к роману «Из пушки на Луну». «Впрочем, книга эта могла бы остаться и незамеченной, если бы глаза мальчика не желали ее увидеть, — замечает А. Малинов в статье об открытиях академика А. Б. Северного. — Уже в то время он мечтал о благородном, интересном и долгом деле в науке, каким увлеченно владели герои книг Ж. Верна» («Новый мир», 1979, № 10).

Подобными признаниями можно заполнить десятки страниц.

ЛЕГЕНДЫ

Первые же опубликованные романы принесли Жюлю Верну громкую славу и сделали всенародным писателем.

«Чешские читатели стали поклонниками Жюля Верна так же, как его соотечественники — французские читатели, так же, как итальянские, немецкие и т. д. Может быть, только Тургенев так очаровал мир, как Верн», — писал 15 октября 1874 года в пражской газете «Народни листы» будущий классик чешской литературы Ян Неруда.

По мере выхода в свет романы Жюля Верна немедленно переводились на иностранные языки и вызывали множество откликов в печати всего мира.

Особенно он был популярен в России. Познавательную ценность его сочинений, неистощимость фантазии, живой юмор и легкость изложения отмечали почти все рецензенты. Наиболее пронизательные критики безошибочно улавливали суть его литературного новаторства.

Вот характерная выдержка из петербургского журнала «Вестник Европы»: «Обычная тема Жюля Верна — рассказы о фантастических путешествиях, обставленных, по возможности, правдоподобно. Но ко всему этому писатель присоединил совсем новый элемент: фантастичность его рассказов связана с настоящими и предполагаемыми в будущем успехами естествознания и научных открытий» (1882, февраль).

Встречались, правда, и другие оценки. Людям консервативного склада ума нелегко было преодолеть инерцию мышления, понять и принять писателя, изображающего научные открытия с опережением на несколько десятилетий.

Рецензент русского издания «Путешествия капитана Гаттераса» признал книгу Жюля Верна в высшей степени неудачной: «Автор толкует об открытии Северного полюса как о факте и обставляет это описаниями, которые могут сбить с толку людей с неустановившимися прочно научными знаниями. Читатель согласится, что подобная галлиматья едва ли интересна в книге для легкого чтения. Непростительное шарлатанство автора!» («Библиограф», 1873, сентябрь)¹.

---

¹ В действительности Северный полюс был открыт в 1909 году американским путешественником Робертом Пири.

Столь невежественные отзывы легко было бы отнести к литературным курьезам, если бы подобные взгляды не проскальзывали и в более серьезных статьях.

Например, немецкому критику И. Хонеггеру фантазия Жюль Верна казалась необузданной и беспочвенной: «Он борется с метеорами и тучами, устремляет свои дерзкие помыслы в бесконечное и невозможное, произвольно нарушая незыблемые законы мироздания и превращая науку в сказку» («Иллюстрирте Цайтунг», 1875).

Как удивительно напоминают суждения осторожного немца те критические оценки смелых по замыслу научно-фантастических книг, с которыми сплошь и рядом приходится сталкиваться и в наши дни!

Научная фантастика была еще совсем новым явлением. Потребовалось какое-то время, чтобы к ней привыкли не только читатели, признавшие ее сразу и безоговорочно, но и люди, от которых зависело официальное одобрение книг, издающихся «для внеклассного чтения», «для народных и школьных библиотек».

Признанию научной фантастики способствовало на первых порах практическое подтверждение еще при жизни Жюль Верна целого ряда его конкретных предвидений из разных областей техники.

Восхищенные современники называли знаменитого романиста «всемирным путешественником», «великим мечтателем», «чародеем», «пророком», «провидцем», «изобретателем без мастерской» (заголовки статей, опубликованных к 70-летию писателя).

А Жюль Верн между тем выпускал все новые и новые книги, оставаясь для своих читателей во многом загадочной личностью. И хотя он не окружал себя тайнами, отвечал на письма и принимал визитеров, его имя стало обрастать легендами, которые беззастенчиво распускали падкие до сенсаций газеты.

Легенда первая (самая устойчивая, опровергнутая лишь недавно новейшими биографическими изысканиями): Жюль Верн был человеком сугубо кабинетным, почти не выходил из дому и нигде не бывал. Он черпал свою эрудицию исключительно из печатных источников. Никаких личных впечатлений у него не было, да и быть не могло.

В «Детях капитана Гранта» есть один эпизод, где Жюль Верн, по утверждению критиков, подражает самого себя, признаваясь устами Паганеля: «В этот самый день около двух часов пополудни путь отряда пересекла какая-то дорога. Естественно, Гленарван спросил у проводника ее название.

— Это дорога из Юмбея в Лос-Анджелес, — не задумываясь, ответил Жак Паганель. Гленарван взглянул на проводника. — Совершенно верно, — подтвердил тот, а затем обратился к географу:

— Так, значит, вы уже путешествовали по этой стране?

— Разумеется, и не раз, — серьезным тоном ответил Паганель.

— На муле?

— Нет, в кресле».

Подобно Паганелю, Жюль Верн тоже совершил «в кресле» немало увлекательных путешествий. Находившаяся в распоряжении писателя огромная, тщательно подобранная библиотека помогала ему переноситься воображением в самые отдаленные страны.

Да, Жюлю Верну не приходилось терпеть кораблекрушений, высаживаться на необитаемых островах, открывать новые земли! Все

это делали за него герои его романов. И все же неверно думать, что он заимствовал материалы для «Необыкновенных путешествий» только из вторых рук. Дальше мы увидим, как помогал ему в работе над романами непрерывно пополнявшийся запас собственных путевых впечатлений.

Легенда вторая, основанная на прямо противоположном мнении, столь же ошибочном, но льстившая самолюбию автора: Жюль Верн — бывший капитан корабля «Сен-Мишель» — описывает в многочисленных романах преимущественно свои же приключения. Убеленный сединами многоопытный «морской волк» на старости лет перебрался на сушу, чтобы поделиться воспоминаниями о бурно прожитой жизни.

Читатели могли этому верить. Во многих романах Жюля Верна действие целиком или частично разворачивается на морских просторах. Все описания кораблей, оснастки, управления, всякого рода маневров, корабельного быта и так далее выполнены с полным знанием дела, достоверно и убедительно.

Но Жюль Верн не был профессиональным моряком, хотя и любил повторять: «Море — моя стихия».

Легенда третья, развенчанная еще при жизни писателя: Жюль Верн — коллективный псевдоним группы литераторов, географов и путешественников. Один человек не может обладать такой продуктивностью, такими разносторонними знаниями и придумать столько разнообразных сюжетов!

Легенда четвертая, выросшая из газетной утки и подхваченная печатью многих стран: писатель Жюль Верн, выдающий себя за француза, на самом деле — польский еврей-эмигрант Ольшевич, принявший в Риме католичество и нашедший во Франции вторую родину. Фамилию Верн (Vergne) он присвоил себе потому, что это сокращение французского слова «Vergne» (ольха). Следовательно, «Верн» — преобразованное на французский лад польское родовое имя «Ольшевич».

Глупый домысел, отнимавший у французского классика его французское происхождение, так упорно держался и после смерти Жюля Верна, что его родственники, в конце концов, сочли нужным опубликовать подлинные метрические выписки и другие документы из нантского городского архива, удостоверяющие, что Жюль-Габриэль Верн родился 8 февраля 1828 года в городе Нанте в семье потомственного адвоката Пьера Верна и его жены Софи-Анриетты Верн, до замужества Аллот де ла Фюи, из старинного рода бретонских моряков, кораблестроителей и судовладельцев, издавна укоренившихся в Нанте.

И наконец, пятая легенда, рисующая Жюля Верна добрым буржуа, истым католиком и счастливым семьянином. Такой образ писателя, созданный его первыми биографами, был искусственно подогнан к шаблону: признанный воспитатель юношества, классик детской литературы в глазах общественного мнения иначе выглядеть и не мог.

Традиционный Жюль Верн — этакий благодушный либерал, далекий от действительной жизни, с ее противоречиями, наивный чужак и безудержный мечтатель, который тем-то, собственно, и хорош, что уводит юных читателей в иллюзорный мир фантастики, — конечно, не имеет ничего общего с подлинным, невыдуманым Жюлем Верном.

ИНТЕРВЬЮ

Незаметно подкралась старость. Уже много лет Жюль Верн не выезжал из Амьена и все реже выходил из дому. Он страдал от диабета, почти полностью потерял зрение, стал плохо слышать. Окружающий мир погрузился в полумрак, но работа почти не прерывалась. Дрожащей рукой он унизывал листы бумаги ровными полосками строчек, соглашаясь диктовать только в часы недомогания или крайней усталости.

В каком он был состоянии, можно судить по его поздним письмам.

«Я теперь совсем не двигаюсь и стал таким же домоседом, как раньше был легок на подъем. Возраст, болезни, заботы — все это приковывает меня к дому. Ах дружище Поль! — жаловался он брату незадолго до своего семидесятилетия. — Хорошее было время, когда мы вместе плавали по морям. Оно уже никогда не вернется...»

«Писать мне приходится почти вслепую из-за катаракты на обоих глазах», — сообщал он в 1901 году итальянскому литератору Марио Туриелло.

«Я вижу все хуже и хуже, моя дорогая сестра, — писал он в 1903 году. — Операции катаракты еще не было... Кроме того, я оглох на одно ухо. Итак, я в состоянии теперь слышать только половину глупостей и злопыхательств, которые ходят по свету, и это меня не мало утешает!»

Ежедневно со всех концов света Жюль Верн получал десятки писем. Юные читатели желали ему долгих лет жизни и подсказывали сюжеты для следующих томов «Необыкновенных путешествий». Известные ученые, изобретатели, путешественники благодарили писателя за то, что его книги помогли им в молодые годы не только полюбить науку, но и найти жизненное поприще.

Массивный шкаф в его библиотеке, отведенный для переводной «Жюльвернианы», был забит до отказа сотнями разноцветных томов, изданных в разных странах, на разных языках, вплоть до арабского и японского. Русские издания едва умещались на двух верхних полках. Но это была лишь частица того, что тогда уже было напечатано во всем мире под его именем!

Все чаще и чаще в Амьен наведывались парижские репортеры и корреспонденты иностранных газет. И Жюль Верн, так неохотно и ску-

по говоривший о себе и о своем творчестве, вынужден был принимать визитеров и давать интервью. Беседы тут же записывались и попадали в печать. Эти репортажи представляют несомненный интерес, так как содержат достоверные мысли и признания великого фантаста, не оставившего после себя ни мемуаров, ни дневников.

В старых газетах и журналах мне удалось найти не менее полутора десятков таких публикаций. Среди них — рассказ о визите к Жюлю Верну известного итальянского писателя Эдмондо Де Амичиса, интервью, записанные английскими журналистами Мэри А. Бэллок, Г. Джонесом, Ч. Даубарном, французским критиком А. Бриссоном, русским литератором А. Плетневым, корреспондентами газет «Le Temps», «Die Woche», «Neues Wiener Journal», «L'Echo de Paris» и других.

Отвечая на стандартные вопросы, писатель поневоле должен был повторяться или варьировать одни и те же мысли. Наиболее подробно он останавливается на истории замысла «Необыкновенных путешественный» и своей неустанной работе над этой колоссальной серией романов. Почти в каждом интервью ему приходилось говорить о своих литературных пристрастиях, о науке и ее будущих возможностях, с которыми он связывал радужные перспективы не только технического прогресса, но и общественного развития. Не обходил он молчанием и тревожных вопросов международной политики: осуждал военные приготовления великих держав, рост вооружений и так далее. И наконец, лейтмотивом последних интервью становится навязчивая мысль о близкой смерти и оригинальном литературном завещании, которое должно было еще на несколько лет продлить для читателей его интенсивную творческую жизнь.

Я попытался свести воедино разрозненные высказывания, ограничив свою задачу монтажом и систематизацией материала по основным темам. Получилась довольно связанная творческая автобиография Жюля Верна. Все, что здесь сказано, — это его подлинные слова, застенографированные или записанные под свежим впечатлением лицами, которым он давал интервью. Вопросы тоже не придуманы. Только задавались они в разное время, разными людьми.

Почти каждый журналист начинал с традиционного вопроса:

— Месье Верн, не могли бы вы рассказать, как началась ваша литературная деятельность?

— Моим первым произведением, — отвечал Жюль Верн, — была небольшая комедия в стихах, написанная при участии Александра Дюма-сына, который был и оставался одним из лучших моих друзей до самой его смерти. Она была названа «Сломанные соломинки» и ставилась на сцене «Исторического театра», владельцем которого был Дюма-отец. Пьеса имела некоторый успех, и по совету Дюма-старшего я отдал ее в печать. «Не беспокойтесь, — ободрил он меня. — Даю вам полную гарантию, что найдется хотя бы один покупатель. Этим покупателем буду я!»

Работа для театра очень скудно оплачивалась. И хотя я написал еще несколько водевилей и комических опер, вскоре мне стало ясно, что драматические произведения не дадут мне ни славы, ни средств к жизни. В те годы я ютился в мансарде и был очень беден... Пора было всерьез задуматься о будущем. Моим истинным призванием, как

вы знаете, оказались научные романы или романы о науке — затрудняюсь, как лучше сказать...

И все-таки я никогда не терял любви к сцене и ко всему, что так или иначе связано с театром. Мне всегда было очень радостно, когда мои романы, переделанные в пьесы, начинали на сцене вторую жизнь. Особенно посчастливилось «Михаилу Строгову» и «Вокруг света в восемьдесят дней». Инсценировки этих романов ставились и ставятся, как сообщает пресса, с неизменным успехом во многих столичных театрах. В общей сложности я написал около сорока пьес.

— Хотелось бы знать, месье Верн, что побудило вас писать научные романы и как напали вы на эту счастливую мысль?

— Откровенно говоря, я и сам не знаю. Меня всегда интересовали науки, в особенности география. Любовь к географическим картам и истории великих открытий, скорее всего, и заставила работать мысль в этом направлении. Литературное поприще, которое я избрал, было тогда ново и почти совсем не использовано. В занимательной форме фантастических путешествий я старался распространять современные научные знания. На этом и основана серия географических романов, ставшая для меня делом жизни. Ведь еще до того, как появился первый роман, положивший начало «Необыкновенным путешествиям», я написал несколько рассказов на подобные же сюжеты, например «Драма в воздухе» и «Зимовка во льдах».

— Расскажите, пожалуйста, о своем первом романе. Когда и при каких обстоятельствах он появился?

— Приступив к роману «Пять недель на воздушном шаре» — это было летом 1862 года, — я решил выбрать местом действия Африку просто потому, что эта часть света была известна значительно меньше других. И мне пришло в голову, что самое интересное и наглядное исследование этого обширного континента может быть сделано с воздушного шара. Никто не преодолевал на азростате такие огромные расстояния. Поэтому мне пришлось придумать некоторые усовершенствования, чтобы баллоном можно было управлять. Помнится, я испытывал сильнейшее наслаждение, когда писал этот роман и, главное, когда производил необходимые изыскания, чтобы дать читателям по возможности реальное представление об Африке...

Кончив работу, я послал рукопись издателю Этцелю. Он быстро прочел ее, пригласил меня к себе и сказал: «Вашу вещь я напечатаю. Я уверен, она будет иметь успех». И опытный издатель не ошибся. Роман вскоре был переведен почти на все европейские языки и принес мне известность...

С тех пор по договору, который заключил со мной Этцель, я передаю ему ежегодно — увы! теперь уже не ему, а его сыну¹ — по два новых романа или один двухтомный. И этот договор, по-видимому, останется в силе до конца моей жизни...

— «Пять недель на воздушном шаре» — одно из самых популярных ваших произведений, месье Верн, вы сами это знаете. Но чем объяснить такой успех вашего первого романа?

— Мне трудно ответить на этот вопрос. Успех моего первого романа, да и других, которые были написаны позже, обычно объясняют

---

¹ Пьер Жюль Этцель умер в 1886 году.

тем, что я в доступной форме сообщаю много научных сведений, мало кому известных. Во всяком случае, я всегда старался даже самые фантастические из моих романов делать возможно более правдоподобными и верными природе.

— Только ли это? Ведь во многих ваших романах содержатся удивительно точные предсказания научных открытий и изобретений — предсказания, которые постепенно сбываются...

— Вы преувеличиваете. Это простые совпадения, и объясняются они очень просто. Когда я говорю о каком-нибудь научном феномене, то предварительно исследую все доступные мне источники и делаю свои выводы, опираясь на множество фактов. Что же касается точности описаний, то этим я обязан всевозможным выпискам из книг, газет, журналов, различных рефератов и отчетов, которые у меня заготовлены впрок и исподволь пополняются. Все эти заметки тщательно классифицируются и служат материалом для моих повестей и романов. Ни одна моя книга не написана без помощи этой картотеки.

Я внимательно просматриваю двадцать с лишним газет, прилежно прочитываю все доступные мне научные сообщения, и, поверьте, меня всегда охватывает чувство восторга, когда я узнаю о каком-нибудь новом открытии...

Настойчивой журналистке Мэри Бэллок захотелось во что бы то ни стало увидеть собственными глазами замечательную картотеку писателя. Жюль Верн очень неохотно допускал посторонних в свое «тайное тайных», но на этот раз сделал исключение. Он предложил гостю подняться по узкой винтовой лестнице, показал ей свой более чем скромный рабочий кабинет, провел по коридору, увешанному географическими картами, и отворил дверь в библиотеку — просторную светлую комнату, уставленную вдоль стен высокими книжными шкафами, с громадным столом посередине, заваленным газетами, журналами, бюллетенями научных обществ и всякими периодическими изданиями.

В одном из шкафов вместо книг оказалось несколько десятков дубовых ящичков. В определенном порядке в них были разложены бесчисленные выписки и заметки, нанесенные на карточки одинакового формата, вырезки из газет и журналов. Карточки подбирались по темам и вкладывались в бумажные обертки. Получались несшитые тетрадки разной толщины в зависимости от числа карточек в каждой из них. Всего, по словам Жюль Верна, у него накопилось около двадцати тысяч таких тетрадок, содержащих интересные сведения по всем отраслям знаний.

Любопытная англичанка не пропустила случая ознакомиться и с библиотекой писателя, где в изобилии были представлены труды по географии, геологии, астрономии, физике, технологии, записки путешественников, мемуары ученых, всевозможные энциклопедии и справочники, не говоря уже о прекрасном подборе художественной литературы. «Его библиотека, — пишет Мэри Бэллок, — служит исключительно для пользования, а не для любования. Тут вы встретите сильно подержанные издания сочинений Гомера, Вергилия, Монтеня, Шекспира, Мольера, Купера, Диккенса, Скотта. Вы найдете тут и современных авторов».

— Вальтер Скотт, Диккенс и Фенимор Купер — мои любимые писатели, — сказал Жюль Верн. — Читая Купера, я никогда не испытываю чувства усталости. Некоторые из его романов достойны бессмертия, и я надеюсь, о них будут помнить и тогда, когда так называемые литературные гиганты более позднего времени канут в Лету... С юных лет меня восхищали романы капитана Марриэта. Я и теперь охотно его перечитываю. Нравятся мне также Майн Рид и Стивенсон. К сожалению, недостаточное знание английского языка мешает узнать их ближе. «Остров сокровищ» Стивенсона есть у меня в переводе. Эта книга поражает необыкновенной чистотой стиля и силой воображения. Но выше всех английских писателей я ставлю Чарльза Диккенса, — при этих словах, — заметила Мэри Бэллок, — на лице Жюля Верна изобразился неподдельный юношеский энтузиазм. — Автор «Николаса Никльби», «Давида Копперфильда», «Сверчка на печи» покоряет меня своим пафосом, умением вводить интересные сцены, сильные описания... Почти десять лет спустя оценка Диккенса была дополнена в беседе с англичанином Ч. Даубарном:

— Я несколько раз перечитывал Диккенса от корки до корки. Этому писателю я многим обязан. У него можно найти все: воображение, юмор, любовь, милосердие, жалость к бедным и угнетенным — одним словом, все...

Даубарн зафиксировал и такое признание Жюля Верна:

— На меня произвел сильное впечатление ваш новый писатель Уэллс. У него совершенно особая манера, и книги его очень любопытны. Но по сравнению со мной он идет совсем противоположным путем... В его повестях, по-моему, нет подлинно научной основы. Я использую физику, а он изброетает ее. Если я стараюсь отталкаться от правдоподобного и в принципе возможного, то Уэллс придумывает для осуществления подвигів своих героев самые невозможные способы. Например, если он хочет выбросить своего героя в мировое пространство, то придумывает металл, не имеющий веса... Уэллс больше, чем кто-либо другой, является представителем английского воображения.

— А еще какие писатели показательны для английского воображения?

— Прежде всего, Лоренс Стерн. Мое юношеское увлечение литературой было воспламенено Стерном. Я упивался «Сентиментальным путешествием» и «Тристрамом Шенди», этими остроумнейшими книгами, которые оказали на меня известное влияние. И конечно, Эдгар По! Я читал его превосходные новеллы в переводе Бодлера и много размышлял о его творчестве. Фантазия его неистощима, но он, как и Уэллс, менее всего заботится о соблюдении элементарных законов физики и механики. Ему, например, ничего не стоит отправить своего героя на Луну в воздушном шаре. Я же старался придумывать более действенные способы.

— Что вы скажете о французской литературе и каких авторов предпочитаете?

— В нескольких словах этого не скажешь. Я согласен с теми, кто считает литературу моей страны одной из самых великих в мире. Мне близок гений Мольера. Когда-то я был без ума от Бомарше. Меня восхищает мудрость Монтеня и жизнелюбие Рабле. Что же касается

новых писателей, то Дюма-отец был мне всегда особенно близок, и я считал своим долгом посвятить его памяти один из своих романов — «Матиаса Шандора». Люблю также романы и «Легенды веков» Виктора Гюго, хотя порою он бывает чересчур напыщенным... Преклоняюсь перед гением Ги де Мопассана. Любой из его психологических этюдов — в своем роде шедевр...

Почти каждый посетитель задавал писателю дежурный вопрос:

— Месье Верн, вы один из самых популярных и самых плодотворных романистов. Не считите нескромным мое любопытство, но хотелось бы знать, как вам удается на протяжении нескольких десятилетий сохранять такую завидную работоспособность?

На этот вопрос Жюль Верн отвечал с плохо скрытым раздражением:

— Не надо меня хвалить. Труд для меня — источник единственного и подлинного счастья... Это — моя жизненная функция. Как только я кончаю очередную книгу, я чувствую себя несчастным и не нахожу покоя до тех пор, пока не начну следующую. Праздность является для меня пыткой.

— Да, я понимаю... И все же вы пишете с такой завидной легкостью, что невольно...

— Это заблуждение! Мне ничего легко не дается. Почему-то многие думают, что мои произведения — чистая импровизация. Какой вздор! Я не могу приступить к работе, если не знаю начала, середины и конца своего будущего романа. До сих пор я был достаточно счастлив в том смысле, что для каждого произведения у меня в голове была не одна, а по меньшей мере полдюжины готовых схем. Большое значение я придаю развязке. Если читатель сможет угадать, чем все кончится, то такую книгу не стоило бы и писать. Чтобы роман понравился, нужно изобрести совершенно необычную и вместе с тем оптимистическую развязку. И когда в голове сложится костяк сюжета, когда из нескольких возможных вариантов будет избран наилучший, тогда только начнется следующий этап работы — за письменным столом.

— Если это не секрет, расскажите, пожалуйста, месье Верн, как вы пишете ваши романы.

— Не понимаю, какой интерес это представляет для публики. Но все же я могу раскрыть секреты моей литературной кухни, хотя и не решился бы рекомендовать их никому другому. Ведь каждый писатель работает по своему собственному методу, выбирая его скорее инстинктивно, чем сознательно. Это, если хотите, вопрос техники. За много лет вырабатываются постоянные привычки, от которых невозможно отказаться.

Начинаю я обыкновенно с того, что выбираю из своей картотеки все выписки, относящиеся к данной теме; сортирую их, изучаю и обрбатываю применительно к будущему роману. Затем я делаю предварительные наброски и составляю план по главам. Вслед за тем пишу карандашом черновик, оставляя широкие поля — полстраницы — для поправок и дополнений. Потом написанное карандашом не спеша обвожу чернилами, и тут мне как раз и пригождается чистая половина листа. Но это еще не роман, а только каркас романа. В таком виде рукопись поступает в типографию. В первой корректуре я исправляю почти каждое предложение и нередко пишу заново целые главы...

Окончательный же текст получается после пятой, седьмой или, случается, девятой корректуры. Происходит это потому, что яснее всего я вижу недостатки своего сочинения не в рукописи, а в печатных оттисках. К счастью, мой издатель хорошо это понимает и не ставит никаких ограничений... Но почему-то принято считать, что если писатель много пишет, значит, ему все легко дается. Увы, это не так! Совсем не так!..

— Но ведь при такой системе значительно замедляется скорость работы?

— Я этого не нахожу. Благодаря моим регулярным привычкам и ежедневной работе за столом с пяти утра до полудня, мне удается уже много лет подряд писать по две книги в год. Правда, такой распорядок жизни потребовал некоторых жертв. Чтобы ничто не отвлекало от дела, я переселился из шумного Парижа в спокойный тихий Амьен. Вы спросите, почему я выбрал Амьен? Этот город мне особенно дорог тем, что здесь родилась моя жена и здесь мы с ней когда-то познакомились. Мало-помалу в Амьене сосредоточились все мои интересы. Некоторые из моих друзей скажут вам, что званием муниципального советника я горжусь несколько не меньше, чем литературной известностью, и я счастлив от того, что могу приносить моему городу посильную пользу...

— Ваши герои всегда путешествуют. Ну, а сами вы, месье Верн, разве вы не любите путешествовать?

— Очень люблю, вернее любил. В свое время я проводил значительную часть года на своей яхте «Сен-Мишель». Я дважды обогнул на ней Средиземное море, посетил Италию, Англию, Шотландию, Ирландию, Данию, Голландию, Скандинавию, заходил в африканские воды... Эти поездки оченьгодились мне впоследствии при сочинении романов.

Я побывал даже в Северной Америке. Это случилось в 1867 году. Одна французская компания приобрела океанский пароход «Грейт Истерн», чтобы перевозить американцев на Парижскую выставку... Мы посетили с братом Нью-Йорк и несколько других городов, видели Ниагару зимой, во льду... На меня произвело неизгладимое впечатление торжественное спокойствие гигантского водопада. Поездка в Америку дала мне материал для романа «Плавающий город».

Моя жизнь протекала мирно, в работе, и я не могу пожаловаться на судьбу. Только однажды со мной случилась печальная история, которая заставила меня стать домоседом и отказаться от путешествий. С нами жил племянник, сын моего брата, образованный милый молодой человек... И вот, в 1886 году мне пришлось пережить нечто ужасное... Племянник внезапно помешался и решил меня убить, хотя между нами не было никаких размолок. Он дважды выстрелил в меня из револьвера. Первая пуля слегка задела плечо, а вторая застряла в бедре. Профессор Вернейль сделал операцию, но я так и не знаю, удалось ли ему извлечь пулю. Иногда я чувствую в ноге сильную боль и с тех пор хромаю. Несчастливого племянника отправили в приют для умалишенных, а яхту пришлось продать...

Море всегда меня привлекало, и для меня нет ничего заманчивей жизни моряка. Самому мне стать моряком не довелось, но во многих моих романах действие происходит на морях...

— Как вы относитесь к спорту?

— Разумеется, положительно.

— А какой вид спорта предпочитаете?

— Из того, что я говорил, легко догадаться: парусный. Когда-то я был искусным яхтсменом.

— А есть ли какой-нибудь вид спорта, который вы не одобряете?

— Автомобильные гонки. Это — безумный спорт, и я очень сожалею, что он получил такое распространение. Каждый владелец автомобиля рискует головой. Автомобили загрязняют воздух. В этом новом увлечении я вижу признак деградации современного цивилизованного общества. Ничего, кроме модного декадентства и умственного оскудения, в этом виде спорта я не усматриваю... Пешеходы теперь подвергаются опасности даже на амьенских улицах. Когда я выхожу из дому, любезные прохожие то и дело предупреждают меня: «Внимание, месье Верн, автомобиль идет!»... Впрочем, — добавил он улыбнувшись, — я не отстаю от века. В нынешнем году печатается мой новый роман. Его содержание — автомобилизм... в настоящем и будущем...¹.

— Хотелось бы знать, месье Верн, какой из ваших романов вам кажется наилучшим или, иначе говоря, какое из своих произведений вы сами предпочитаете?

— Хороший отец любит одинаково всех своих детей. А у меня ни мало ни много девяносто семь книг². Трудно мне назвать среди них самую любимую. Из романов последних лет я выделил бы, пожалуй, «Завещание чудака»³. Иногда я его перечитываю, и сам удивляюсь, как мне удалось так живо и занимательно познакомить юных читателей с географией Соединенных Штатов... Неплохо получился как будто и роман «Братья Кип». Книга основана на реальных фактах и изображает трагическую историю двух братьев. Почти все действие происходит в Тихом океане⁴. Быть может, мои слова могут показаться не совсем скромными, но, честное слово, когда я перечитываю собственные книги, то порою забываю, что являюсь их автором...

— С тем большей объективностью вы можете судить о своих ранних романах. Едва ли не самый знаменитый из них — «Двадцать тысяч лье под водой»!..

— А знаете ли вы, что одним из самых больших моих успехов я обязан Жорж Санд? Это она навела меня на мысль написать «Двадцать тысяч лье под водой»!

— Жорж Санд? Как странно...

— Но это так. В 1865 году по просьбе Этцеля — он принадлежал к числу ее друзей — я послал ей «Пять недель на воздушном шаре» и «Путешествие к центру Земли». Вскоре я получил ответ — собственноручное письмо Жорж Санд, которое я берегу как реликвию. Вот оно, можете сами прочесть...

Жюль Верн достал из секретера и протянул собеседнику, парижскому литератору Адольфу Бриссону, конверт с драгоценным

¹ Эти слова были сказаны в 1904 году. Имеется в виду роман «Властелин мира».

² Количество романов не совпадает с количеством книг. Крупные произведения Жюль Верна печатались в двух, иногда в трех книгах.

³ Роман «Завещание чудака» опубликован в 1899 году.

⁴ Роман «Братья Кип» вышел в свет в 1902 году.

письмом. Бриссон попросил разрешения скопировать его и воспроизвести в своем очерке.

Вот что писала Жорж Санд:

«Благодарю Вас за приятные надписи на обеих книгах. Ваши великолепные произведения вывели меня из состояния глубокой апатии и заставили испытать волнение. Огорчена я только тем, что слишком быстро их проглотила и лишена возможности прочесть еще дюжину подобных романов. Я надеюсь, что скоро Вы увлечете нас в глубины моря и заставите Ваших героев путешествовать в подводных лодках, усовершенствовать которые Вам помогут Ваши знания и Ваше воображение. Когда «Англичане на Северном полюсе»¹ выйдут отдельной книгой, прошу Вас не забыть прислать их мне. У Вас восхитительный талант и сердце, способное еще больше его возвысить. Тысячу раз благодарю Вас за те приятные минуты, которые Вы помогли мне испытать среди моих горестей».

О капитане Немо и «Наутилусе» речь заходила почти в каждом интервью. Англичанин Даубарн, навестивший писателя в 1904 году, заметил, что новейшие конструкции подводных лодок свидетельствуют самым поразительным образом о воплощении в жизнь его идей.

— Тут опять-таки, — возразил Жюль Верн, — нет никакого пророчества. Подводная лодка существовала и до появления моего романа. Я просто взял то, что уже намечалось в действительности, и развил в воображении. Капитан Немо желает оградить себя от всякого общения с людьми — отсюда и его имя. Поэтому я погружаю его в стихию, которая дает ему возможность не только получать двигательную силу — электрическую энергию из самого океана, но и добывать в морской пучине все необходимое для жизни...

— В связи с появлением подводных лодок морская война становится не той, что прежде. Каковы ваши прогнозы на этот счет?

— Самые мрачные. В морской стратегии произошел полный переворот. Военное судно уже не может чувствовать себя в безопасности, имея против себя подводную лодку и торпеду. Если обыкновенный динамитный патрон производит взрыв, достаточный для расщепления стального рельса, что же тогда говорить о торпедах, начиненных куда более сильными взрывчатыми веществами! Какие адские силы вырвутся на свободу, если военная техника будет совершенствоваться с такой быстротой?!

— В настоящее время возможности кругового обзора ограничены перископом на поверхности воды. Это стесняет маневренность подводных лодок. Как вы думаете, месье Верн, смогут ли они когда-нибудь атаковать одна другую в глубине моря?

— В этой области мне тем более не хотелось бы прослыть пророком. Но, кстати, могу напомнить, что в моем романе «Флаг родины» изображен бой двух подводных лодок у Бермудских островов. Одна из них пытается проникнуть в подводный грот, а другая препятствует ей. Таким образом сфера их действия ограничена узким каналом. Это, конечно, не то, что предполагаемое сражение в открытом море.

— Вы, конечно, следите за русско-японской войной?

— О да, и это пролитие крови приводит меня в ужас. Самые но-

¹ Заглавие первого тома «Путешествия и приключения капитана Гаттераса».

вейшие смертоносные орудия и взрывчатые вещества вводятся в действие. Механические торпеды в один миг уничтожают огромные дорогостоящие суда... Это самая жестокая война из всех когда-либо бывших на земном шаре!.. Но, может быть, люди почерпнут из нее кое-что и полезное... Она должна привести народы к сознанию, что современные войны, помимо денежной стоимости, становятся все труднее и, вероятно, заставят нации реже прибегать к оружию... По правде говоря, я не очень-то верю в эффективность Гаагских конференций¹. Есть, мне кажется, более действенные факторы, которые могут способствовать ограничению войн в будущем. Один из них — трудность доведения операции до определенного исхода, благодаря усовершенствованию вооружения с обеих сторон, и другой — исключительная дороговизна, которая может привести к обнищанию целые государства.

— Однако мы ежедневно видим появление все новых и новых усовершенствованных смертоносных орудий...

— Цивилизованное варварство! — восклицает Жюль Верн. — Тем более дипломаты должны стараться сохранить мир... Но что бы нам ни угрожало сейчас, я верю в созидательные силы разума. Я верю, что народы когда-нибудь договорятся между собой и помешают безумцам использовать величайшие завоевания науки во вред человечеству...

Однажды — это было в 1902 году — Жюль Верна посетил незнакомый молодой человек — корреспондент «Новой Венской газеты». По-видимому, он попал в удачный час: старый писатель был более словоохотлив и откровенен, чем обычно. Он подробно рассказал о своем первом романе, о методах своей работы, о последнем, еще не опубликованном произведении. На вопрос журналиста, чем можно объяснить столь широкое распространение его книг, Жюль Верн ответил:

— Я стараюсь учитывать запросы и возможности юных читателей, для которых написаны все мои книги. Работая над своими романами, я всегда думаю о том — пусть иногда это идет даже в ущерб искусству, — чтобы из-под моего пера не вышло ни одной страницы, ни одной фразы, которую не могли бы прочесть и понять дети.

— А вы получаете от них письма?

— Да, и довольно много. Письма приходят из разных стран. Нередко мне приходится обращаться к помощи переводчиков. Некоторые читатели просят у меня автографов, другие высказывают свои мысли по поводу того или иного романа. И это придает мне уверенность, что работаю я не напрасно...

Когда разговор, как всегда в таких случаях, зашел о науке, Жюль Верн заметно воодушевился.

— Я отнюдь не считаю себя специалистом-ученым, но о науке готов говорить часами. Постараюсь быть краток, чтобы вас не утомить. Я считаю себя счастливым, что родился в такой век, когда на наших глазах сделано столько замечательных открытий и еще более удиви-

---

¹ Действительно, дипломатические конференции в Гааге, ставившие задачей ограничение вооружений и обеспечение мира, не оправдали возлагавшихся на них надежд.

тельных, быть может, изобретений. Можно не сомневаться, что науке суждено открыть людям много удивительного и чудесного. Скажу даже больше: я убежден, что открытия ученых совершенно изменят условия жизни на земле, и многие из этих чудесных открытий будут сделаны на глазах нынешнего поколения. Ведь наши знания о силах природы, взять хотя бы электричество, находятся еще в зачаточном состоянии. В будущем, когда мы вырвем у природы еще много ее тайн, все чудеса, которые описывают романисты и, в частности, ваш покорный слуга, покажутся простыми и неинтересными по сравнению с еще более редкими и удивительными явлениями, свидетелями которых можете быть и вы...

Еще немного времени — и наши телефоны и телеграфы покажутся смешными, а железные дороги слишком шумными и отчаянно медлительными. Культура проникнет в самые глухие деревенские углы... Реки и водопады дадут во много раз больше двигательной энергии, чем сейчас. Одновременно будут разрешены и задачи воздухоплавания. Дно океана станет предметом широкого изучения и целью путешествий... Настанет день, когда люди смогут эксплуатировать недра океана так же, как теперь золотые россыпи. Двадцатый век создаст новую эру...

Моя жизнь была полным-полна действительными и воображаемыми событиями. Я видел много замечательных вещей, но еще более удивительные создавались моей фантазией. Если бы вы только знали, как я сожалею о том, что мне так рано приходится завершить свой земной путь и проститься с жизнью на пороге эпохи, которая сулит столько чудес!..

Жюль Верн замолчал. Журналист, взволнованный его искренним признанием, торопливо записывал только что произнесенные слова.

— Теперь вы, наверное, спросите меня, — снова заговорил писатель, — каков общий замысел «Необыкновенных путешествий» и что я собираюсь делать дальше?

— Вы угадали, месье Верн.

— Я поставил своей задачей описать в «Необыкновенных путешествиях» весь земной шар. Следуя из страны в страну по заранее установленному плану, я стараюсь не возвращаться без крайней необходимости в те места, где уже побывали мои герои. Мне предстоит еще описать довольно много стран, чтобы полностью расцветить узор. Но это сущие пустяки по сравнению с тем, что уже сделано. Быть может, я еще закончу мою сотую книгу! Закончу обязательно, если проживу еще пять или шесть лет...

— И вы знаете, чему будет посвящена ваша сотая книга?

— Да, я часто думаю об этом. Я хочу в своей последней книге дать в виде связного обзора полный свод моих описаний земного шара и небесных пространств и, кроме того, напомнить о всех маршрутах, которые были совершены моими героями... Но независимо от того, успею я выполнить этот замысел или нет, могу вам сказать, что у меня накопилось в запасе несколько готовых книг, которые будут изданы после моей смерти...

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ЖАН ЖЮЛЬ-ВЕРН

Одно из крупнейших парижских издательств «Ашетт», еще до первой мировой войны откупившее привилегию на издание всех сочинений Жюль Верна, в апреле 1966 года организовало большую выставку, посвященную столетнему юбилею выхода в свет романа «С Земли на Луну».

В громадном салоне автомобильной фирмы Рено на Елисейских Полях с десяти утра до десяти вечера, а по субботам и воскресеньям до полуночи, в течение целого месяца не убывал поток посетителей.

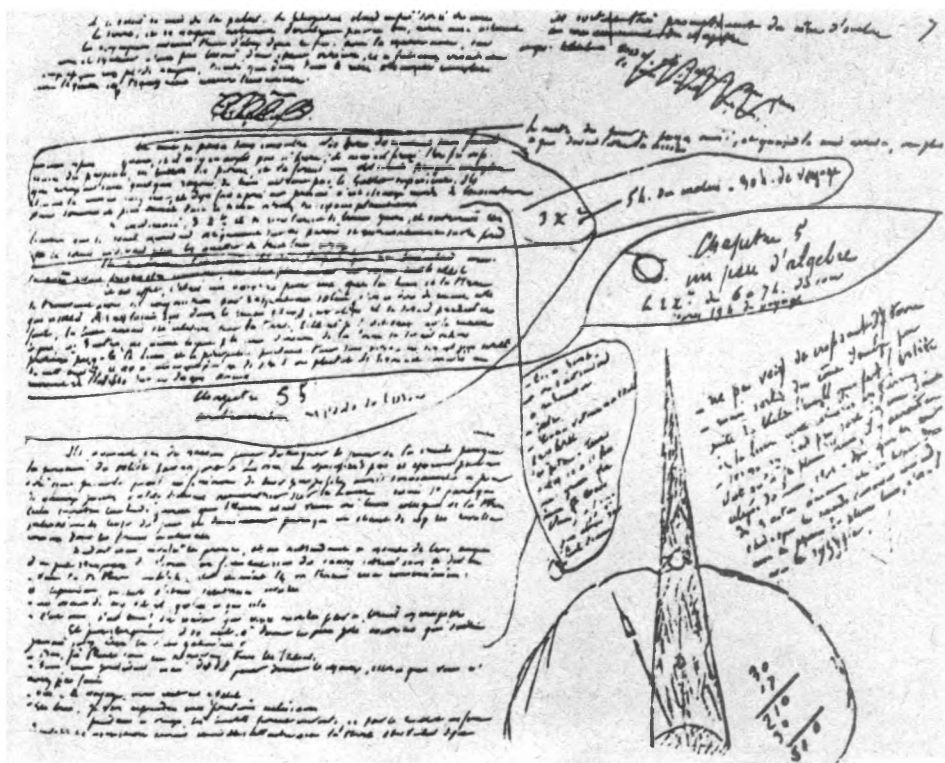
Здесь было на что посмотреть. Демонстрировались не только автографы, среди них рукопись знаменитого романа, и гравюры французских мастеров, образно воплотивших мир научной фантастики Жюль Верна, но и материалы, рассказывающие о современных достижениях в области космических полетов: французская ракета, модель советской автоматической станции «Луна-9», впервые совершившей мягкую посадку на Луну, лунный глобус с рельефным обозначением «морей» и кратеров на обоих полушариях и так далее.

С огромным интересом парижане рассматривали первые русские издания романов Жюль Верна, выходившие в переводе спустя несколько месяцев после появления оригинала. Так, роман «От Земли до Луны 97 часов прямого пути» был издан в Петербурге в 1866 году.

Среди материалов экспозиции советского раздела привлекли внимание высказывания о Жюле Верне русских писателей и ученых, ошеломляющие сведения об астрономических тиражах его сочинений, увеличенные репродукции рисунков Л. Н. Толстого к «Вокруг света в восемьдесят дней», картины летчика-космонавта Алексея Леонова: четыре космических пейзажа и единственный в своем роде автопортрет, изображающий первого человека, шагнувшего в открытый космос.

Побывав на Парижской выставке по приглашению издательства «Ашетт», Алексей Леонов сообщил по телефону в Москву:

— Я испытал большое волнение, ознакомившись с замечательной выставкой, посвященной писателю, которого я полюбил еще в юности.

Страница из черновой рукописи романа «Вокруг Луны» с вычислениями траектории снаряда. Глава 5 «Немного алгебры» в окончателном тексте превратилась в главу четвертую.

Мне было приятно также встретиться с его внуком, очень симпатичным человеком... («Литературная газета», 14 апреля 1966 г.)

Жан Жюль-Верн хорошо знал и помнил писателя. В 1905 году, когда он ушел из жизни, внуку было 13 лет. Его детство и отрочество частично прошли в Амьене, в доме знаменитого деда.

«Я с грустью вспоминаю, — писал он в Москву журналисту В. Седых, — старого человека, обремененного годами и болезнью, который до своего последнего часа жил работой и мечтой, не щадя своих уже слабых сил для завершения взятой на себя миссии.

Я подстегиваю мою непослушную память и возвращаюсь к еще более отдаленному времени. Вот я — мне еще нет четырех — на перроне вокзала Монсури вместе с моими родными. Вижу мою матушку: на ней платье из фуляра, синее в горошек (эта деталь кажется точной); она держит меня за руку, а дед — он бодр и очень беспокоен — подталкивает нас к нашему купе, чтобы не прозевать отхода поезда. Отец Филеаса Фогга всегда боялся опоздать на поезд и не умел сохранять в этих случаях невозмутимое хладнокровие своего героя!

В 1898 году я довольно долго жил у него в Амьене, на улице Шарля Дюбуа и ходил в соседнюю школу. Вижу, как он с собакой

Летчик-космонавт СССР Алексей Леонов знакомится с внуком писателя Жаном Жюль-Верном. Эта знаменательная встреча произошла 12 апреля 1966 года. Снимок предоставлен парижским Агентством иллюстраций для прессы (Agip).

Фолетт гуляет в своем скромном саду — там на пасху я искал яйца, упавшие с неба! Он всегда прощал мне мелкие прегрешения, которые я не упускал случая совершать, и радовался, когда ему удавалось сводить меня в цирк... После 1900 года я вновь нахожу его в маленьком доме, куда он вернулся на склоне лет, смирившийся и усталый; он стал молчаливым, но по-прежнему начинал работать на рассвете в своем тесном кабинете — настоящей монашеской келье; там он и спал на железной кровати... А потом... Однажды я вернулся в маленький амьенский домик, чтобы быть рядом с ним в момент его смерти. Он умер стойчески, в полном сознании. А мне осталась только печаль, охватывающая тех, кто теряет дорогого человека». («Иностранная литература», 1978, № 8.)

— До последних дней его интересовало все, связанное с прогрессом науки... Он обладал обширными научными познаниями, и никак нельзя сказать, что его романы были плодом досужего вымысла. Он всегда опирался на точные и строго проверенные научные данные своего века. В самых фантастических его книгах содержится немало ценных для науки того времени наблюдений (из беседы Жана Жюль-Верна с корреспондентом московской газеты «Труд»).

Как и все подростки, он зачитывался «Необыкновенными путешествиями», а потом прочел их другими глазами и «открыл богатства, о которых даже не подозревал».

— Мы присутствуем, — заявлял он не раз, — при настоящем возрождении Жюль Верна и видим в нем больше, чем только автора приключенческих книг для юношества. Его творчество адресовано читателям всех возрастов. В любом возрасте мы можем черпать в нем все более разнообразное содержание (из интервью парижскому еженедельнику «Ле нувель литерер»).

О пиетете внука к памяти деда свидетельствует составная фамилия Жюль-Верн. Дело в том, что его отец Мишель Верн, единственный сын писателя, как и все предки по мужской линии, был просто Верном.

По семейной традиции Жан Жюль-Верн получил юридическое образование, занимался судебными делами, закончив служебную карьеру председателем Трибунала высшей инстанции в Тулоне, где жил до конца своих дней. На досуге он собирал мемуарные свидетельства и документы о своем прославленном деде, а последние годы целиком посвятил себя работе над книгой о его жизни и творчестве, разноречивые толки о которой проникали в печать. Но автор невозмутимо продолжал собирать по крупицам и не спеша обрабатывал огромный фактический материал, воздерживаясь от предварительных публикаций.

В течение многих лет Жан Жюль-Верн был почетным президентом французского Жюль-верновского общества. После запуска в СССР первых искусственных спутников и орбитального полета Юрия Гагарина, а затем после каждого очередного успеха в освоении космоса он давал интервью журналистам, в том числе и советским.

Огромное впечатление произвела на него мягкая посадка космического корабля на Луну, осуществленная учеными нашей страны незадолго до открытия памятной выставки на Елисейских Полях. Вот что он сказал по этому поводу представителям прессы:

— Из всех способов празднования столетия появления книги моего деда «С Земли на Луну» этот был самым изящным и волнующим.

Жюль Верн, ссылающийся только на сведения своего времени, предвидел, что снаряд может быть послан на Луну, и, подчеркивая при этом почти непреодолимые трудности, предусматривал также необходимость ракет торможения для амортизации падения на нашу Селену. Этот запуск — фантастический научный подвиг, который люди доброй воли не должны позволить извратить. Ведь недаром старый рассказчик направил артиллеристов на Луну, чтобы отвлечь их от обычных разрушительных действий!..

Мне трудно выразить всю радость по поводу чудесных достижений советской науки, которые вызвали бы восхищение у того, кто, доверяя перу свои научные мечты, верил, что люди их осуществят. («Техника — молодежи», 1966, № 6.)

После первой лунной экспедиции американских космонавтов Жан Жюль-Верн был приглашен в США на торжественный акт в честь автора «С Земли на Луну». В 1969 году он встречался в Париже с американским космонавтом Фрэнком Борманом и преподнес ему анти-

кварный экземпляр лунной дилогии Жюль Верна. Внук писателя присутствовал на открытии выставки на Елисейских Полях, на открытии юбилейных Жюль-верновских выставок в Нанте и Париже и так далее. Но только после того, как в 1973 году в издательстве «Ашетт» вышло капитальное биографическое исследование «Жюль Верн», зафиксирован осязаемый вклад Жана Жюль-Верна в изучение жизни и творчества его великого деда.

Материал для своей книги он собирал около сорока лет и выпустил ее в свет на восемьдесят втором году жизни, что само по себе, не говоря о достоинствах монографии, — факт почти беспрецедентный¹.

В предисловии Жан Жюль-Верн признаётся, какие его одолевали сомнения: «Имеем ли мы право, отряхнув пыль времен, — спрашивал он себя, — приподнимать некий саван», писать «историю человека, из жизни которого на поверхность потока времени всплыли события лишь самые незначительные?.. А что скажешь, если тот, кто намерен искать ответа у могилы, принадлежит к семье покойного?..»

Предприняв изыскательскую работу «наподобие шерлок-холмсовской», автор испытывал беспокойство и чувство вины, оправдывая себя тем, что со временем все тайное становится явным.

«Архивы скромностью не отличаются, и оставшиеся в них следы всегда могут быть открыты любопытными исследователями». Так не лучше ли взяться за это человеку, который ручается за точность всех документов и достоверность излагаемых фактов? Тем более, что он один из последних, кто лично знал писателя, чье творчество давало повод для всевозможных истолкований, иногда столь же блестящих, сколь и ошибочных. Ошибочных из-за недостатка документации...

У самого Жюль Верна на этот счет было вполне определенное мнение. «История моей жизни, — писал он в 1902 году итальянскому литератору Марио Туриелло, — не имеет ничего по-настоящему интересного, мои путешествия тоже ничем не примечательны. Писатель интересен для своей страны и всего мира только как писатель». Еще раньше, в 1900 году, по свидетельству Маргарет Аллот де ла Фюи, племянницы и автора первой его биографии (1928), Жюль Верн «сжигает сотни писем, личных бумаг, счетов и даже неизданных рукописей. При последнем переезде на другую квартиру он словно нарочно «затерял» бесценные документы. Он замечает следы своего материального бытия». А после его смерти ближайшие родственники еще раз ревизовали архив, уничтожив все, что считали «лишним».

С тех пор минуло три четверти века. Почти со столетним опозданием «детский беллетрист» Жюль Верн занял свое законное место в Пантеоне французских и мировых классиков. Когда-то он обронил очень верную мысль: «Редко случается, чтобы личность автора не наложила отпечаток на его творчество». Тем больше оснований заинтересоваться такой личностью. И тем более понятно желание исследователей стереть с «биографической карты» Жюль Верна многочисленные белые пятна.

---

¹ Русское издание: Жан Жюль-Верн. Жюль Верн. Перевод с французского Н. Рыковой и Н. Световидовой. Предисловие и примечания Е. Брандиса. Москва, «Прогресс», 1978.

Суперобложка французского (Париж, 1973) издания книги Жана Жюль-Верна «Жюль Верн».

Между тем отсутствие документов, хранившихся за семью запорами, порождало различные домыслы. Ни один исследователь не мог похвалиться, что видел подлинные рукописи и читал письма писателя, кроме тех немногих, что были опубликованы в книге Аллот де ла Фюи и в бюллетенях Жюль-верновского общества.

Главное достоинство работы Жана Жюль-Верна — ее документальная оснащённость. Любой из бесчисленных фактов, впервые приводимых автором, подтверждается ссылкой на источник. А ведь это и есть начало начал любого биографического исследования!

Прежде всего мы узнаем — и это очень важно — где и в чьем ведении находятся ныне архивные документы.

Вопреки распространенному в прежние годы ошибочному мнению, которое поддерживалось прессой, внук писателя, по его словам, владел не «массой рукописей», а лишь сравнительно небольшой частью семейного архива. Он унаследовал от своего отца Мишеля Верна преимущественно рукописи неопубликованных драматических произведений, а также неизданные путевые записки «Путешествие в Шотландию».

Суперобложка русского (Москва, 1978) издания книги Жана Жюль-Верна «Жюль Верн».

Были в архиве Жана Жюль-Верна и рукописи отдельных романов. Какие именно и в каком количестве? Об этом он предпочел умолчать...

Эпистолярное же наследие — сотни писем! — наиболее ценное для биографа, рассредоточено у потомков сестер и брата Жюля Верна, владеющих также архивом родителей, с которыми писатель на протяжении десятилетий поддерживал регулярную переписку. Все эти лица — двоюродные братья, сестры и другие родственники Жана Жюль-Верна — предоставили в его распоряжение свои семейные документы, что и позволило ему обнародовать массу неизвестных биографических фактов. Кроме того, он цитирует многочисленные документы, переданные одним из племянников писателя в городскую библиотеку его родного города Нанта, где теперь создан Мемориальный музей Жюля Верна.

Но поистине неоценимым источником оказался колоссальный по объему архив издателя Этцеля, поступивший в 60-х годах от его внучки Катрин Боннье де ла Шапель в Национальную библиотеку

Франции. Не будь этого архива, появление монографии в таком виде, как она есть, вообще было бы невозможным.

Дело в том, что Жюль Верн сообщал в письмах к издателю все подробности своей повседневной работы, обсуждал с ним каждый новый замысел, названия книг, малейшие изменения первоначального плана, связь сюжетов с общественными событиями и так далее. Переписка с Этцелем велась непрерывно с конца 1862 до начала 1886 года, а после его кончины — с Жюлем Этцелем-младшим, приемником издательской фирмы отца. В архиве обоих Этцелей находится огромное количество писем Жюля Верна (по неточным сведениям, более восьмисот).

Все это, вместе взятое, позволило биографу восстановить жизненный и творческий путь «знакомого незнакомца» даже не по годам, а по месяцам. В ходе дальнейшего изложения мы будем еще говорить о находках внука, привлекая также любопытные сведения, почерпнутые из других источников и сочинений самого Жюля Верна.

ДОРОГА НА ПАРНАС

*...Парнас гора высокая, и дорога к
ней не гладкая.*

Н. М. Карамзин

1

Благодаря удобному местоположению у выхода в Бискайский залив, на берегу судоходной Луары, в 50 километрах от ее устья, торговый и промышленный Нант издавна славился своим портом, к которому в годы детства Жюля Верна был приписан морской флот в две с половиной тысячи судов. Из слухового окошка родительского дома на острове Фейдо, образованном одним из рукавов Луары, мальчику открывалось чудесное зрелище: просторная гавань, загроможденная густым лесом мачт с привязанными к реям парусами, среди которых кое-где мелькали длинные трубы «пироскафов», извергавшие в небо черные клочья дыма.

Впрочем, в те годы моряки относились с презрением к этим невзрачным «небокопителям» и не верили, что они когда-нибудь смогут состязаться с гордыми парусниками.

Жизнь Нанта была тесно связана со многими портами мира. Всезнающие мальчишки легко разбирались по парусному вооружению в типах кораблей, в колониальных товарах; хорошо знали, что и откуда привозится в бочках, ящиках, тюках, складывается под брезентом навалом вдоль длинной портовой набережной; по цвету кожи, одежде и говору матросов, слонявшихся по улицам города, безошибочно определяли в пестрой толпе национальность каждого моряка.

«Я не могу равнодушно видеть, как отчаливает судно — военное, торговое, даже простой баркас, — чтобы всем своим существом не перенестись на его борт. Я, должно быть, родился моряком, и теперь каждый день сожалею, что морская карьера не выпала на мою долю с детства» — спустя много лет признавался писатель в романе «Зеленый луч».

Романтика моря имела для него такую притягательную силу,

Вид Нанта (со старинной гравюры). Так выглядел родной город Жюль Верна в 30-х годах XIX века.

«Я жил среди портовой суеты большого торгового города, откуда начинались и где завершались длительные морские плавания... При том, что было мне тогда два года, я уже видел, как совершаются революции, свертается политический строй, приходит новая монархия; я до сих пор слышу ружейные залпы 1830 года на улицах города, где, как и в Париже, народ сражался с королевскими войсками» (из «Воспоминаний детства и юности», написанных около 1890 г.).

что однажды, когда ему было одиннадцать лет, он убежал из дому с небольшим запасом сухарей и нанялся юнгой на трехмачтовый парусник «Корали», державший путь в Индию. В тот же день блудный сын был возвращен поднявшим тревогу родителям и вынужден был подтвердить догадку матери, что отправился в Индию на поиски без вести пропавшего тридцать лет назад нантского капитана Санбена.

Неизгладимо яркие впечатления детских лет впоследствии дали Жюль Верну много тем и образов и даже в старости продолжали служить источником вдохновения.

Мы находим в его романах пейзажи, навеянные воспоминаниями о поездках на побережье Бискайского залива, о привольной жизни в живописном нантском пригороде Шантене, куда владелец адвокатской конторы Пьер Верн из года в год вывозил на лето свою большую семью — жену и пятерых детей.

В книгах Жюль Верна встречаются колоритные образы матросов, боцманов, капитанов, старых «морских волков», вроде честного упряма дядюшки Антифера или суеверного ворчуна Жана-Мари Кабидулена¹. Маленький Жюль готов был часами слушать, затаив дыхание, рассказы бывалых бретонских моряков, ветеранов парусного флота, претерпевших на своем веку немало бурь и кораблекрушений. А его юные герои, вроде Роберта Гранта или Герберта Брауна! Разве не ожили в них и не заиграли новыми красками светлые ребяческие мечты о приключениях и подвигах в далеких, неведомых странах?

Вот несколько выдержек из его «Воспоминаний детства и юности», написанных на склоне лет по просьбе редактора американского детского журнала «*Goalh's companion*», который должен был выходить в Бостоне, но ...не значится ни в одном справочнике иностранных периодических изданий.

По-видимому, издание так и не состоялось, а рукопись Жюль Верна (из восьми страниц) в 1931 году неожиданно всплыла на аукционе в Лондоне, была куплена одной швейцарской библиотекой и опубликована только в 1974 году в парижском литературном сборнике «*Herne*».

Книга «Рядом с Жюлем Верном» была уже подготовлена к печати, когда я получил ксерокопию от бельгийского коллеги, профессора Р. Пурвуайера. И тут я удостоверился, что заметки самого писателя полностью соответствуют тому, что сообщали биографы о его ранних годах, полагаясь скорее на интуицию, чем на точные сведения.

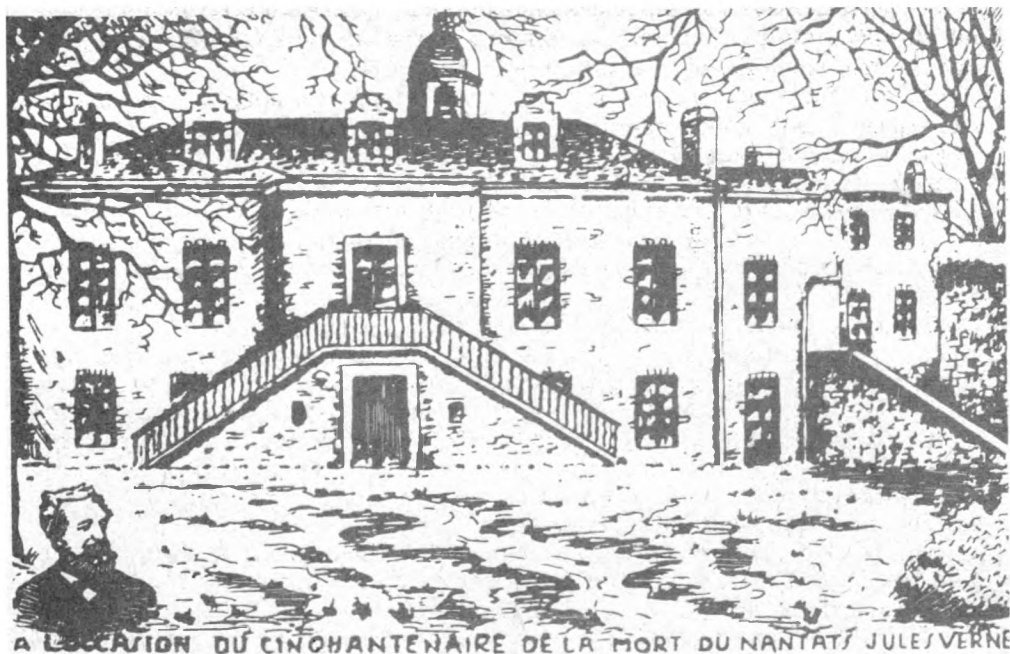
«Ну, прежде всего, — начинает Жюль Верн, — всегда ли я питал пристрастие к историям, где можно дать волю воображению? Наверное, да. В нашей семье литература и искусство были в чести. Отсюда я заключаю, что это пристрастие передалось мне по наследству. Кроме того, немаловажно, что я родился и вырос в Нанте. Сын полупарижанина² и коренной бретонки, я жил среди портовой суеты большого торгового города, откуда начинались и где завершались дальние морские плавания. Я вновь вижу Луару и множество ее рукавов, соединенных мостами, которые протянулись на целую милю, ее набережные, где в тени раскидистых вязов свалены разные грузы. Но здесь еще нет ни железнодорожных путей, ни трамвайных линий. У причалов в два или три ряда выстроились корабли. Другие плывут вверх или вниз по реке. ...В то время у нас были только тяжелые парусные торговые суда. Сколько воспоминаний у меня с ними связано! Мысленно я карабкался по вантам, влезал на марсы, цеплялся за топы. Как мне хотелось взбежать по шатким сходням, перекинутым на берег, и очутиться на палубе! Но из детской робости я не решался...»³.

Спустя два-три года, не одолев искушения, он пробрался на трехмачтовую шхуну, пока матрос «стоял на вахте» в соседней пивной. «Вот я на палубе... Я схватил канат и протаскиваю его по шкиву. Как здорово! Люк трюма открыт, и я наклоняюсь над его бездной. Мне в нос ударяют острые запахи — едкие испарения смолы перемешиваются

¹ Герои романов «Удивительные приключения дядюшки Антифера» и «Росказни Жана-Мари Кабидулена».

² Отец писателя Пьер Верн, родом из Прованса, учился и провел много лет в Париже.

³ Отрывки переведены М. Таймановой.

Дом адвоката Пьера Верна в Шантене (с современной почтовой открытки).
«Тогда еще почти не путешествовали, — пишет Жюль Верн в «Воспоминаниях детства и юности». — Это было время масляных светильников, панталон со штрипками, национальной гвардии, огня. Да, уже на моей памяти появились фосфорные спички, пристяжные воротнички, манжеты, почтовая бумага и марки, брюки без штрипок, пальто, шапокляк (складной цилиндр), штиблеты, метрическая система, пароходы на Луаре, которые назывались «невзрывающимися», потому что они взлетали на воздух реже других пароходов; омнибусы, железная дорога, трамвай, газ, электричество, телеграф, телефон, фонограф. Я принадлежу к поколению, которому суждено было жить между двумя гениями — Стефенсоном и Эдисоном».

ваются с ароматом колониальных товаров; я выпрямляюсь и возвращаюсь на полуют. Он весь пропитан морем — он пахнет Атлантикой. Вот кают-компания со столом, приспособленным для качки, увы, он неподвижен на спокойных водах порта. А вот каюты со скрипящими переборками, где я хотел бы жить месяцами, узкие жесткие койки, где мне хотелось бы спать ночи напролет. Дальше каюта капитана, «первого хозяина после бога», который, по-моему, главнее любого королевского министра или главнокомандующего армией. Я выхожу, поднимаюсь на полуют и там осмеливаюсь на четверть оборота повернуть штурвал. Мне кажется, что корабль сейчас отчалит, что раздастся команда: «Отдать швартовы!», на мачтах развернутся паруса, и я, восьмилетний рулевой, поведу корабль в открытое море. Море! Ни мой брат, который через несколько лет стал моряком, ни я сам, мы его еще не видели...»

Далее идет выразительный перечень того, что было и чего еще не было в эпоху «между двумя гениями — Стефенсоном и Эдисоном» (см. подписи под фотоиллюстрациями).

А затем Жюль Верн рассказывает, как плавал с братом на ялике по Луаре, лавируя против западного ветра, отправляясь в путь при отливе и возвращаясь с приливом в Шантене.

Жюлю не было и десяти лет, когда он усвоил морские термины, разбирался в судовождении, читал и перечитывал Купера, помнил чуть ли не наизусть «Историю знаменитых кораблекрушений», «Робинзона Крузо» Дефо, «Швейцарского Робинзона» Висса. Однажды, когда он был один в плохом ялике без кия, в нескольких километрах от Шантене, внезапно отошла обшивка, и ялик наполнился водой. С трудом добравшись до песчаного островка, Жюль превратился в «Робинзона».

«Я уже представлял себе, как построю хижину из листьев, как из тростника смастерю удочку, а из шипов — рыболовные крючки, как буду, уподобившись дикарям, добывать огонь с помощью двух сухих кусочков дерева. Сигналы? Но мне незачем их подавать, так как их могут сразу заметить, и меня спасут раньше, чем мне бы того захотелось... Но прежде всего, нужно было утолить голод. Как? Весь мой провиант пропал во время кораблекрушения. Охотиться на птиц? Но без собаки это невозможно, ружья у меня тоже не было. Может быть, ракушки? Но где их взять? Теперь-то я испытывал все муки одиночества, весь ужас лишений на пустынном острове... Мой желудок взывал!

Это продолжалось всего несколько часов. Как только наступил отлив, воды стало по щиколотку, и я смог добраться до континента, так я называл правый берег Луары. Я спокойно вернулся домой, и мне пришлось довольствоваться банальным домашним обедом, вместо трапезы Крузо, о которой я мечтал — сырые ракушки, кусок пекари¹ и лепешки из муки маниока.

Таким оно было, столь захватывающее плавание против ветра, по реке, на терпящем бедствие корабле — все, о чем может мечтать мореплаватель моего возраста».

Сильнейшее впечатление произвела поездка на пироскафе № 2 к устью Луары. «Какое счастье! Есть от чего потерять голову! И вот мы в пути... Позади справа и слева остаются причалы Куэрсон, Пеллерен, Памбеф. Пироскаф пересекает по диагонали широкое устье реки. Вот Сен-Назер, небольшой мол, старая церковь с покосившейся колокольной, крытой шифером, несколько домов, вернее, лачуг, из которых когда-то состояла эта деревенька, так быстро превратившаяся в город.

В несколько прыжков мы сбежали с парохода, скатились по камням, заросшим водорослями, и, наконец, зачерпнули морскую воду и поднесли к губам.

— Она же не соленая! — воскликнул я, побледнев.

— Совсем пресная! — подтвердил брат.

— Нас обманули! — вымолвил я.

И в моем голосе чувствовалось глубокое разочарование.

Какими же мы были неучами! В тот момент был отлив, и мы просто-напросто попробовали воду Луары, зачерпнув ее в углублении

---

¹ Пекари — животные из семейства свиней, в лесах Южной и Центральной Америки.

Мать писателя Софи Аллот де ла Фюи, из оскудевшего дворянского рода нантских судовладельцев, кораблестроителей и арматоров, в замужестве, по французскому обычаю, приняла не только фамилию, но также имя супруга. Мадам Пьер Верн была неплохой пианисткой, а ее зять (муж сестры) Франсиск де ла Селль де Шатобур был умелым художником, о чем мы можем судить по сохранившимся семейным портретам.

у камней. А когда наступил прилив, мы обнаружили, что она даже солонее, чем мы себе представляли».

Мальчик вырослел, не переставая бредить морем...

2

Однако жизнь будущего писателя складывалась по-другому. Весной 1847 года выпускник нантского лицея, не решаясь перечить отцу, едет в Париж держать первый экзамен для получения адвокатского звания и ученой степени лиценциата прав. Как он завидовал счастливой судьбе младшего брата Поля, отправившегося в свою первую навигацию на шхуне «Лютэн» к Антильским островам!..

Юный провинциал жадно ловит новые впечатления. Покончив с экзаменами за первый курс, он спешит воспользоваться короткой передышкой — слоняется по парижским бульварам, посещает музеи, знакомится с достопримечательностями столицы.

Революционные события 1848 года (свержение Июльской монархии) застали его в Нанте, под мирным родительским кровом. Но как только волнения улеглись и лекции в Школе права возобновились, он снова сдает экзамены.

— Я вижу, что вы в провинции обуреваемы страхами и боитесь

Отца писателя Пьера Верна, владельца адвокатской конторы в Нанте, Ф. де Шатобур изобразил с атрибутами его почтенной профессии: бумаги, письменные принадлежности на бюро, книги в одинаковых переплетах, должно быть свод законов. Впрочем, говорят, он не чуждался изящной словесности и даже сочинял оды по случаям семейных торжеств.

всего гораздо больше, чем мы в Париже... — пишет он родителям по поводу недавних событий. — Я побывал в разных местах, где происходило восстание. На улицах Сен-Жак, Сен-Мартен, Сент-Антуан, Пти-Пон, Бель-Жардиньер я видел дома, изрешеченные пулями и продырявленные снарядами. Вдоль этих улиц можно проследить за направлением полета снарядов, которые разрушали и сносили балконы, вывески, карнизы. Это жуткое зрелище!.. (Письмо от 17 июля 1848 г.)

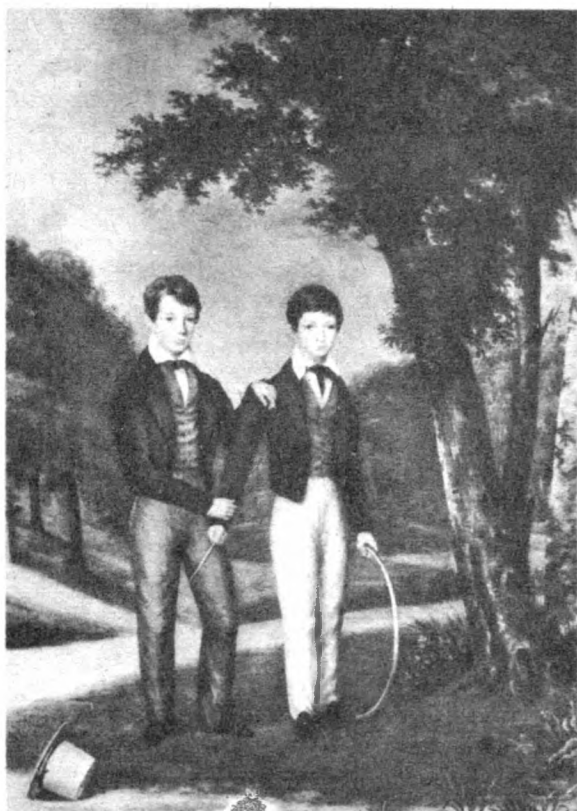
Незадолго до отъезда в Нант ему посчастливилось попасть на заседание в Палату депутатов.

— Это заседание, — писал он отцу, — было особенно интересным благодаря шуму, которым оно сопровождалось, и большому числу присутствовавших на нем модных знаменитостей. Один депутат, сидевший рядом со мной, показал мне всех...

Следует длинный перечень имен, а затем:

— ...и — о счастье! — Виктор Гюго!!! Виктор Гюго, которого я хотел видеть любой ценой, говорил в течение получаса. Я его знаю теперь. Чтобы лучше разглядеть его со своего места, я раздавил одну даму и вырвал лорнет из рук какого-то незнакомца. Должно быть об этом происшествии будет упомянуто в «Монитере»... (Письмо от 6 августа 1848 г.)

После третьего тура экзаменов под отчий кров он уже не вернулся. К тому времени Жюль Верн под воздействием политических веяний осознал себя убежденным республиканцем и вопреки родительской

Эти мальчики в нарядных костюмах, сшитых по моде 1830-х годов, — братья-погодки, сыновья супружеской четы Верн. Старший, Жюль, удерживает обеими руками Поля, готового погнать дальше свой обруч и подобрать с дорожки щегольскую шляпу. Поза немного манерная и картина получилась статичной. Позировали они дяде де Шатобуру в парке Шантене, пригороде Нанта, где обычно проводили летние каникулы.

воле окончательно выбрал призвание: раз уж ему не суждено стать моряком, он посвятит себя литературе и театру.

Когда до Пьера Верна дошли тревожные слухи о том, что Жюль ведет в Париже «беспорядочную жизнь», он сократил ему денежную помощь, думая, что это заставит сына усерднее заниматься юриспруденцией. Жюль запутался в долгах, недоедал, недосыпал, но никакая сила не могла бы его теперь отвлечь от творческих замыслов, хотя в угоду отцу он все же защитил диссертацию. Преисполненный радужных надежд, он работает за гроши переписчиком бумаг в нотариальной конторе, сближается с литературной богемой, пробует свои силы в драматургии.

На повторные и все более настойчивые требования отца вернуться в Нант — к адвокатской конторе и материальному благополучию — Жюль отвечает:

— Твоя контора в моих руках только захиреет... Я предпочитаю стать хорошим литератором и не быть плохим адвокатом... Моя область еще дальше отошла от севера и приблизилась к знойной зоне вдохновения...

Легче всего ему давались веселые куплеты и жанровые песенки. Положенные на музыку его близким другом, композитором Аристидом Иньяром, они не без успеха исполнялись в литературных и театраль-

ных кабачках. Особенно посчастливилось лирической песенке «Марсовые». Позже она стала любимой песней французских матросов и перепечатывалась в сборниках как произведение фольклора. О том, что популярная морская песня принадлежит Жюлю Верну, стало известно только в 1883 году, когда один из его старых приятелей напечатал ее в нантской газете «Маяк Луары».

Любопытно, что Жюль Верн с первых шагов обнаруживает пристрастие к морской теме, сохранившейся до конца жизни.

Вот перевод этой песни, выполненный по моей просьбе поэтом Игорем Михайловым.

МАРСОВЫЕ

В расставанья час,
снявшись с якорей,
видел ты не раз
слезы матерей.

С сыном распротаясь,
старенькая мать
плачет не таясь:
ей так трудно ждать,

Так душа болит
в тишине пустой...
Мать свечу сулит
Деве пресвятой:

— Только б уцелел
бедный мальчик мой,
бури одолел
и пришел домой...

Марсовые, эй!
По местам стоять,
чтоб средь волн скорей
землю отыскать.

Вперед!
Вперед, друзья, вперед!
Нас море вечно вдаль зовет —
Вперед! Вперед!

Песни и куплеты Жюль Верн сочинял между делом. Надежды на блестящее будущее он связывал в эти годы с театром. Немаловажную роль в судьбе начинающего литератора сыграл Александр Дюма, находившийся тогда в зените славы.

В феврале 1849 года с помощью влиятельного родственника Жюль Верн попадает на прием к автору «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо». Оробевшего юношу проводят через анфиладу ярко освещенных комнат, убранных с кричащей роскошью; он чувствует себя затерянным в шумной толпе веселящихся гостей. Но стоило хозяину дома сказать ему несколько приветливых слов, и застенчивость как рукой сняло... Этот синеглазый, белокурый бретонец пришелся Александру Дюма по душе. Писатель оценил его начитанность и остроумие и даже пригласил на премьеру в свой «Исторический театр».

Покровитель начинающего драматурга Жюль Верна, прославленный Александр Дюма, также запечатленный «фотоглазом» Надара.

— Я присутствовал на премьере «Юности мушкетеров», — сообщает Жюль Верн родителям. — Я сидел у авансены в ложе Александра Дюма. Мне действительно повезло. Это очень занятно. Его драма — инсценировка первого тома «Трех мушкетеров». В этом произведении, пусть оно и не отличается большими литературными достоинствами, чувствуется удивительный сценический талант... (Письмо от 22 февраля 1849 г.)

Жюль Верн решил ковать железо, пока горячо. Быстро закончив две исторические драмы — «Пороховой заговор» и «Трагедию из времен регентства», он отдал их на суд Дюма. Первую пьесу Дюма признал неприемлемой по цензурным соображениям, а вторую — недостаточно сценичной.

— Ничего, вы еще научитесь писать, — утешал он приунывшего дебютанта. — А не попробовать ли вам себя в жанре водевиля?

Совет принят был к исполнению, но только в мае 1850 года Жюль Верн решился показать «Александрю Великому» одноактный водевиль в стихах «Сломанные соломинки».

Какова же была его радость, когда Дюма выразил желание поставить пьесу на сцене своего «Исторического театра»!

Первое представление состоялось 12 июня, и в том же году «Сломанные соломинки» были изданы отдельной брошюрой. Это было первое напечатанное произведение Жюль Верна.

Одна за другой появлялись новые пьесы — исторические драмы, трагедии, водевили, либретто комических опер, музыку для которых обычно писал Иньяр. Из нескольких десятков пьес лишь немногие попали в печать, а те, что ставились на парижских сценах, не принесли ни славы, ни денег. Но Жюль Верн в течение пятнадцати лет продолжал писать для театра. Не преуспев в этом виде творчества, он все же накопил изрядный опыт, который позднее сказался в драматической композиции, диалогах, комедийных приемах его многочисленных романов. Некоторые из них самим же автором превращались в пьесы-феерии, годами не сходявшие с театральных подмостков.

В этом отношении у Жюля Верна было много общего с его литературным наставником. Дюма тоже начинал как драматург и не порывал с театром почти на всем протяжении творческого пути.

— С моим отцом его роднит воображение, молодой задор, чудесный юмор, неистощимая выдумка, здоровый дух, ясность мысли и еще одна добродетель, которую не признают слабосильные, — плодovitость, — сказал о Жюле Верне Александр Дюма-сын.

Жюля Верна всегда восхищал жизнерадостный талант Дюма. Если говорить о национальных традициях остросюжетного приключенческого повествования, на которые мог опереться в своей работе автор «Необыкновенных путешествий», то, разумеется, он прежде всего должен был обратиться к опыту старшего современника.

Впоследствии он воспримет у Дюма лучшие черты его мастерства, посвятит его памяти один из самых увлекательных своих романов «Матигас Шандор» (1885) — «Монте-Кристо «Необыкновенных путешествий» — и получит от его сына благодарственное письмо с таким многозначительным признанием:

«Никто не приходил в больший восторг от чтения Ваших блестящих, оригинальных и увлекательных фантазий, чем автор «Монте-Кристо». Между ним и Вами столь явное литературное родство, что, говоря литературным языком, скорее Вы являетесь его сыном, чем я».

Но все это в будущем... Пока что Жюль Верн сочиняет пьесу за пьесой: «Игра в жмурки», «Замки в Калифорнии», «Спутники Маржолены», «Сегодняшние счастливицы», «Приемный сын», «Гостиница в Арденнах», «Господин Шимпанзе», «Одиннадцать дней осады». Некоторые из них имели успех, другие оказывались однодневками, а большинству вообще не суждено было увидеть свет рампы.

Внук писателя знакомит с неизданными пьесами, хранящимися в его архиве. Так мы впервые узнаем о трагедии «Александр VI», самой ранней рукописи Жюля Верна, датированной 1847 годом, о неизвестных доселе водевилях «Морская прогулка», «Четверть часа Рабле», «Абдаллах», «Тысяча вторая ночь», об оперетте «Сабинянки», пятиактных трагедиях «Драма при Людовике XV», «Башня Монлери» и так далее.

Любопытна, например, история комедии в стихах «Леонардо да Винчи». Первый вариант был написан еще в 1851 году. Позже комедия «во вкусе Мольера» превратилась в «Джоконду» и в последней редакции — в «Мону Лизу». Эта пьеса упоминается в разных источниках, но сюжет ее изложен впервые.

Великий Леонардо по заказу богатого флорентийца Франческо дель Джокондо пишет портрет его жены Моны Лизы. Госпожа восхищается умом и талантом художника, чувствует, что и он к ней равнодушен. Ей не терпится услышать признание в любви. И оно срывается с уст Леонардо. Но как раз в ту минуту его внимание привлекает изысканная чеканка на браслете Моны Лизы, и, вместо того, чтобы поцеловать ей руку, он невольно любуется браслетом. Тут она заявляет, что картина закончена, что не желает больше позировать, и в гневе покидает мастера, успевшего запечатлеть на портрете загадочную улыбку Джоконды.

«Леонардо да Винчи» — едва ли не единственное произведение, которое много раз переделывалось и сопутствовало Жюлю Верну долгие годы.

Десятки неизданных пьес... Как они не похожи на книги, создавшие ему громкое имя!

Драматурга от романиста отдаляет еще длинная дистанция.

После каждой очередной неудачи он трудится еще с большим азартом. На тревожные вопросы матери о его здоровье и настроении Жюль признается, что то и другое было бы великолепно, если бы ему не приходилось урезать себе дневной рацион и ломать голову над составными частями своего изношенного гардероба.

Софи Верн тайне от мужа время от времени посылает сыну провизию и самые необходимые вещи. Неунывающего Жюля даже в трудные минуты жизни не покидает чувство юмора. Не хватало пищи для желудка, но пища для остроумия всегда у него была в изобилии.

В октябре 1852 года он пишет матери в Нант от имени своего простуженного носа, который радуется предстоящей возможности получить носовые платки. При этом молодой литератор умело обыгрывает юмористическую «носологию» английского писателя XVIII века Лоренса Стерна, чей роман «Тристрам Шенди» он не раз перечитывал. Несколько лет назад письмо Жюля Верна было напечатано в «Литературной газете» в переводе С. Тархановой. Вот его текст:

«Сударыня,

из уст вашего многоуважаемого сына я узнал, что вы имеете намерение прислать ему носовые платки. Я испросил у него позволения лично поблагодарить вас, и он со свойственной ему любезностью удовлетворил мою просьбу.

Я прочно связан с ним нерушимыми узами и никогда в жизни его не покину, короче, я его нос. И поскольку присылка означенных носовых платков в первую очередь касается меня, то по этому случаю он позволил мне вам написать. Отличная мысль пришла вам на ум, сударыня. Мы сейчас вступаем в полосу насморков и простуд, и возможность спрятать плоды зимних холодов в платок весьма утешительна.

Воспользуюсь случаем, сударыня, чтобы сказать вам несколько глубоко прочувствованных слов о вашем сыне. Это в высшей степени достойный молодой человек, и я им горжусь...

К тому же мне и впрямь не на что жаловаться. Возможно, я несколько длинноват, но при этом своей формой я вызываю воспоминание об античных камнях, и ваш многоуважаемый сын использует

всякий повод, чтобы позволить обществу оценить меня по заслугам. Я уже пришелся по вкусу нескольким молодым дамам и, пожалуй, рискую стать настоящим фатом.

Я не сетовал бы на мою судьбу, если бы с некоторых пор ваш многоуважаемый сын, сударыня, не начал бы закручивать кверху усы. Он без конца поглаживает их кончики, что вызывает у меня острейшую ревность. Но что поделаешь, не все в этом мире совершается согласно нашим желаниям.

К тому же, сударыня, именно вам я обязан моим успехом в свете. Говорят, будто своими очертаниями я чрезвычайно напоминаю одного из моих коллег, избравшего своей постоянной резиденцией пространство между вашим лбом и устами. Увы, давненько я не видал любезного моего друга, но, что поделаешь, не могу же я ради этого расстаться с вашим сыном.

Говорят, он поэт; иногда сочиняет стихи. Я лично не выношу сих упражнений, потому что при этом ваш сын пребольно меня щиплет, а иногда — вытирает рукавом, что мне крайне неприятно. Когда он получает драгоценные платки, которые вы обещали прислать, мне, надеюсь, с этого момента придется погружаться лишь в тончайший голландский батист, истинно соответствующий моей благородной натуре.

Остаюсь, сударыня, в ожидании новых платков, почтительнейший и длиннейший нос вашего многоуважаемого сына».

Неожиданная встреча с земляком, редактором популярного иллюстрированного журнала «Мюзэ де фамий» («Семейный альманах»), помогла Жюлю Верну избавиться от утомительной службы в нотариальной конторе. Питр Шевалье (в Нанте его знали как Пьера-Франсуа Шевалье) пригласил Жюля сотрудничать в своем журнале. На вопрос, о чем писать, он ответил:

— О чем угодно. О Мексике, о воздухоплавании, о землетрясениях, лишь бы было занимательно!

Это было сказано в шутовском тоне, но Жюль Верн принял предложение всерьез. Не прошло и десяти дней, как он сообщил родителям, что Питр Шевалье принял к печати его рассказ: «Это обычное приключение в духе Купера, перенесенное в глубь Мексики».

В рассказе «Первые корабли мексиканского флота» (он был помещен в июньской книжке «Мюзэ де фамий» за 1851 год) повествуется о том, как взбунтовавшиеся испанские матросы в 1825 году привели в Акапулько два захваченных корабля и тем самым положили начало морскому флоту только что образовавшейся Мексиканской республики. Несмотря на некоторую вялость слога, чувствуется любовь автора к морю, хорошее знание исторических фактов и географии.

Вскоре в «Мюзэ де фамий» появился еще один рассказ Жюля Верна — «Путешествие на воздушном шаре». Ученый-воздухоплаватель во время экспериментального полета обнаруживает в гондоле аэростата какого-то человека, притаившегося за мешками с балластом. Незнакомец, оказавшийся сумасшедшим, набрасывается на аэронавта. Завязавшаяся в воздухе отчаянная борьба завершается победой воздухоплавателя.

В «Путешествии на воздушном шаре» — прелюдии к будущим

воздушным эпопеям — автору удалось соединить волнующий драматизм сюжета с точным описанием устройства аэростата и познавательными сведениями о воздухоплавании. Можно подумать, что Жюль Верн был уже близок к тому, чтобы найти себя — и в выборе темы, и в манере изложения. Казалось бы, молодому писателю теперь оставалось только заботиться о дальнейшем развитии счастливо найденного им нового типа повествования. Но в действительности его искания еще только начинались. Тропинка, по которой он ощупью пробирался на широкую дорогу, была извилистой и неровной.

Жюль Верн раздваивался. Жизненным призванием он считал драматургию, но и работа над рассказами все больше увлекала его.

Диплом лицензиата прав покоится где-то в самом дальнем ящике стола среди ненужных бумаг и сувениров. Богиня правосудия Фемиде не может постичь многообразия окружающего мира. На глазах у нее повязка! А вот Урания с небесным глобусом в руке — ее изображение часто встречается на обложках географических журналов и звездных атласов, — Урания никогда не даст успокоиться! Жюль Верн видел теперь ее живое олицетворение в людях науки, которые внушали ему благоговейный трепет.

Много значила для него дружба с кузеном Анри Гарсе, талантливым математиком, преподавателем лицея Генриха IV. Он водил Жюля на научные диспуты и доклады, знакомил со своими коллегами, терпеливо отвечал на его бесчисленные, порою наивные, вопросы.

Ни с чем не сравнимую интеллектуальную радость доставляло Жюлю Верну общение с профессорами Политехнической школы и Музея природоведения. Он с упоением слушал рассказы Теофила Лавалле о новейших географических исследованиях и выпытывал любопытные подробности о полярных экспедициях у самого Вивьена де Сен-Мартена.

Встречи с учеными расширяли его кругозор, помогали накапливать и систематизировать знания. Он интересовался геологией, химией, физикой, астрономией, ботаникой и зоологией, историей и этнографией — всем, без чего не мог обойтись географ-универсал. Но главным его занятием все еще оставалась драматургия, а наука, выходящая современным языком, была всего лишь «хобби», своего рода причудой, непонятной его друзьям и прежде всего Аристиду Иньяру, с которым он поселился в двух смежных комнатах мансарды шестиэтажного дома на бульваре Бон Нувель, № 18.

— Наконец-то я переехал... Сто двадцать ступенек — и вид как с настоящей египетской пирамиды... Внизу, на бульварах и площадях, снуют муравьи, или люди, как принято их называть. С этой олимпийской высоты я проникаюсь состраданием к жалким пигмеям и не могу поверить, что и сам я такой же... (Письмо отцу. Апрель 1853 г.)

...В мансарде, на бульваре Бон Нувель, Жюль Верн и Мишель Карре пишут текст комической оперы «Спутники Маржолены», а в соседней комнате Иньяр наигрывает на рояле мелодии. Работа спорится, но Жюль Верн чувствует себя нездоровым. Его мучают головные боли и бессонница. Встревоженные родители донимают Жюля разумными советами, упорно зазывают в Нант...

Рассудительный мэтр Верн в глубине души еще надеется обуздать непокорного сына. Единственный способ привязать его к Нанту, а по-

том, может быть, и к адвокатской конторе — найти ему невесту с приданым. Чувство ответственности, полагали родители, заставит его взяться за ум. Жюль, приехавшего ненадолго в Нант, познакомили с девушкой из почтенной семьи, и как будто они приглянулись друг другу. Но все испортила его неуместная шутка. Услышав на балу, как она шепнула подруге, что китовый ус из корсета царапает ей бок, он сказал не задумываясь:

— Как жаль, что мне нельзя заняться сейчас добычей китового уса!

Провинциалы не оценили парижского остроумия. Незадачливому жениху немедленно было отказано от дома.

А между тем герои его первых рассказов претерпевали всевозможные приключения под знойными и северными широтами, на суше, на воде и в воздухе. Еще не утвердившись в своем истинном призвании, он исподволь накапливал знания, позволившие ему лет десять спустя стать первооткрывателем жанра, названного им «научным романом».

Он только еще начинал задумываться, как было бы интересно и поучительно соединить литературу с наукой, когда однажды в ответ на уговоры отца отказаться от никчемных занятий, произнес сакраментальную фразу:

— Я не сомневаюсь в своем будущем. К тридцати пяти годам я займу в литературе прочное место.

Из множества поразительных прогнозов, когда-либо высказанных Жюлем Верном, этот первый прогноз, пожалуй, был наиболее точным.

4

Смутно сознавая цель своих затянувшихся поисков, он исподволь продвигался к ней, то приближаясь почти вплотную, то вновь отступал, застревая на полпути. Дела литературные шли ни шатко ни валко. Заработки были так скудны и нерегулярны, что Жюль Верн с радостью принял предложение директора «Лирического театра» Жюля Севеста поступить к нему секретарем с окладом 100 франков в месяц.

Беспокойная служба в театре отнимала почти весь день. Тогда и выработалась у Жюля Верна привычка вставать ни свет ни заря. С пяти до десяти утра он отдается своему сочинительству и каждый свободный час проводит в Национальной библиотеке, стараясь сочетать неистребимую любовь к театру и музыке с увлечением географией, астрономией, историей техники и научных открытий.

В 1854 году, доведенный напряженной работой до нервного истощения, он уезжает на отдых в Дюнкерк. Северное море производит чарующее впечатление. Быстро избавившись от болезни, он снова чувствует приток творческих сил и в деревушке Мортань завершает работу над давно уже начатой повестью «Зимовка во льдах. История двух обрученных из Дюнкерка».

Недаром его потянуло в эти края! «Юный смельчак», бриг капитана Корнбюта, отправился из дюнкеркской гавани в далекое плавание, и здесь же, после тяжких испытаний, герои повести бросили якорь.

В то время газеты всего мира были заполнены статьями о загадочной судьбе без вести пропавшей экспедиции полярного исследователя Джона Франклина и сообщениями о спасательных экспедициях, следовавших одна за другой на поиски несчастного Франклина и его спутников. Сюжет «Зимовки во льдах» был навеян, конечно, этими событиями.

Жюль Верн тяготеет к четкому, деловому стилю. Факты не требуют украшения. Он словно берется доказать, что лаконичный язык корабельного журнала сам по себе так содержателен, что способен воздействовать на воображение читателей сильнее, чем изощренная проза.

Правдивое изображение невзгод, выпавших на долю экипажа корабля, затертого льдами у берегов Гренландии, картины суровой природы Крайнего Севера с его ледяными пустынями, снежными бурями, бесконечной полярной ночью, оптическими обманами, вызванными особенностью преломления световых лучей в слепящей белизне, — все это было ново, неожиданно, интересно.

«Зимовка во льдах» — лучшее из всех его ранних произведений — показывает внутреннюю готовность Жюль Верна связать с географией дальнейшие творческие помыслы. Еще один шаг, и он коснулся бы двери, ведущей в мир «Необыкновенных путешествий»...

Но тут случилось непредвиденное событие, которое смешало все его планы и надолго отвлекло от литературных исканий.

В мае 1856 года Жюль Верн отправился в Амьен — на свадьбу к приятелю — и вместо четырех дней провел у него две недели. Здесь он познакомился с двадцатипятилетней вдовой Онориной Морель, урожденной Де Виан, сменившей вскоре свою вторую фамилию на Верн. Чтобы обеспечить семью, он занял у отца крупную сумму и по протекции шурина вступил пайщиком в контору финансиста и брокера парижской биржи Фернана Эггли.

Все эти хлопоты отняли около года.

Коммерческие сделки и биржевые операции уводили его все дальше от «знойной зоны вдохновения» в ледяной мир денежных интересов.

Под сводами парижской биржи создавались и превращались в пыль сказочные состояния. Под сводами биржи Жюль Верн постигал тайные пружины социальной жизни Второй Империи¹, узнавал, говоря словами Бальзака, откуда идут и к чему приводят вещи. Вникая в дела металлургических, железнодорожных и газовых компаний, он по-новому смог оценить значение и силу науки. Изобретатели обогащали промышленников и если не умирали с голоду, то сами становились дельцами. Следя под сводами биржи за игрой судьбы и случая, он накапливал жизненный опыт, учился принимать быстрые решения и трезво анализировать факты.

Итак, писатель-неудачник превратился в биржевого маклера. Многие поздравляли его, считая, что он «вышел в люди», другие отводили

---

¹ Вторая Империя возникла в результате государственного переворота, совершенного в декабре 1851 года племянником Наполеона Луи Бонапартом, который подавил Республику и провозгласил себя «императором французов Наполеоном III». Был низложен в 1870 году после поражения во франко-прусской войне.

глаза, чтобы не обидеть жалостью: еще один печальный случай «утраченных иллюзий»!

Но Жюль Верн вовсе не чувствовал себя разочарованным и выбитым из колеи. Он смотрел на свое деловое сотрудничество с Эггли как на временную передышку, которая поможет собраться с новыми силами. Он неукоснительно следовал своему распорядку: в пять утра садился за письменный стол, а в десять уходил на биржу. Такой су- ровый режим требовал самоограничения и выносливости.

Левые ящики стола предназначались для рукописей драматических произведений. Больше всего там было неопубликованных и не принятых к постановке пьес. В ящиках с правой стороны хранились тетрадки с выписками и заготовки к будущему роману — «Роману о науке»...

Образ жизни писателя не совпадал с привычками Онорины. Она вообще не понимала, что такое умственный труд, литературную работу считала блажкой и только, когда позднее убедилась, что и такие занятия могут принести пользу, оценивала его труды по доходам, безрассудно проматывая деньги на свои женские прихоти. Мир парижских магазинов, пишет о своей бабушке Жан Жюль-Верн, казался ей не менее грандиозным, чем ее супругу Вселенная. Походы на Елисейские Поля были ее «необыкновенными путешествиями», а сочинения мужа, даже «Необыкновенные путешествия», принесшие ему мировую славу, оставляли ее глубоко равнодушной. К тому же дочери Онорины от первого брака, Валентина и Сюзанна, упорно не признававшие отчима, осложняли и без того нелегкую семейную жизнь.

Вскоре он осознал, что женитьба на Онорине Морель не принесла ему счастья. Это был опрометчивый шаг. Ошибка, которую, по условиям времени, невозможно было исправить.

5

Совмещать литературные занятия с работой у биржевого маклера с каждым месяцем становилось труднее. Твердо решив навсегда оставить биржу, летом 1862 года Жюль Верн сказал друзьям:

— Я напал на счастливую мысль: пишу роман в совершенно новом роде, нечто очень своеобразное. Мне кажется, я нашел свою золотую жилу.

В том же году, на исходе лета, он обратился со своим творением к Франсуа Бюлозу, редактору солидного ежемесячника «Ревю де де Монд».

— Неплохо придумано, — похвалил Бюлоз, когда Жюль Верн пришел за ответом. — Упорным трудом вы, может быть, кое-чего и добьетесь.

Одарив молодого автора щедрой улыбкой, он сказал, что роман принят и через месяц-другой будет напечатан в журнале.

— Я вам очень обязан, месье Бюлоз, но мне хотелось бы знать, какой я получу гонорар?

— Гонорар! Вы еще говорите о гонораре! Неужели вы не понимаете, что быть напечатанным в «Ревю де де Монд» для на-

Жюль Верн мечтает о славе драматурга. Ему 25 лет. Он принят секретарем в Лирический театр и в то же время печатает свои первые рассказы. Снимок 1854 года.

чинающего писателя — большая честь и если я ее вам оказываю, то только из великодушия!

— Прошу прощения, месье, — сказал Жюль Верн, забирая рукопись. — Дела мои не столь хороши, чтоб принять подобную честь.

Озабоченный поисками издателя, он обратился к Александру Дюма, и тот через посредничество одного из приятелей представил дебютанта Жюлю Этцелю, республиканцу 1848 года, возобновившему издательскую деятельность после нескольких лет изгнания. Этцель издавал книги преимущественно для юных читателей и подыскивал способных сотрудников для «Журнала воспитания и развлечения», который собирался издавать вместе с видным педагогом Жаном Масе.

Знаменательная встреча обоих Жюлей состоялась в будничной обстановке, в кабинете издателя на улице Жакоб. Жюль Верн робко вручил ему рукопись. По первым же страницам Этцель угадал, что случай привел к нему именно того автора, какой ему нужен. Он быстро прочел роман, высказал свои замечания и отдал Жюлю Верну на доработку. Уже через две недели рукопись вернулась в исправленном виде и в январе 1863 года книга поступила в продажу.

Само название — «Пять недель на воздушном шаре» — не могло пройти незамеченным. Успех превзошел все ожидания и ознаменовал собой рождение нового жанра — «научного романа», в котором увле-

Жюль Верн в год женитьбы (1857). Здесь он серьезен и задумчив. Литератор, привыкший довольствоваться малым, теперь он должен заботиться о семье.

кательные приключения прихотливо сплетаются с художественной популяризацией научных знаний, прежде всего географических, и обоснованием различных гипотез.

Так, уже в первом романе о воображаемых географических открытиях в Африке, сделанных с птичьего полета, Жюль Верн «конструировал» аэростат с температурным управлением, безошибочно предсказал местонахождение истоков Нила, а также выдвинул «долгосрочный прогноз» относительно будущего процветания Африканского континента, который, по его мнению, раскроет свои сказочные богатства, когда ресурсы европейских стран в значительной степени истощатся.

Этцель не замедлил заключить с писателем обоюдовыгодный договор: Жюль Верн должен был передавать издателю по три книги в год (каждая примерно в 10 печатных листов) из расчета тысяча девятьсот двадцать пять франков за том, причем издатель предварительно мог их публиковать на страницах «Журнала воспитания и развлечения».

По тем временам, замечает Жан Жюль-Верн, это была высокая плата, так как даже такие знаменитости, как Бальзак и Жорж Санд, получали за книгу по две тысячи франков. По мере того как росла популярность Жюля Верна, Этцель несколько раз изменял

Опорина Морель, урожденная
дю Фрейн де Вьян, во втором
замужестве мадам Жюль Верн.
Фото 1857 года.

условия соглашения в пользу автора, приносившего издательской фирме наибольший доход.

С конца 1865 года гонорар был повышен до трех тысяч франков за книгу, а после 1871 года — до шести тысяч, с обязательством передавать издателю уже не по три, а по две книги в год.

Правда, после инфляции, вызванной франко-прусской войной, новое соглашение не давало романисту особого выигрыша. Но в целом его литературный труд вознаграждался достаточно щедро, разумеется, не в ущерб издателю. И в дальнейшем договор не раз пересматривался.

Эти сведения, впервые приведенные Жаном Жюль-Верном, опровергают укоренившиеся домыслы о том, что Жюль Верн будто бы обошел со своим первым романом четырнадцать издателей, поочередно отвергавших рукопись, пока ему не посчастливилось найти пятнадцатого — Этцеля; и о том, что издатель будто бы немедленно заключил с ним беспрецедентный договор на двадцать лет вперед.

Как бы то ни было, после встречи с Этцелем литературная судьба Жюля Верна определилась до конца его дней.

Теперь он мог без помех осуществлять свои замыслы.

— Контракт, который вы со мной заключили, — сказал он Этцелю, — избавит меня от материальных забот. Мне хватит задуманного

Пьер Жюль Этцель. С портрета
1870-х годов.

на несколько лет, а новые сюжеты будут рождаться в ходе работы. Их подскажет сама жизнь. Подскажет наука. Подскажут маршруты путешествий по всем частям света. Я уже приступил ко второму роману. Это, как вы знаете, будет путешествие к Северному полюсу. А потом мои герои проникнут в недра земли.

— Мы откроем вашим вторым романом «Журнал воспитания и развлечения», — ответил издатель. — Пусть юные читатели завоеют Северный полюс сначала на его страницах. Теперь, дорогой меесь Верн, вы будете писать книгу за книгой, роман за романом. Длинная серия ваших книг... да, именно серия... Надо придумать для нее какое-то общее название. Как мы озаглавим ее?

— Мы назовем ее, — ответил Жюль Верн после минутного размышления, — мы назовем ее... «Необыкновенные путешествия».

6

«Необыкновенные путешествия» подняли его на Парнас.

Грандиозный замысел эпопеи Этцель сформулировал со слов писателя в предисловии к первому изданию «Путешествия капитана Гаттераса» — «резюмировать все географические, геологические,

астрономические, физические знания, накопленные современной наукой, и в живописной, занимательной форме создать универсальную картину мира».

В художественной литературе ничего подобного не было.

Работая ежедневно от зари до зари, с пяти утра до семи вечера, Жюль Верн сравнивал себя с першероном — ломовой лошадкой, которая если и отдыхает, то в своей же упряжке. Избыток нерастраченных сил помогал ему, до поры до времени, бодро тянуть в гору донельзя перегруженный воз.

Неукоснительно выполняя условия договора — три тома в год — летом 1866 года, прельщенный перспективой полностью расплатиться с долгами, он берется по заказу Этцеля за дополнительный труд — «Иллюстрированную географию Франции». Обложившись источниками, он успевает делать скрупулезные описания двух департаментов за неделю, выдавая «на-гора» по 800 строк — почти полтора печатных листа в день. И это не считая утренней работы над «Детьми капитана Гранта»!

Разделавшись с «Географией Франции» и не успев еще кончить роман, он обдумывает «на досуге» следующий и в очередном письме сообщает отцу: «Чтобы отдохнуть, принимаюсь за «Путешествие под водой». Это будет для меня наслаждением».

Лучшие книги Жюль Верна подгоняют одна другую. Еще раньше, в 1865 году, он пишет и публикует в газете «С Земли на Луну», а в начале 1869 года, за каких-нибудь полтора месяца, продолжение — «Вокруг Луны».

Работа над знаменитой лунной диалогией заняла в общей сложности не более пяти месяцев!

В конце шестидесятых годов параллельно с очередными романами Жюль Верн приступает к выполнению еще одного коммерческого заказа Этцеля — «Истории великих путешествий и великих путешественников», разросшейся до шести книг. Работа несколько затянулась из-за «Таинственного острова» и других не поспевавших к сроку романов, но к 1877 году была успешно завершена с помощью сотрудника Национальной библиотеки Габриэля Марселя, подбирившего для писателя документы и тексты. Этот капитальный труд по истории географических открытий долгое время считался ценнейшим пособием и как свод добросовестно изложенных фактов не потерял значения и поныне ¹.

Успех «Истории путешествий» побудил Этцеля обратиться к Жюлю Верну с новым заманчивым предложением — написать четырехтомную популярную работу «Завоевание Земли наукой и промышленностью».

Универсальная картотека научных фактов, которую он завел еще в юности и непрерывно пополнял до последних лет, несомненно, помогла бы справиться со столь необычной темой. Был составлен издательский договор, но Жюль Верн после некоторых колебаний отказался его подписать. По-видимому, он уже стал уставать и должен был рас-

---

¹ История великих путешествий» выпущена в новом переводе издательством «Детская литература» в трех томах (Л., 1958—1961): Т. 1. «Открытие Земли». Т. 2. «Мореплаватели XVIII века». Т. 3. «Путешественники XIX века».

Одна из постоянных заставок «Журнала воспитания и развлечения», где из номера в номер на протяжении сорока лет печатались романы Жюль Верна.

считывать силы. Об этом неосуществленном замысле внук писателя сообщает впервые.

При такой невероятной продуктивности Жюль Верн тем не менее предъявлял к себе высокие требования. Мастер сюжета и композиции — он продумывал до мелочей каждый роман и, когда делал первый набросок, держал в голове весь замысел, который окончательно воплощался в нескольких корректурных оттисках, испещренных бесчисленными пометками, исправлениями и вставками.

Наибольшие трудности, а иногда даже мучения, вызывала работа над стилем.

В письмах к издателю он постоянно жалуется, что нехватка времени мешает ему стать настоящим стилистом, выработать безукоризненный стиль, к которому он так стремился. Однако по своему темпераменту Жюль Верн просто не мог разрешить себе такой роскоши, как шлифовка каждой фразы, поиски единственного незаменимого эпитета или какой-нибудь необычной метафоры. Воображение гнало его вперед, стремительно развивающееся действие не позволяло задерживаться. Особенно в первые годы он до такой степени вживался в образы своих героев и обстановку действия, что, когда, например, писал о путешествии капитана Гаттераса к Северному полюсу, «схватил насморк и чувствовал озноб от холода», «ощущал себя вместе с героями пленником ледяного царства».

Немало усилий стоили ему заглавия книг. В процессе работы иногда они менялись несколько раз.

Так, в переписке с Этцелем роман о капитане Немо и его замечательном «Наутилусе» значился под названием «Путешествие под водой», «Путешествие под океаном», «Двадцать пять тысяч лье под морями», «Двадцать тысяч лье под морями». Последнее обозначение стало окончательным, хотя русские читатели знают этот роман как «Двадцать тысяч лье под водой» (в прежних изданиях французские лье переводились на версты и километры: «80 000 верст под водой», «80 000 километров под водой»).

«Дети капитана Гранта» первоначально были озаглавлены «Приключения Роберта Гранта», но затем Жюль Верн изменил название, чтобы не умалить роли Мэри Грант и подчеркнуть тему поисков отца.

Переделка заглавия «Север и Юг» на «Север против Юга» опять-таки усиливает смысловой акцент, поскольку произведение посвящено гражданской войне в Соединенных Штатах, и автор всецело сочувствовал северянам. Роман «Вверх дном» до публикации назывался «Перевернутый мир», «Пятнадцатилетний капитан» — «Юный капитан», «Деревня в воздухе» — «Великий лес» и так далее.

Жюль Верн любит точные даты.

Еще раз остановимся на первом романе. 14 января 1862 года доктор Фергюссон доложил Лондонскому географическому обществу о предстоящем воздушном путешествии через Африку. 18 апреля экспедиция отправилась из Занзибара, 23 апреля достигла истоков Нила; 24 мая аэростат приземлился во французских владениях на реке Сенегал; 26 июня аэронавты вернулись в Лондон и географическое общество присудило им золотые медали «за эту экспедицию, самую замечательную в текущем 1862 г.». Надо полагать, что свои медали путешественники получили уже после того, как рукопись попала к издателю.

События почти как в газете приурочены к текущим дням. Все сведения так правдивы, датировка так точна, что создается иллюзия полной достоверности.

Взять хотя бы концовку. Как определенно и внушительно сказано: «Экспедиция доктора Фергюссона, во-первых, подтвердила самым точным образом все факты, установленные его предшественниками — Бартом, Бёртоном, Спиком и другими. Все съемки, сделанные ими. Экспедиции же, недавно предпринятые Спиком и Грантом, Хейглином и Мунцигером к истокам Нила и в Центральную Африку, вскоре дадут нам возможность проверить открытия, сделанные доктором Фергюссоном на огромном пространстве Африканского континента между четырнадцатым и тридцать третьим градусами восточной долготы».

Прошло не более года, и мир облетела весть, что английские путешественники Дж. Спик и Дж. А. Грант достигли того места, где Нил вытекает из озера Виктория, образуя ряд водопадов, точь-в-точь как об этом сказано в романе Жюль Верна (гл. 18).

Когда для очередного романа требовались конкретные факты, неуемный фантаст добросовестно изучал материал, не довольствуясь книжными источниками, — посещал заводы, фабрики, мастерские, чтобы знакомиться на месте с действующими механизмами и техно-логическими процессами.

Работая над «Таинственным островом», Жюль Верн изучал на заводах технологию производства различных химикатов, которую применяет в более скромных масштабах инженер Сайрес Смит на острове Линкольн.

Перед тем как взяться за «Черную Индию», писатель отправился в город Анзен (на севере Франции) и 3 ноября 1876 года спустился в одну из самых глубоких угольных шахт, откуда вынес живые наблюдения о труде шахтеров и добыче минерального топлива.

В затруднительных случаях Жюль Верн консультировался с учеными.

Математик Анри Гарсе сделал по его просьбе расчеты для романа «С Земли на Луну», обосновывающие придание снаряду космической

скорости, чтобы преодолеть земное притяжение, а во время работы над второй частью писатель обсуждал с академиком Бертраном замысел всей дилогии и возможность возвращения «пассажиров». Инженер Бадуро произвел необходимые вычисления, показывающие, в чем заключалась ошибка математика Мастопа, который, как известно, попытался, ни больше ни меньше... сдвинуть земную ось, и какую в действительности пришлось бы для этого приложить силу. Работа Бадуро была напечатана под его именем в качестве математического приложения к роману «Вверх дном». И подобно тому, как энтузиаст еще не родившейся авиации Надар навел писателя на мысль сделать космический снаряд обитаемым и сам очутился среди участников лунного перелета под именем-анаграммой Ардан, так и Бадуро под именем Альсида Пьердэ выведен в романе «Вверх дном».

Позже в образах многих героев Жюль Верна исследователи находили прототипов или собирательные черты людей, с которыми общался писатель.

ВСЕ, ЧТО ВОЗМОЖНО, — СБУДЕТСЯ!

Феликса Турнашона знал весь Париж. Только не под настоящим именем, а под псевдонимом Надар. Это был удивительно разносторонний человек. За что бы он ни брался, все ему отлично удавалось и любому начинанию сопутствовал сенсационный успех. Издатель юмористических журналов, талантливый рисовальщик-карикатурист, театральный художник, остроумный писатель, автор многочисленных статей, очерков, афоризмов, блестящих эссе, составивших несколько томов.

Казалось бы, вполне достаточно для одной жизни, если она и продолжалась 90 лет! Но подлинную славу Надару принесли два его увлечения, вернее, две страсти, которым он отдавался со всем темпераментом своей пылкой натуры: фотография и воздухоплавание.

Продуманное им усовершенствование дало поразительный эффект: он снимал «мокрым» способом — на влажную пластинку и, кроме того, первый применил в фотографии электрическое освещение от гальванических батарей. Огромные матовые лампы с автоматическим включением угольных стержней делали фотографа независимым от дневного света.

Надар превратил фотографию в новый вид искусства и создал портретную галерею знаменитых современников. Фотоателье на улице Анжу посещали артисты, писатели, художники, музыканты, ученые, общественные и политические деятели. Гектор Берлиоз мог застать здесь Шарля Бодлера, Жюль Верн — строителя Суэцкого канала Фердинанда Лессепа, Жорж Санд могла встретить Сару Бернар, Гюстав Доре — Александра Дюма, русский революционер Бакунин — немецкого композитора Вагнера. Избранные портреты из серии «Пантеон Надара» до сих пор издаются отдельными альбомами как шедевры художественной фотографии.

Всевидящий фотоглаз Надара впервые запечатлел парижские катакомбы с оставшимися еще от времен средневековья штабелями человеческих черепов и костей, сложенных вдоль стен, и подземные лабиринты парижской канализации, в которых скрывался Жан Вальжан, спасаясь от неотступного Жавера¹.

¹ Герои романа Виктора Гюго «Отверженные».

Каспар Феликс Турнашон
(1820—1910), он же Надар.

Надар делал замечательные натурные снимки и фотографировал Париж с птичьего полета. Первую в мире аэрофотосъемку он произвел в 1856 году.

Представьте себе корзину, сплетенную из прутьев, — гондолу воздушного шара, где с трудом умещается, согнувшись в три погибели, высокий широкоплечий здоровяк с копной развевающихся по ветру волос, вооруженный громоздкой «фотографической машиной». В таком виде Надар изображен на одном из многочисленных шаржей.

В 1859 году, во время сражения с австрийцами при Сольферино, он производил с привязанного аэростата разведку расположения войск противника. В 1870 году, когда Париж был обложен прусской армией, Надар поддерживал на воздушном шаре связь с осажденной столицей. Встретившись однажды с баллоном противника, он завязал с ним поединок в воздухе и сбил вражеский аэростат. Это был едва ли не первый в истории воздушный бой.

Аэрофотосъемка заставила Надара увлечься воздухоплаванием, а затем и авиацией, о которой могли тогда только мечтать самые смелые умы. Обладая способностью заражать окружающих своим энтузиазмом, он сыграл немаловажную роль в жизни и творчестве Жюль Верна.

Познакомились они в начале шестидесятых годов, когда молодой писатель находился на распутье. Его тянуло к науке, к популяризации научных знаний, но «роман в совершенно новом роде», роман о науке и ее сказочных возможностях маячил еще где-то в тумане.

Не кто иной, как Надар, подсказал Жюль Верну тему первого романа и был его консультантом.

«Виктория» — аэростат без балласта, созданный воображением писателя, — снаряжался для небывалого полета над Африкой, а Надар тем временем собирал средства на сооружение огромного воздушного шара, который он сам же и сконструировал с полным знанием дела.

Написать роман о покорении воздуха, полный удивительных приключений, оказалось легче, чем воплотить в жизнь реальный проект.

«Виктория» слетела с кончика пера, благополучно пересекла весь Африканский континент и опустилась на столе у издателя. Роман «Пять недель на воздушном шаре» вышел в свет и... Жюль Верн проснулся знаменитым. А Надар все еще метался из Парижа в Лион, где на одной из шелковых фабрик изготовлялась прорезиненная оболочка «Гиганта». И по мере того как продвигались работы, самый большой в мире аэростат сделался «притчей во языцах».

«Гигант» имел девяносто метров в окружности, был снабжен двойной оболочкой и вмещал шесть тысяч девяносто восемь кубических метров газа. Гондола, построенная в виде шале — двухэтажного летнего домика с террасой, предназначалась для двенадцати пассажиров, не считая самого пилота!

Имя Надара не сходило со страниц печати. Его преследовали репортеры, куплетисты сочиняли про него песенки, художники рисовали карикатуры, юмористы изощряли свое остроумие. Надар стал героем дня. Правда, многих сбивало с толку несоответствие между словами и действиями Надара. Самый рьяный поборник принципа «тяжелее воздуха» и вдруг строит аэростат, пусть даже и самый большой в мире! Но вскоре все разъяснилось: средства от эксплуатации «Гиганта» он собирался пустить на опыты с аппаратами тяжелее воздуха...

И тут мы должны сделать отступление.

7 августа 1863 года в газете «Ла пресс» Надар опубликовал «Манифест воздушного самодвижения», в котором предал анафеме аппараты легче воздуха, то есть воздушные шары:

«Аэростат родился поплавком и навсегда останется поплавком. Чтобы завоевать воздух, надо быть тяжелее воздуха. Человек должен стремиться к тому, чтобы найти для себя в воздухе опору, подобно птице, удельный вес которой больше удельного веса воздушной среды. Нужно покорить воздух, а не быть его игрушкой. Нужно отказаться от аэростатов и перейти к использованию законов динамического полета. Винт — святой винт! — должен вознести нас в небеса в ближайшем будущем. Тот самый винт бурава, который при вращении проникает в дерево, увлечет человека ввысь».

Уже через несколько дней после опубликования Манифеста Надар вместе со своими единомышленниками, Габриэлем де Лаланделем и Понтоном д'Амекуром, основал «Общество воздушного передвижения без аэростатов» или, как его называли иначе, «Общество летательных аппаратов тяжелее воздуха».

Карикатуры — признак популярности. Надар в трех ипостасях: фотограф, писатель, воздухоплаватель.

Он же, «единственный», «непревзойденный», «неподражаемый» в своем фотографическом ателье на улице Сен-Лазар, 113.

Понтон д'Амекур и Лаландель не имели специального технического образования. Расчеты вертолетов делали за них опытные инженеры, а модели выполняли искусные мастера. В шестидесятых годах и тот и другой напечатали несколько книг, посвященных воздухоплаванию и авиации. Понтон д'Амекур позже стал президентом французского Общества нумизматики и археологии. Лаландель, начав свою карьеру офицером морского флота, затем посвятил себя литературной деятельности и снискал популярность многочисленными «морскими романами». Увлечение авиацией у того и другого было недолгим. Тем не менее имена Понтон д'Амекура и Лаланделя, так же как и Надара, остались в истории французской авиации как имена ее зачинателей.

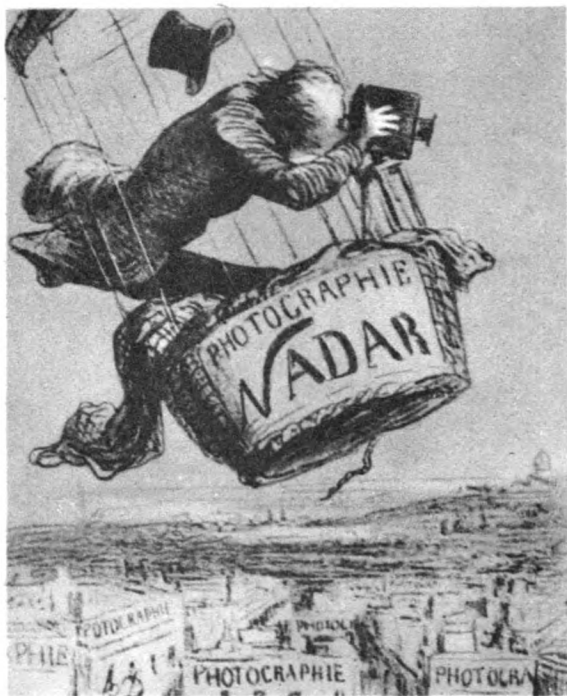
Жюль Верн, тогда уже автор нашумевшего романа «Пять недель на воздушном шаре», не только становится членом «Общества воздушного передвижения без аэростатов», но и фигурирует в списке его учредителей в качестве казначея.

Первое собрание новорожденного «Общества» состоялось в присутствии представителей прессы и большого числа зрителей.

Лаландель, только что выпустивший книгу «Авиация или воздушная навигация без аэростатов», начал свою речь с объяснения новых терминов:

— Авиация, — сказал он, — действие, подражающее полету птиц. Это слово необходимо для ясного и краткого обозначения таких понятий, как воздушная навигация, аэронавигация, воздушное самодвижение, передвижение судна и управление им в воздухе. Глагол

Надар над Парижем. Литография известного французского художника Огюста Домье. 1862.

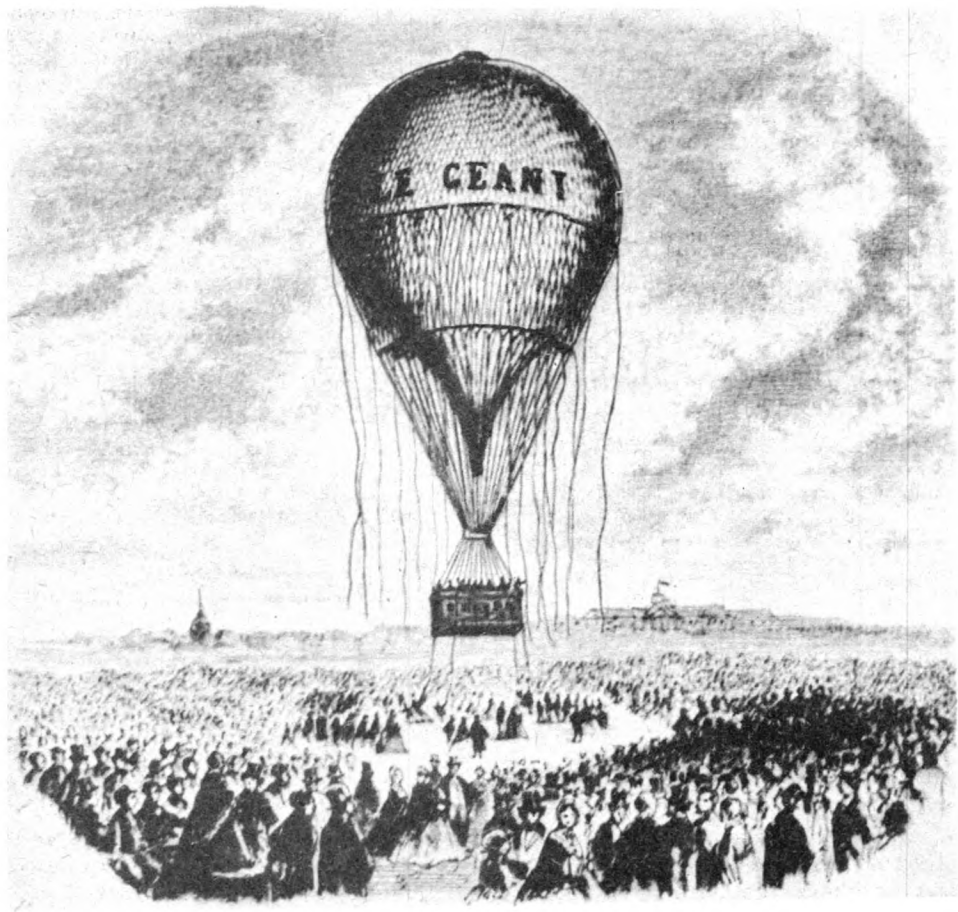
«avier» — производное от латинского «avis» — птица. Отсюда слово «авиация». Мы придумали его вместе с месье Понтон д'Амекуром, и оно кажется нам наиболее удачным. Надеюсь, это слово привьется! Другой термин — «аэронеф», взятое из стихотворения Виктора Гюго, мы употребляем для обозначения самодвижущейся управляемой воздушной машины, в отличие от аэростата, свободно парящего в воздухе, но неуправляемого...

Закончив лингвистический экскурс, Лаландель подробно остановился на преимуществах завоевания воздуха винтами:

— В недалеком будущем, — заявил он, — появятся аэронефы разных назначений: транспортные, пассажирские, почтовые, дальнего следования, каботажные, охотничьи, спасательные, сельскохозяйственные. Воздушный океан покроется сетью незримых дорог. Во всех направлениях его будут бороздить быстроходные корабли с винтами на мачтах вместо парусов. Все правительства создадут министерства авиации, наподобие давно уже существующих морских министерств.

Дальше Лаландель популярно изложил теоретические основы принципа «тяжелее воздуха» и в заключение нарисовал многообещающую фантастическую картину применения разных аэронефов.

— Что касается сельскохозяйственных, то они будут брать на буксир тучи и спасать поля, страдающие от засухи. Чтобы предотвратить избыток влаги, эти машины будут отводить тучи в засушливые места. Они спасут земледельцев от палящего зноя и от проливных дождей!..

4 октября 1863 года. «Гигант» Надара на Марсовом поле в Париже. Пробный полет. Иллюстрация к очерку Жюль Верна «По поводу «Гиганта» в журнале «Мюзее де фамий» (декабрь, 1863).

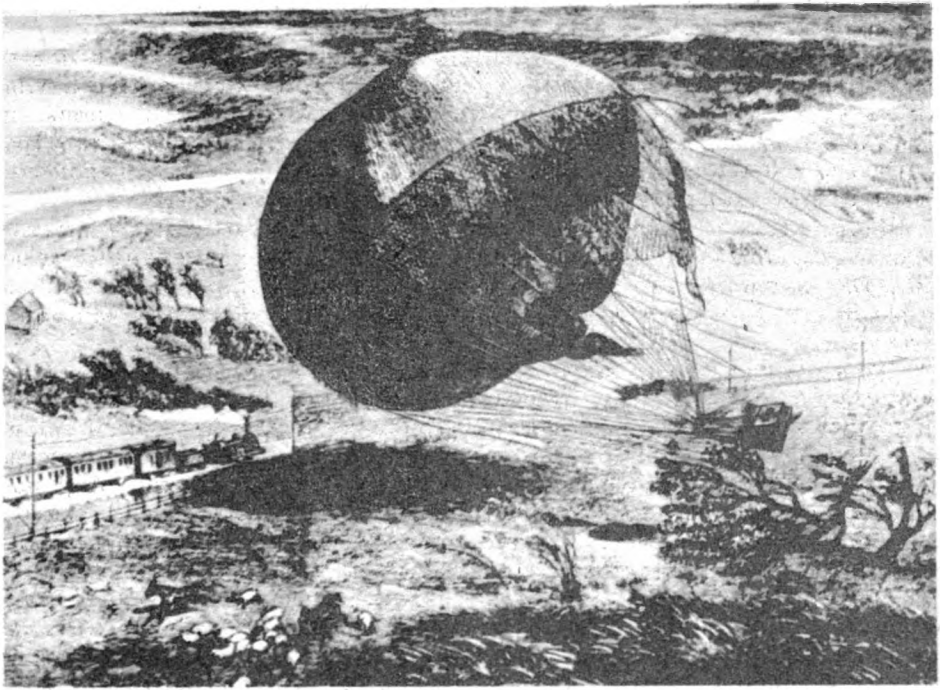
В зале раздался смех. Лаландель, сделав «крутой вираж», поспешил приземлиться:

— Но увы, как далеки мы от этого сегодня! Ведь до сих пор подавляющее большинство людей считает, что подниматься к небу на управляемых механизмах тяжелее воздуха — чистейшее безумие!

После выступления Понтон д'Амекура демонстрировались достижения авиационной техники. Первая модель, весом в один килограмм, была построена в виде орнитоптера¹. Крылья держались на шарнирах и приводились в действие часовой пружиной. Предельная высота подъема достигала одного метра. Другие конструкции, более удачные,

---

¹ Орнитоптер — летательный аппарат (самолет) с машущими крыльями.

18 октября 1863 года. Унесенный бурей «Гигант» за несколько минут до катастрофы.
Рисунок Андриена Турнашона, брата Надара.

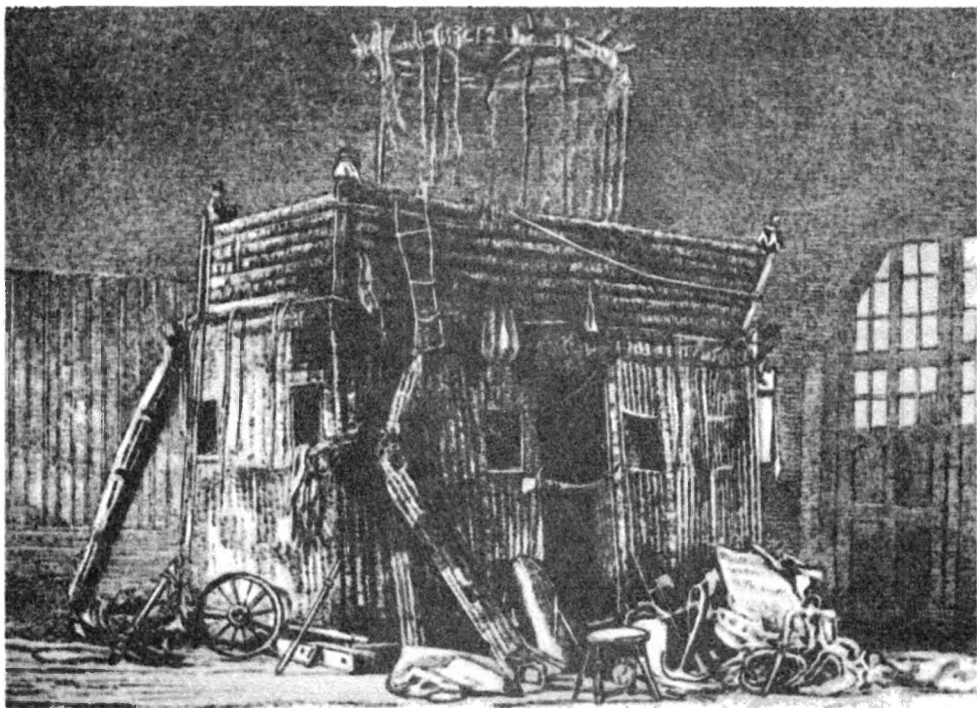
действовали от вращения в противоположные стороны несущих винтов, насаженных на вертикальную ось. В качестве двигателя здесь тоже применялась часовая пружина. Эти игрушечные геликоптеры взлетали на три-четыре метра.

— К сожалению, — сказал Понтон д'Амекур, — отсутствие механического двигателя пока что исключает возможность создания длительно летающего геликоптера. Но я надеюсь преодолеть эту трудность с помощью паровой машины, которая заменит часовой завод. В настоящее время по моему проекту изготавливается миниатюрная двухцилиндровая паровая машина и геликоптер, рассчитанный на сравнительно большую подъемную силу. Он сможет держаться в воздухе несколько минут и преодолевать значительные расстояния...

(Заметим в скобках: паровая машина оказалась непригодной из-за своей тяжести. Несмотря на горячее желание конструктора, паровой геликоптер не хотел оторваться от земли.)

Потом слово взял Надар. От его грохочущего баса дрожали стекла. Продолжив обозрение блистательных перспектив авиации, он под гром аплодисментов объявил войну воздушным шарам.

Собрание закончилось символическим актом: модель геликоптера врезалась в модель аэростата, подвешенного к люстре. «Победу» одержал геликоптер: воздушный шарик лопнул.

Гондола «Гиганта» после катастрофы. Фото Надара.

Полемика между сторонниками «легче воздуха» и «тяжелее воздуха» разгоралась с каждым днем. Летом и осенью 1863 года все французские газеты и журналы — большие и маленькие, научные и литературные, серьезные и развлекательные — охотно предоставляли трибуну участникам этого исторического спора.

И вот наступил долгожданный день. 4 октября на глазах восторженных зрителей, собравшихся на Марсовом поле, «Гигант» Надара величественно воспарил к небесам. Благополучно завершив пробный полет, Надар объявил запись на билеты. По правде говоря, охотников было не так уж много. Отпугивала даже не цена, а неизбежный риск путешествия по воздуху.

Жюль Верн на правах почетного гостя должен был попасть в число первых пассажиров. Но очередь до него не дошла. Детище Надара постигла печальная участь. 18 октября, когда «Гигант», купаясь в лучах солнца, спокойно плыл над Парижем, поднялся сильный ветер. Унесенный воздушным потоком, «Гигант» залетел в Германию и разбился возле Ганновера. Вместе с воздухоплавателем едва не распрощались с жизнью его жена и несколько друзей.

— Аэростат родился поплавком и навсегда останется поплавком! — сказал Надар, очнувшись от падения.

— Будущее принадлежит авиации! — сказал Жюль Верн и написал статью «По поводу «Гиганта».

Статья была напечатана в декабрьском номере журнала «Мюзэ де фамий» за 1863 год. На русский язык она не переводилась. Все попытки отыскать ее ни к чему не привели: в библиотеках Советского Союза этого номера «Мюзэ де фамий» не оказалось.

Только благодаря содействию Жана Шено¹, приславшего из Парижа фотокопию, мы можем теперь познакомиться с забытой статьей Жюля Верна.

Вот что он пишет.

«Есть основания полагать, что воздухоплавание после смелых попыток Надара сделало новые успехи. Аэростатика давно уже казалась заброшенной и, по совести говоря, с конца XVIII века почти не прогрессировала. Физики того времени придумали все необходимое: газ — водород — для наполнения шара, сетку, чтобы удерживать оболочку и соединять ее с корзиной, и, наконец, клапан, чтобы давать выход газу. Были также найдены средства для подъема и спуска — при помощи балласта и избыточного газа. Итак, на протяжении восьмидесяти лет искусство воздухоплавания пребывало в неизменном состоянии.

Можно ли сказать, что попытки Надара привели к новым успехам? Вполне вероятно. Я сказал бы даже: несомненно. И вот почему.

Прежде всего, этот смелый и упорный художник оживил забытое дело. Воспользовавшись расположением к нему прессы и журналистов, он привлек внимание публики к воздухоплаванию. В начале всякого большого открытия всегда находится человек твердой закалки, идущий навстречу трудностям, влюбленный в недостижимое, который пытается, пробует, достигая большего или меньшего успеха. И наконец ему удается расшевелить тех, от кого зависит дальнейшее. И тогда вступают в игру ученые: дискутируют, пишут, подсчитывают, и в один прекрасный день открытие предается гласности.

К этому должны привести и смелые полеты Надара. Искусство подъема и передвижения в воздухе станет практическим средством связи. И если это произойдет, потомство будет во многом признательно Надару.

Я не собираюсь рассказывать здесь о полетах «Гиганта». Это сделали уже другие, те, кто сопровождал его в воздушном путешествии, те, кто был очевидцем и специально поднимался с ним для того, чтобы об этом рассказать.

Я хочу только вкратце остановиться на основных тенденциях развития аэронавтики.

Прежде всего, исходя из опыта Надара, мы делаем вывод: «Гигант» должен быть последним воздушным шаром. Трудности спуска убедительно показывают невозможность управления таким огромным аппаратом.

Некоторые просто хотят отменить воздушный шар. Но возможно ли это, если даже такая идея исходит от самого Бабине?² С другой

---

¹ Ж а н Ш е н о — ученый-востоковед, профессор Сорбонны. Опубликовал книгу «Политическое прочтение Жюля Верна» (1971 г.).

² Ж а н Б а б и н е — известный французский физик и астроном.

стороны, Понтон д'Амекур и Лаландель утверждают, что они преодолели трудности и решили проблему.

Но прежде чем говорить об их изобретении, покончим с воздушным шаром. Позвольте мне рассказать об аппарате де Люза. Я видел действующую модель и с уверенностью могу утверждать, что она сделана достаточно искусно, чтобы обеспечить управление аэростатом, насколько аэростат вообще может быть управляем. Изобретатель к тому же поступает вполне логично: вместо того чтобы пытаться толкать корзину, он пытается толкать аэростат.

Для этого он придумал ему форму удлиненного цилиндра и снабдил винтом. С обоих концов цилиндр присоединяется к корзине тросами, натянутыми на блоки. При помощи любого движителя тросы должны приводить цилиндр во вращательное движение, и тогда баллон будет буквально ввинчиваться в воздух.

Аппарат действует, и действует хорошо. Конечно, он не сможет подняться при сильной циркуляции воздуха, но при умеренном ветре, я полагаю, не подведет.

Впрочем, в распоряжении аэронавта будут еще наклонные плоскости. Развернутые в том или ином направлении, они позволят избежать вертикальных завихрений. Чтобы предотвратить утечку водорода, обладающего легчайшим весом, де Люз предполагает сделать свой баллон из меди и надеется при этом производить эволюции для подъема и спуска посредством особого клапана внутри аэростата, куда газ будет нагнетаться помпой.

Такова суть конструкции. Самое изобретательное в ней то, что баллон становится винтом. Удастся ли это де Люзу? Мы скоро узнаем, так как он собирается совершить двухдневный полет над Парижем¹.

А теперь вернемся к проектам Понтон д'Амекура и Лаланделя. В них мы находим нечто более серьезное. Остается только выяснить, осуществима ли их идея применительно к средствам, которые им может предоставить современная механика.

Вам, конечно, знакомы детские игрушки, сделанные из лопастей, которыми придают быстрое вращательное движение с помощью быстро разматываемой веревки.

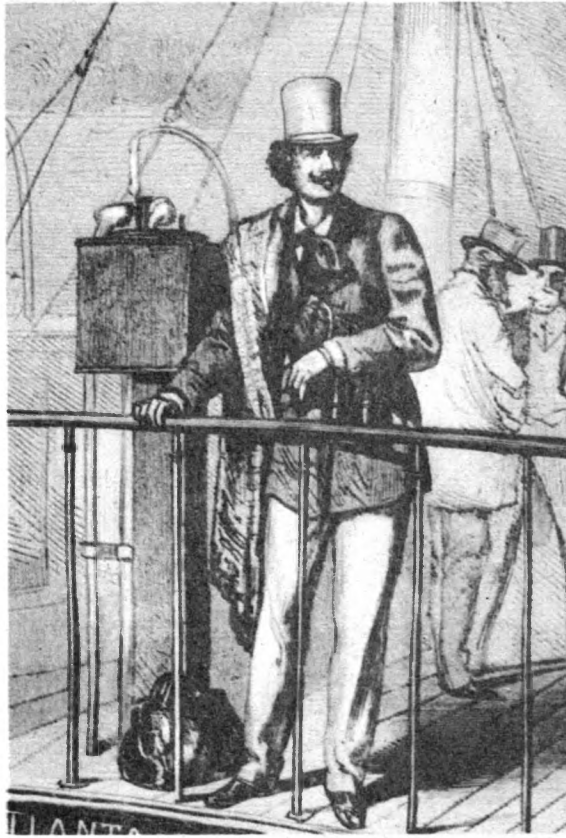
Предмет взлетает и парит в воздухе, пока винт не перестает вращаться. Если бы это движение продолжалось, аппарат не мог бы упасть. Представьте себе непрерывно действующую пружину: игрушка будет держаться в воздухе!

Геликоптер Понтон д'Амекура основан именно на этом принципе. Воздух образует точку опоры, достаточную для винта, который отбрасывает его вкось. Все это подтверждается на практике, и я видел собственными глазами, как функционируют модели, изготовленные этими господами. Натянутая пружина внезапно спускается, и вращающийся винт создает подъемную силу.

Однако, как легко догадаться, столб воздуха, вытолкнутый винтом, придумал бы аппарату обратное вращательное движение, и, если бы не удалось устранить эту помеху, аэронавт немедленно был бы

---

¹ Полет не был осуществлен. Конструкция управляемого аэростата де Люза — один из преобразов дирижабля! — себя не оправдала.

Мишель Ардан, один из героев лунной дилогии, отважный француз, захотевший во что бы то ни стало попасть на Луну... Надар — прототип Ардана. Художник Э. Байяр прекрасно уловил портретное сходство.

оглушен воздушным вальсом. Помеха устраняется с помощью двух винтов, наложенных один на другой и вращающихся в разные стороны. При этом аппарат может висеть неподвижно, и Понтон д'Амекур сумел этого добиться. Третий винт — тянущий, насаженный на горизонтальную ось, движет аппарат в нужном направлении. Итак, два первых винта удерживают его в воздухе, а третий толкает вперед, как если бы это было на воде.

Вот в нескольких словах упрощенное объяснение принципов действия геликоптера. Но достижимо ли это на практике? Все будет зависеть от мотора, приводящего в движение винты: он должен быть одновременно и мощным и легким. К сожалению, машины на сжатом воздухе или на паре, из алюминия или из железа, до настоящего времени не дали желаемых результатов.

Я хорошо знаю также, что экспериментаторы работали не в полную силу, а чтобы достичь цели, нужно отдаться этому целиком. По мере увеличения размеров аппарата будет уменьшаться его относительный вес. И в самом деле, машина мощностью в двадцать лошадиных сил весит намного меньше, чем двадцать машин в одну лошадиную силу. Так будем же терпеливо ждать более решитель-

ных опытов. Изобретатели — люди находчивые и смелые. Они доведут дело до конца.

Но им нужны деньги, может быть, — много денег. И раз это нужно, Надар ни перед чем не остановится. Для того он и собрал толпу, чтобы люди поглядели на его отважный подъем. Но зрителей пришло не так уж много: они не ожидали, что это зрелище доставит им удовольствие. Если Надар возобновит свои опыты, нужно подумать о будущей практической пользе, и тогда Марсово поле не вместит всех желающих.

Речь идет теперь уже не о том, чтобы парить или летать в воздухе. Речь идет о воздушной навигации!

Один ученый остроумно сказал: «Человек правильно сделает, если научится летать. Иначе он навсегда останется индюком, и к тому же смешным индюком».

Прославим же вертолет и примем за девиз слова Надара: «Во все, что возможно, — сбудется!»

Жюль Верн был всегда верен этому девизу. Дружба с Надаром отразилась и на его дальнейшем творчестве.

После катастрофы с «Гигантом» не прошло и полутора лет, как неутомимый Надар стал инициатором и участником самого необыкновенного из всех «Необыкновенных путешествий» — первого межпланетного перелета — «С Земли на Луну прямым путем за 97 часов 20 минут».

Правда, Надар действует в обоих романах (второй — «Вокруг Луны») под именем Мишеля Ардана, но это не меняет сути: каждому было ясно, что Ардан произошел от Надара путем простейшей перестановки букв. И кроме того, в самом звучании «Ардан» слышатся отвага и задор¹.

Когда изобретательные американцы объявили о своем решении запустить на Луну пушечный снаряд, с единственной целью продемонстрировать успехи баллистики, Мишель Ардан, как помнят читатели, отправил из Парижа телеграмму: «Замените круглую бомбу цилиндрико-коническим снарядом. Полечу внутри. Прибуду пароходом «Атланта».

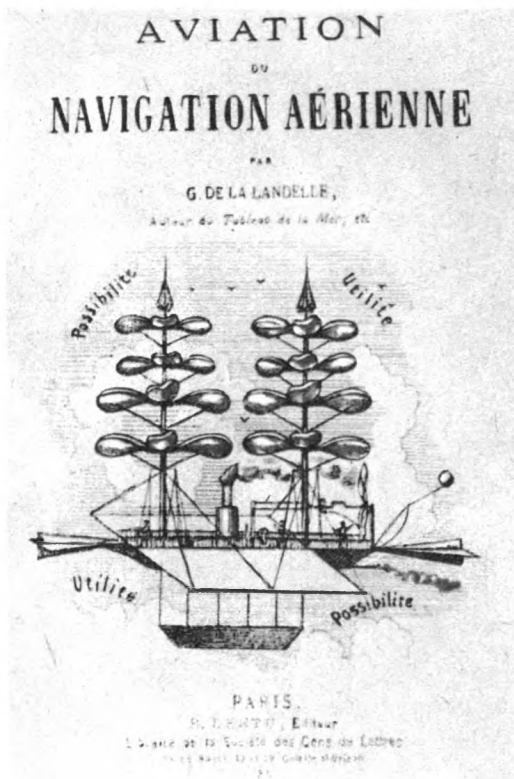
Все члены «Пушечного клуба» во главе с председателем Барбиеном встречают сумасбродного француза на пристани Тампа. И вот он показался на палубе.

«Это был человек лет сорока двух, высокого роста, но уже слегка сутуловатый, подобно кариатидам, которые на своих плечах поддерживают балконы. Крупная львиная голова была украшена копной огненных волос, и он встряхивал ими порой, точно гривой. Круглое лицо, широкие скулы, оттопыренные щетинистые усы и пучки рыжеватых волос на щеках, круглые, близорукие и несколько блуждающие глаза придавали ему сходство с котом. Но его нос был очерчен смелой линией, выражение губ добродушное, а высокий умный лоб изборозжен морщинами, как поле, которое никогда не отдыхает. Наконец, сильно развитой торс, крепко посаженный на длинных ногах, мускулистые,

---

¹ «Ardan» произносится по-французски так же, как «ardent» — горячий, пылкий, задорный.

Фантастический геликоптер (вертолет) с паровым двигателем на титульном листе книги Г. де Лаланделя «Авиация, или Воздушная навигация» (1862).

ловкие руки, решительная походка — все доказывало, что этот европеец — здоровенный малый, которого, говоря на языке металлургов, природа «скорее выковала, чем отлила».

Словесный портрет дополняется психологическими наблюдениями:

«Этот удивительный человек имел склонность к гиперболам, питая юношеское пристрастие к превосходной степени; все предметы отражались в сетчатке его глаз в сверхъестественных размерах. Отсюда у него беспрестанно возникали большие и смелые идеи: все рисовалось ему в преувеличенном виде, кроме препятствий и человеческих достоинств. Словом, это была богатая натура; художник до мозга костей, остроумный малый. Он избегал фейерверка острот, зато наносил словесные удары с ловкостью фехтовальщика.

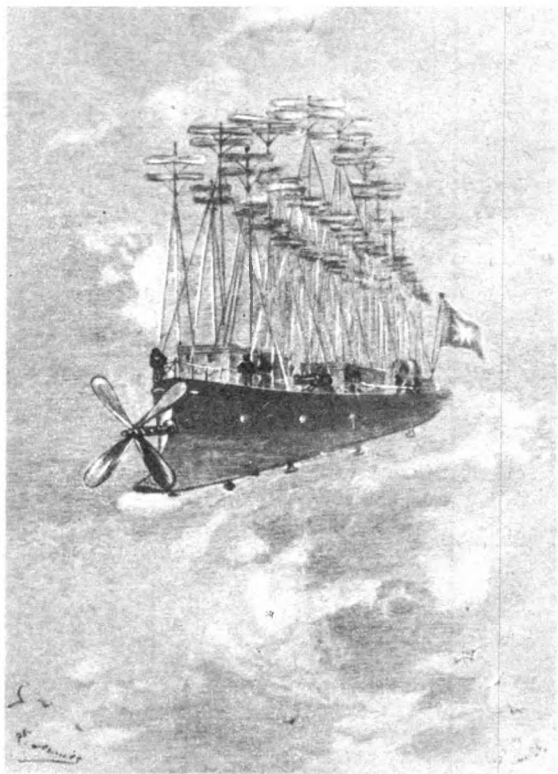
...Он очертя голову бросался в самые отчаянные предприятия, всегда готов был сжечь свои корабли, подобно Агафоклу¹, всякий час рисковал сломать себе шею и тем не менее всегда вставал на ноги, подобно игрушечному ваньке-встаньке.

...Он был глубоко бескорыстен, и бурные порывы его сердца не ступали смелости идей его горячей головы. Отзывчивый, рыцарски ве-

---

¹ А г а ф о к л — правитель Сиракуз (Сицилия) в конце IV века до н. э. Сжег флот, чтобы он не достался карфагенянам.

Воздушный корабль «Альбатрос» — электрический геликоптер, воспроизводящий в улучшенном виде схему Г. де Лаланделя (роман «Робур-Завоеватель», 1886). Художник Л. Бенетт.

ликодушный, он готов был помиловать злейшего врага и охотно продавался бы в рабство, чтобы выкупить негра».

Жюль Верн воздал должное своему другу. Современники считали, что эта незабываемая характеристика почти в точности соответствует внешнему облику и душевному складу Надара.

Итак, энтузиаст авиации увековечен в качестве межпланетного путешественника в двух замечательных романах, оказавших, как известно, вдохновляющее воздействие на Циолковского. Завоевание космоса в научной фантастике и в жизни — другая тема. Сейчас мы говорим о покорении воздуха.

Надар дал толчок.

Учрежденное им «Общество воздушного передвижения без аэростатов» на 1 января 1865 года уже насчитывало 282 члена и выпускало печатный бюллетень. И во Франции и в других странах заметно увеличилось число последователей идеи механических полетов и возрос интерес к аппаратам тяжелее воздуха. Конструировались новые модели, проводились испытания, оживилась исследовательская работа по теории авиации.

Значительный вклад в историю ее развития внесли труды русских ученых и изобретателей.

В 1869 году А. Н. Лодыгин взял патент на проект геликоптера, несущий винт которого должен был вращаться от электрического

Самолет с машущими крыльями (орнитоптер), способный превращаться в автомобиль, катер и подводную лодку, — последнее изобретение Робура. Роман «Властелин мира» (1904). Художник Л. Бенетт.

двигателя. Геликоптер-электролет не был, однако, построен: он значительно опережал технические возможности своего времени.

В 1882 году А. Ф. Можайский создает полноразмерный аэроплан с паровым двигателем и всеми основными частями летной машины (корпус, крылья, шасси). На несколько мгновений аэроплан Можайского отделился от земли.

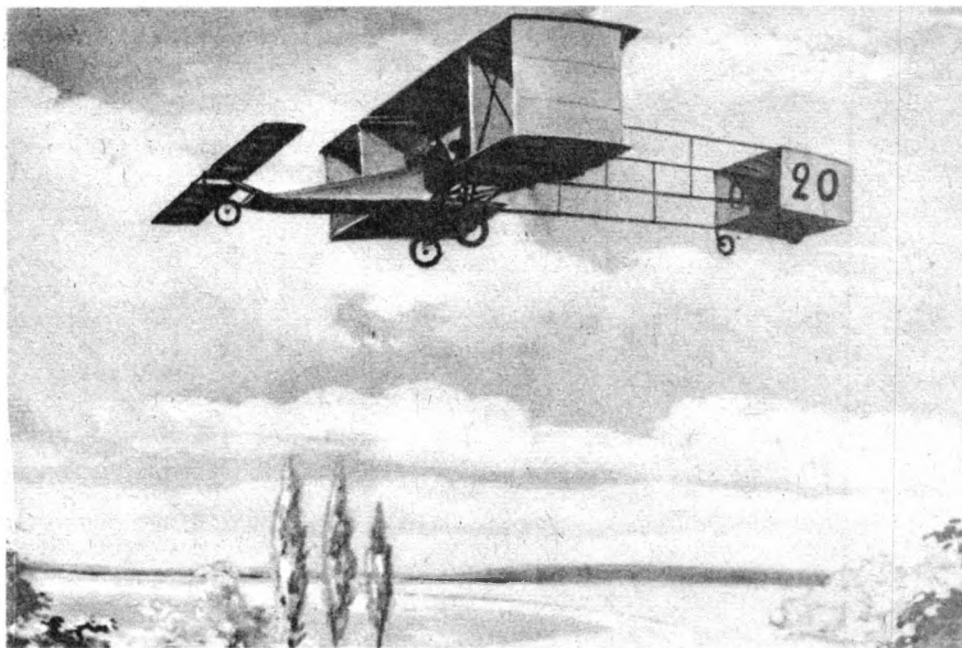
Французский часовщик Татен приблизительно в те же годы пытался построить аэроплан, сначала с пневматическим, а потом с паровым двигателем.

Любители-энтузиасты занимались «самолетостроением» и в Англии.

Однако из-за отсутствия легкой и достаточно мощной силовой установки авиация еще не в состоянии была доказать маловагам свои несомненные преимущества перед воздухоплаванием.

Поэтому и в восьмидесятых годах еще не утихли горячие споры между сторонниками обеих систем летательных аппаратов, и Надар продолжал с прежней запальчивостью отстаивать принцип «тяжелее воздуха».

В 1883 году в очередной книге очерков он выдал новую серию афо-

Через несколько лет после появления фантастической машины Робура в воздух поднялись первые самолеты. Аэроплан — «этажерка» — одна из ранних конструкций. С почтовой открытки начала XX века.

ризов: «Чем больше будет вес, тем легче будет передвигаться в воздухе». «Воздушный шар — поплавок, был поплавком и сгинет как поплавок, пропади он трижды пропадом! Аминь. Но до каких пор придется это твердить?» и тому подобное.

Жюль Верн, не желая отстать от друга, переносит дискуссию на страницы романа «Робур-Завоеватель».

Робур, построивший воздушный корабль «Альбатрос», провозглашает теоретические основы авиации:

«Грядущее принадлежит летательным машинам. Воздух — для них достаточно надежная опора. Если придать столбу этой упругой материи восходящее движение со скоростью сорока пяти метров в секунду, то человек сможет удержаться на верхнем конце воздушного столба...»

«После того как были изучены особенности полета всевозможных птиц и насекомых, победила следующая простая и мудрая мысль: надо лишь подражать природе, ибо она никогда не ошибается...»

«Не воздушным шарам, а летательным машинам принадлежит будущее, господа поклонники аэростатов!»

В 1886 году, когда вышел в свет «Робур-Завоеватель», Надар продолжал неистово сражаться с противниками авиации. Лаланделя уже не было в живых, а Понтон д'Амекур, став заядлым нумизматом, и думать забыл о своих прежних увлечениях.

Но Жюль Верн, воскресив в памяти незабываемые события 1863 года, воспроизвел в романе значительно улучшенную схему воздушного корабля Лаланделя и почти дословно — объяснение устройства геликоптера, как это изложено в брошюре Понтон д'Амекура «Завоевание воздуха винтами».

К событиям 1863 года уводит и блестящая сцена состязания тяжелого «Альбатроса» с аппаратом легче воздуха «Go ahead» («Вперед»). Машина Робура, выиграв поединок, врзалась в управляемый аэростат и на лету подхватила падающего пилота. Как тут не вспомнить символический акт уничтожения воздушного шара геликоптером на учредительном собрании «Общества» Надара!

На разных этапах развития техники качественно новые конструкции в своем первоначальном виде нередко повторяют формы старых. Например, первые автомобили по внешнему виду почти не отличались от дилижансов.

На титульном листе книги Лаланделя «Авиация, или Воздушная навигация» изображен фантастический «аэронеф» будущего.

Пароход с выдвижным килем и плоскостями по бортам, наподобие балансиров. Из труб валит дым. На палубе суетятся матросы. Но плывет корабль не по волнам океана, а по воздуху. На мачтах вместо рей и парусов навешаны елочкой несущие винты с широкими лопастями, а на корме укреплен на горизонтальной оси тянущий винт — пропеллер. Имеются и рули управления.

Жюль Верн, воспользовавшись этой схемой, внес в нее существенную поправку: великолепный «аэронеф» Робура приводится в действие не паром, а электричеством!

Гальванические батареи и аккумуляторы секретного устройства непрерывно извлекают двигательную энергию из окружающей воздушной среды и передают электрическим моторам. Вот что позволило Робуру совершить кругосветный перелет с крейсерской скоростью 200 — 240 километров в час и продержаться в воздухе свыше сорока дней!

«Альбатрос» воздействовал на воображение миллионов читателей.

Заслуга Жюль Верна в том, что из разных типов летательных машин он выбрал одну из самых перспективных — геликоптер (вертолет).

Положив в основу романа столкновение двух принципов — «легче воздуха» и «тяжелее воздуха» — писатель решительно стал на защиту передового, революционного принципа в то время, когда достижения воздухоплавания были бесспорны, а успехи авиации проблематичны.

Минуло еще восемнадцать лет... Со времени основания «Общества воздушного передвижения без аэростатов» авиация познала и горечь поражений и радость первых побед.

В 1904 году, незадолго до смерти, престарелый Жюль Верн воскресил своего Робура в романе «Властелин мира», написанном года за три до публикации.

На этот раз гениальный изобретатель строит универсальную машину-вездеход, способную мчаться с огромной скоростью по воздуху, по земле, по воде и под водой, превращаясь, по желанию водителя, то в самолет, то в автомобиль, то в катер, то в подводную лодку.

Превратившись в самолет, машина «быстро взмахивает своими широкими и могучими крыльями». Следовательно, это не вертолет, а орнитоптер. Робур, шагая с веком наравне, отказался от наивной конструкции «аэронефа», повторяющего форму обыкновенного корабля.

Принцип «тяжелее воздуха» окончательно восторжествовал еще при жизни Жюль Верна, и авиация стала реальностью XX века.

В октябре 1897 года французу Клеману Адеру удалось подняться на аппарате тяжелее воздуха и пролететь 300 метров.

В декабре 1903 года американцы братья Райт начали свои исторические полеты на аэропланах с бензиновым мотором. Уже через год их машина покрывала до пяти километров и держалась в воздухе свыше пяти минут.

А Луи Блерио между тем все еще не мог оторваться от земли. Прославивший его подвиг — перелет на моноплане через Ла-Манш (35 километров за 27 минут!) — он совершил в 1909 году.

Надар (ему было тогда 89 лет) послал рекордсмену приветственную телеграмму, а Жюль Верн — его уже не было в живых — не мог порадоваться новому торжеству идеи, которую отстаивал с такой убежденностью. Но и он, писатель-фантаст, вошел в историю авиации наряду с ее первыми ратборцами!

ИЗ ПУШКИ НА ЛУНУ

I. «МОЖНО ЛИ В ЭТОЙ ТОЧКЕ ПОДПРЫГНУТЬ?»

«Невесомость — состояние материального тела, при котором действующие на него внешние силы или совершаемое ими движение не вызывают взаимных давлений частиц друг на друга».

(Большая Советская Энциклопедия, изд. 3-е, т. 17, М., 1974)

Первым человеком, испытавшим состояние невесомости в свободном орбитальном полете, был, как известно, Юрий Гагарин. 12 апреля 1961 года — дата его исторического полета — знаменует начало непосредственного проникновения человека в космос.

Что такое невесомость, сейчас знает каждый. Но еще в середине нашего века это было понятие умозрительное, существовавшее скорей лишь в теории, интересное узкому кругу специалистов. К примеру, во втором издании БСЭ термин «невесомость» отсутствует (том 29 на букву «Н» вышел в свет в 1954 году, за три года до запуска в СССР первого искусственного спутника Земли).

Между тем эффект исчезновения тяжести фантасты предвидели с давних времен. Едва ли не впервые он был предугадан в причудливой книге «Сон, или Астрономия Луны», изданной на латинском языке в городе Франкфурт-на-Майне в 1633 году. Автор этого сочинения — немецкий астроном Иоганн Кеплер (1571—1630), убежденный последователь Коперника, открывший три фундаментальных закона движения планет вокруг Солнца. Он написал свой «Сон» еще совсем молодым, продолжал над ним долго работать, но так и не успел напечатать. Рукопись, найденная в бумагах ученого, была опубликована его сыном.

Фантастический рассказ о полете на Луну ученика Тихо Браге¹, юного астронома по имени Дуракотус, сопровождается обширными комментариями, которые в несколько раз превышают по объему описание самого путешествия и жизни героя на Луне.

---

¹ Определения датским астрономом Тихо Браге (1546—1601) положений на небе планеты Марс дали возможность Кеплеру открыть законы движения планет.

Космическая фантазия основана на математических выкладках. Кеплер удивительно точно вычислил расстояние между Землей и Луной, верно описал лунный рельеф (горы и впадины), движение Земли, заметные наблюдателям с якобы «неподвижной» Луны, объяснил, почему невозможно увидеть обращенное в противоположную сторону лунное полушарие и так далее. Комментарии вместе с фантастическим «Сном» представляют собой научный трактат, полный гениальных догадок, перемешанных с суеверными измышлениями. Ведь тот же Кеплер служил астрологом у германского полководца Валленштейна и составлял для него гороскопы.

Что касается путешествия на Луну Дуракотуса и его спутников, то увлекают их за собой всемогущие демоны. Любопытно, что в истолковании Кеплера «демоны» — есть не что иное, как «науки, которые раскрывают причины вещей. Эта аллегория, — замечает автор, — была внушена мне греческим словом «daimon» (демон, гений, дух), которое происходит от «daiein» (знать, ведать)». Первое ощущение от стремительного полета — возросшая сила тяжести. Человеческое тело искривляется и чуть ли не выворачивается наизнанку, как если бы им выстрелили из пушки. Демоны усыпляют путников и так их удобно укладывают, чтобы толчок распределился равномерно по всему телу. В полете возникают новые осложнения: ужасный холод и затрудненность дыхания в безвоздушной среде. Но демоны знают, как уберечь путешественников.

Когда большая часть пути осталась позади, «магнетические силы» Земли и Луны уравновесились взаимным притяжением, и Дуракотус в этой точке пространства оказался как бы во взвешенном состоянии, словно вовсе не имел тяжести. Каждая частица, заключенная в его теле, поясняет автор, влеклась сама по себе вместе со всей телесной массой.

С этой минуты начинается свободное падение на Луну. Демоны опережают путников и движутся перед ними, чтобы не дать им разбиться о лунный грунт.

Таким образом, Иоганн Кеплер, пусть и в наивной форме, почти 350 лет назад сумел предусмотреть «перегрузки» человеческого организма при «старте», состояние невесомости во время полета (правда, лишь на одном небольшом отрезке) и «амортизацию» от удара при спуске на Луну.

Позднее Исаак Ньютон в своем главном труде «Математические начала натуральной философии» (1687), опираясь на законы движения планет, открытые Кеплером, разработал основы небесной механики. Это и позволило определить скорости, необходимые для превращения снаряда в искусственный спутник Земли, для полета в пределах Солнечной системы и выхода в бесконечное пространство Вселенной (первая, вторая и третья космические скорости).

По прошествии двух с половиной столетий после появления кеплеровского «Сна» Жюль Верн подарил читателям свою знаменитую лунную диологию — «С Земли на Луну» (1865) и «Вокруг Луны» (1870).

Пока что ограничимся разговором о невесомости. В «нейтральной точке», по мнению писателя, повторившего гипотезу Кеплера, оба притяжения — лунное и земное — должны взаимно уравновеситься.

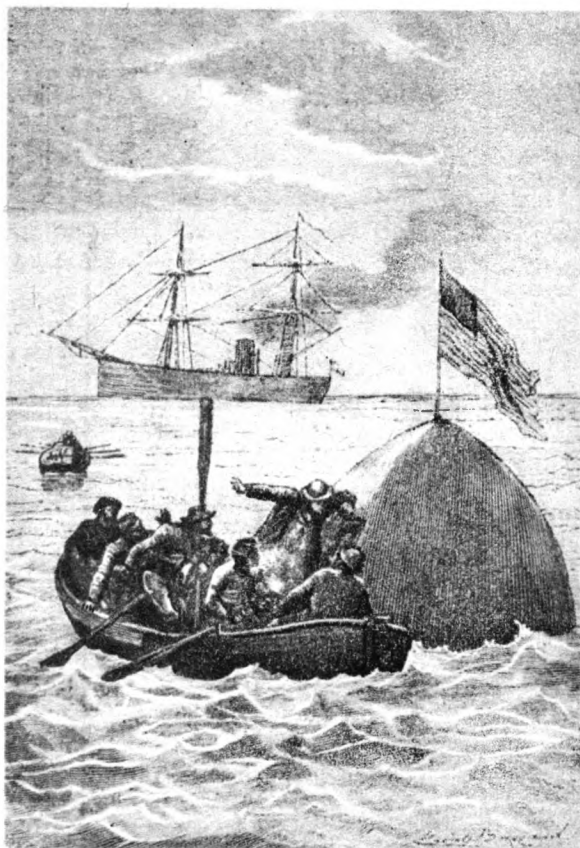
Пассажиры цилиндрического вагона-снаряда, сделанного из легчайшего металла, драгоценного по тем временам алюминия, испытывают блаженное состояние невесомости. Роман «Вокруг Луны». Художник Э. Байяр.

Вследствие этого «вагон-снаряд» должен «потерять всякий вес». Произойдет это из-за различия масс обеих планет на $47/52$ части всего пути.

«Состояние равновесия лунного и земного притяжения, — утверждает Жюль Верн, — продолжалось не более часа». И вот как описывается эффект невесомости: «...различные предметы, оружие, бутылки, брошенные и предоставленные самим себе, словно чудом держались в воздухе. ...Вытянутые руки не опускались, головы качались на плечах; ноги не касались пола снаряда. ...Мишель вдруг подпрыгнул и, отделившись на некоторое расстояние от дна снаряда, повис в воздухе...» («Вокруг Луны», гл. 8).

Сочинения французского романиста на протяжении многих лет не выходили из поля зрения Льва Николаевича Толстого. «Романы Жюль Верна превосходны! — сказал он в 1891 году студенту, впоследствии известному физика А. В. Цингеру. — Я их читал совсем взрослым и все-таки помню, они меня восхищали. В построении интригующей, захватывающей фабулы он удивительный мастер. А послушали бы вы, с каким восторгом отзывался о нем Тургенев! Я прямо не помню, чтобы он кем-нибудь так восхищался, как Жюлем Верном».

Приводнение лунного снаряда
Жюль Верна и спасение пас-
сажиров моряками. Роман
«Вокруг Луны». Художник
Э. Байяр.

Знакомство началось с романа «Вокруг Луны». Толстой заинтере-совала гипотеза «мира без тяготения». Дневниковая запись — «Читал Верна» (17 ноября 1873 года) — сопровождается полемически-ми заметками: «Движение без тяготения невысказано. Движение есть тепло. Тепло без тяготения невысказано».

Больше всего Толстого озадачило шутовское предположение Мише-ля Ардана, что если бы удалось избавиться от пут тяготения в земных условиях, то было бы достаточно «только усилия воли, чтобы по своей прихоти взлететь в пространство».

В тот же день Толстой поделился своими сомнениями с критиком Н. Н. Страховым: «...меня поразило то место, где они, вступив в ней-тральный пункт между Луной и Землей, находятся вне закона тя-жести, но все-таки двигаются. Как они это делают?.. Ни ноги, ни руки, ни крылья, ни поплавки, ни змеиные позвонки не производят движе-ния. Если они двинутся, то только непосредственным действием воли движения, т. е. чудом...»

Толстой в чудеса не верил. Под свежим впечатлением романа Жюль Верна он обратился к трудам по физике, но нигде не на-шел ответа, действительно ли в состоянии невесомости возможны

произвольные движения. Не удовлетворили его и письма Н. Н. Страхова, который объяснял, что кошка, выброшенная из окна, делает в воздухе параболу и падает на ноги. Значит, «движения возможны независимо от силы тяготения». Толстого и это не убедило, и тогда Страхов сослался на учение об инерции и привел выдержки из «Математических начал натуральной философии» Ньютона.

Спустя шесть лет, в 1879 году, Лев Николаевич заметил в одном из писем к А. А. Фету: «У Верна есть рассказ Вокруг Луны. Они там находятся в точке, где нет притяжения. Можно ли в этой точке подпрыгнуть? Знающие физики различно отвечали».

По-видимому, великий писатель так и не нашел разгадки мучившей его проблемы. Жизненный опыт человека, привыкшего к конкретному мышлению, противился умозрительной возможности движений в состоянии невесомости по собственной воле, хотя невесомость саму по себе он, как видно, не отрицал.

Еще при жизни Жюль Верна гений русской науки К. Э. Циолковский сформулировал принципы исследования мировых пространств реактивными приборами, изложил свои мысли о возможности проникновения человека в космос, об искусственном спутнике Земли, об условиях жизни при отсутствии тяготения.

«Стремление к космическим путешествиям заложено во мне известным фантазером Ж. Верном, — писал Циолковский. — Он пробудил работу мозга в этом направлении. Явились желания. За желаниями возникла деятельность ума. Конечно, она ни к чему бы не повела, если бы не встретила помощь со стороны науки».

«Калужский мечтатель», оторванный от научных центров, разрабатывал в провинциальной глуши пионерские идеи «звездоплавания», но не мог передать их широкой гласности. Эту миссию возложил на себя известный популяризатор точных наук Я. И. Перельман, один из немногих энтузиастов, сумевших оценить в полной мере прозорливость старшего современника. В 1915 году он выпустил книгу «Межпланетные путешествия», столь же «преждевременную» в царской России, как и грандиозные замыслы Циолковского.

«Межпланетным путешествиям» Перельмана суждено было выдерживать много изданий, донести гениальные идеи Циолковского до широкого круга читателей, воспламенить мечтою о «звездоплавании», подкрепленной научными доказательствами, сотни и тысячи юных умов, среди которых были и первые конструкторы советских космических кораблей.

А годом раньше Перельман поместил в популярном журнале «Природа и люди» (1914, № 24) научно-фантастический рассказ «Завтрак в невесомой кухне», написанный в качестве дополнительной главы к роману «Вокруг Луны».

Ученый поправляет писателя: «Подробно рассказывая о жизни пассажиров внутри летящего ядра, Жюль Верн упустил из виду, что пассажиры, как и вообще предметы внутри каюты, во все время путешествия были абсолютно невесомы! Дело в том, — продолжает автор, — что, подчиняясь силе тяготения, все тела падают с одинаковой скоростью; сила земного притяжения должна была, следовательно, сообщать всем предметам внутри ядра совершенно такое же ускорение, как и самому ядру. А если так, то ни пассажиры, ни осталь-

ные тела в ядре не должны были давить на свои опоры; уроненный предмет не мог приближаться к полу (то есть падать), а продолжал висеть в воздухе; из опрокинутого сосуда не должна была выливаться вода и т. д. Словом, внутренность ядра должна была на время полета превратиться в маленький мир, совершенно свободный от тяжести».

Тем самым опровергается кеплеровская гипотеза «нейтральной точки». Невесомость наступает немедленно, как только снаряду сообщают космическую скорость (не менее восьми километров в секунду).

Произвольные движения внутри снаряда не вызывают сомнений, только «пассажирам» нелегко к ним приспособиться. На вопрос Л. Н. Толстого: «Можно ли в этой точке подпрыгнуть?» ответ однозначен: «Да, можно!»

Художественной популяризацией идей Циолковского с тех пор занимались многие фантасты (среди них — Александр Белаяев), подробно и достоверно изобразившие состояние невесомости задолго до выхода человека в космос.

II. ВПЕРЕДИ ВЕКА

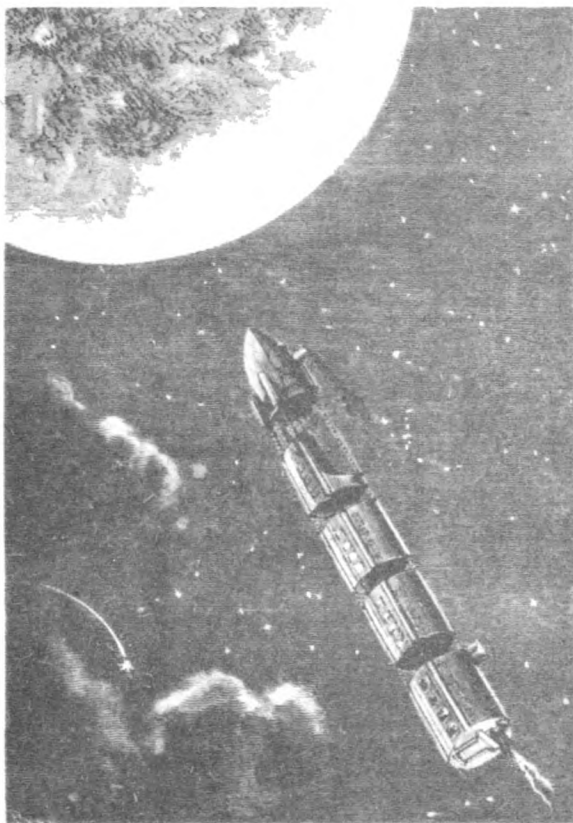
Фантастика устремлена к будущему. Изображенные Жюлем Верном «чудеса техники» всегда опережают действительность. События же отодвинуты в недавнее прошлое или происходят в то самое время, когда книга выходила в свет. Герои — современники автора, а их дела и свершения по условиям времени невозможны. Тем самым читатель соприкасается с будущим и находит его в настоящем.

Первая часть дилогии «С Земли на Луну» — полный юмора антивоенный памфлет — публиковалась в газете в 1865 году, вскоре после того, как в Соединенных Штатах закончилась четырехлетняя гражданская война. Герои романа, члены балтиморского «Пушечного клуба», не желают примириться с наступлением «мертвого сезона». «Неужели никогда не возникнут международные осложнения, которые позволят нам объявить войну какой-нибудь заморской державе!» — сокрушается математик Мэстон. Но поскольку военные действия прекратились и новых пока не предвиделось, brave артиллеристы, по предложению председателя клуба Барбикена, решают соорудить гигантскую «Колумбиаду» и сделать мишенью... Луну. Единственная цель выстрела — продемонстрировать успехи баллистики. Как мы помним, сумасбродному французу Ардану этого показалось недостаточно, и он выступает инициатором первого полета в космос.

Для науки нет ничего невозможного. «Рано или поздно такое путешествие будет совершено», — заявляет автор устами Ардана.

Трудно говорить о прогнозе, «рассчитанном» на сто лет. Речь может идти о догадках, вернее, о редкостной интуиции. Без преувеличения, гениальную интуицию Жюль Верн проявил в лунной дилогии, избрав полуостров Флориду местом старта алюминиевого цилиндрико-конического «вагона-снаряда» с тремя пассажирами, заставив их испытать эффекты невесомости, увидеть обратную сторону Луны, вернуться

Межпланетный фантастический поезд, летящий по трассе Земля — Луна. Роман «Вокруг Луны». Художник Э. Байяр.

по эллиптической орбите на Землю и упасть в Тихий океан, в четырехстах километрах от берега, где их вылавливает американский корвет ¹.

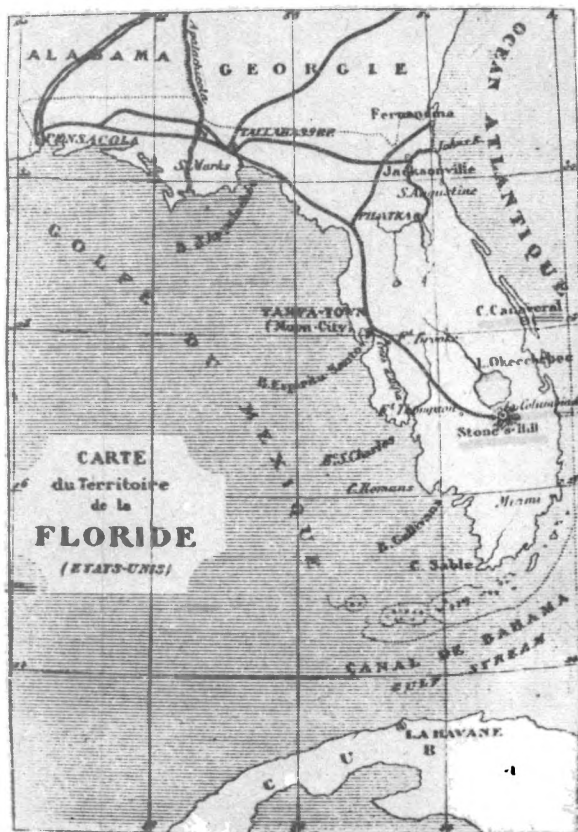
Напомню общеизвестные факты. Корабли «Аполлон» стартовали с Восточного космодрома США (мыс Канаверал во Флориде, обозначенный на географической карте, приложенной к первому изданию «С Земли на Луну»).

21 декабря 1968 года к Луне был направлен космический корабль «Аполлон-8» с космонавтами Фрэнком Борманом, Джеймсом Ловеллом и Уильямом Андерсом. Первыми из людей они увидели, как Земля, постепенно уменьшившись, превратилась в одно из небесных тел. Спустя трое суток после старта, на высоте около ста тридцати километров над лунной поверхностью, корабль перешел на окололунную орбиту. Продолав восемь витков, космонавты включили маршевый двигатель и перевели корабль на трассу полета к Земле. 27 декабря кабина экипажа вошла со второй космической скоростью в земную атмосферу и после аэродинамического торможения опустилась на парашютах в заданном районе Тихого океана.

---

¹ Координаты падения снаряда, обозначенные в романе: 27°7' северной широты и 41°37' западной долготы по Вашингтонскому меридиану.

Карта Флориды, приложенная автором к отдельному изданию лунной дилогии. Стоунхилл, место старта вагона-снаряда с экипажем из трех человек, находится неподалеку от обозначенного на этой карте мыса Канаверал, где ныне расположен американский космодром.

Все этапы полета к Луне, кроме высадки экипажа, были проделаны также «Аполлоном-9» (март 1969 г.) и «Аполлоном-10» (май 1969 г.). И, наконец, в июле 1969 года пилотируемый космический корабль «Аполлон-11» впервые совершил посадку на Луну. Советский космонавт К. П. Феоктистов так определил историческое значение этого полета:

«Думаю, что естественное стремление к самоутверждению свойственно не только отдельным людям, но и коллективам, и человечеству в целом. Высадка на Луну — это акт самоутверждения всего человечества... Но, конечно, значение высадки на Луну не исчерпывается одним только эмоциональным аспектом этого события. Я бы хотел подчеркнуть техническое и научное значение успешной высадки на Луну» («Известия», 1969, 22 июля).

Успешное завершение программы «Аполлон» ознаменовалось полетом одиннадцатого и последнего пилотируемого корабля «Аполлон-17» (декабрь 1972 г.).

Одновременно сложнейшие задачи изучения Луны и доставки на Землю лунного грунта решаются советскими автоматическими станциями и управляемыми с огромного расстояния самоходными аппаратами. «Луноход-1» (ноябрь 1970 — январь 1971 г.) проработал

одиннадцать лунных дней, пройдя по лунной поверхности 10,54 километра. «Луноход-2» (1973 г.) за четыре месяца работы прошел 37 километров, передав на Землю 86 панорамных и более 80 000 телевизионных снимков лунной поверхности¹.

Во второй половине XIX века подобные способы космических исследований нельзя было даже и загадывать.

Но вернемся к роману Жюль Верна.

По странному совпадению, заметил американский космонавт Фрэнк Борман, «Аполлон-8», имеющий приблизительно такие же размеры и вес, как и снаряд Барбикена, облетел Луну тоже в декабре месяце и приводнился в четырех километрах от точки, указанной романистом. (Заметим в скобках: высота снаряда «Колумбиады» 3,65 метра, вес — 5547 килограммов. Высота капсулы «Аполлона» 3,60 метра, вес — 5621 килограмм).

Не только число участников перелета, место старта и финиша, траектория, размеры и вес алюминиевого цилиндро-конического снаряда, но и сопротивление атмосферы, регенерация воздуха и даже телескоп с пятиметровым диаметром на вершине Лонгспик в Скалистых горах, по параметрам и разрешающей способности удивительно похожий на тот, что ныне установлен в Маунт-Паломарской обсерватории (Калифорния), — все это предусмотрено в романе, опередившем реальные возможности больше, чем на сто лет!

Любопытно еще одно совпадение. Герои романа, огибая Луну, наблюдают на обратной стороне извержение вулкана. Вулканическую деятельность на Луне впервые зарегистрировал советский астроном Н. А. Козырев. Полученный им спектр вспышки в кратере Альфонса позволил заключить, что она означала извержение газа.

Отсутствие топлива, энергию которого можно было бы регулировать, заставило Жюль Верна воспользоваться самым сильным из известных в то время взрывчатых веществ — пироксилином. И вместе с тем «вагон-снаряд» имеет ракетную установку для амортизации удара, если бы произошло «прилуние»: «И в самом деле, ракеты, имея точкой опоры дно снаряда и вылетая наружу, должны были вызвать обратное движение снаряда и тем самым до некоторой степени замедлить скорость его падения. Правда, этим ракетам пришлось бы гореть в безвоздушном пространстве, но кислорода им хватило бы, потому что он заключается в самих ракетах».

Жюлю Верну не пришлось в голову сделать ракетный двигатель душой межпланетного перелета. Для героев романа это только лишь вспомогательное средство. Писатель, конечно, понимал, что его проект нереален. Участь пассажиров «вагона-снаряда» была бы плачевной из-за чудовищных стартовых перегрузок в момент выстрела. Такое фантастическое допущение понадобилось для развития действия. «Ошибка» Жюль Верна вскоре стала столь же классической, как и его роман. Еще Анатолий Франс заметил по этому поводу в «Книге моего друга» (1885): «Простодушные мальчишки, поверив на слово Жюлю Верну, воображают, что на Луну действительно можно попасть в пущечном ядре...»

---

¹ Приведенные данные взяты из книги: К. А. Куликов, В. Б. Гуревич. Новый облик старой Луны. М., «Наука», 1974.

Я. И. Перельман в русских изданиях, выходявших под его редакцией, произвольно, хотя и очень удачно, озаглавил роман «Из пушки на Луну» и подробно разобрал ошибку Жюль Верна в специальном очерке, приложенном к прославленной книге.

И вот теперь выясняется, что артиллерийский допуск Жюль Верна на новом уровне техники выглядит не столь уж ошибочным.

Предложен проект «составной пушки»: стволы вкладываются друг в друга наподобие «матрешек» и при последовательном выстреливании скорости складываются, давая в сумме космическую. Таким способом можно выводить на орбиту спутники, а в перспективе использовать дальнобойные орудия в безатмосферной среде.

Время отменяет ошибки, либо подтверждает чутье художника, которое, по словам Чехова, стоит иногда мозгов ученого. Но где та грань, когда вымысел переходит в прогноз?

Интересны предположения писателя об огромных материальных затратах, которые потребует космический перелет, и возможном международном сотрудничестве. Изобретательность и деловитость американцев стимулируется инициативой француза. Благодаря Мишелю Ардану экипаж «вагона-снаряда» становится американо-французским. Проект воплотился в жизнь, потому что «Пушечный клуб» решил «обратиться ко всем государствам с просьбой о финансовом соучастии».

Самый живой отклик обращение встретило в России. «Россия внесла огромную сумму — 368 733 рубля. Этому не приходится удивляться, принимая во внимание интерес русского общества к науке и успешное развитие, достигнутое астрономией в этой стране благодаря многочисленным обсерваториям, главная из которых (подрозумевается Пулковская. — *Евг. Б.*) обошлась государству в два миллиона рублей». Всего же на операцию «Колумбиада» было израсходовано — по калькуляции «Пушечного клуба» — 5 446 675 долларов!

Сумма громадная, учитывая многократную девальвацию доллара за истекшие сто с лишним лет, но совсем незначительная по сравнению с реальной стоимостью осуществления программы «Аполлон»: 25 миллиардов долларов¹.

Во что будут на деле обходиться космические исследования, Жюль Верн, при всей его богатой фантазии, предвидеть, конечно, не мог.

«Вокруг Луны», как и первая часть дилогии, зиждется на строгих расчетах. Нужно было мотивировать возвращение снаряда, чтобы не дать ему затеряться в Солнечной системе. Когда он находится на невидимой стороне Луны, появление массивного небесного тела, с которым он едва не столкнулся, обеспечивает первую коррекцию². И затем, когда он вновь попадает в зону притяжения Земли, вспомогательные ракеты, все-таки введенные в действие Барбиеном, еще раз исправляют траекторию. А так как Жюль Верн избрал по наитию местом старта Флориду, то снаряд, совершив предначертанный путь, должен был приводниться именно на том участке, куда его привели безукоризненные вычисления Анри Гарсе. Совпадение траекторий

¹ Журнал «США. Экономика. Политика. Идеология», 1971, № 5, с. 73.

² Писатель воспользовался неподтвердившейся гипотезой французского астронома М. Пти о существовании у Земли второго спутника, который обращается за 3 часа 20 минут.

вымышленного снаряда и запущенных спустя столетие реальных космических кораблей нельзя объяснять только случайностью. Гарсе опирался в своих вычислениях на «Математические начала» Ньютона.

Замысел лунной дилогии получил серьезное научное подкрепление. Интуиция соединилась с точным расчетом, основанным на законах небесной механики.

Тот же Фрэнк Борман позднее вспоминал, что, когда его жена, прочитав «С Земли на Луну», встревожилась за судьбу мужа, он, чтобы успокоить ее, посоветовал прочесть «Вокруг Луны».

Современная космонавтика, подтвердившая прозорливость Жюль Верна, внесла колоссальный вклад в науку, многократно превосходящий дальновидные прогнозы писателя. Вместе с тем нельзя забывать, что оба романа принадлежат к его лучшим творениям. Блестяще построенный сюжет, стиль, композиция, остроумные диалоги, неиссякаемый юмор — все до последних мелочей выполнено на уровне зрелого мастерства автора «Необыкновенных путешествий».

Издатель опасался, что дерзкий замысел вызовет возражения духовной цензуры.

Жюль Верн на это ответил:

— Барбикен же сказал перед полетом: «Пусть сохранит нас бог!» Разве этого недостаточно?

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Вы видели «Тайну острова Бек-Кап»? В этом превосходном фильме чешского режиссера Карела Земана оживают старинные иллюстрации к романам Жюль Верна, показан мир его техники. Игра актеров удачно комбинируется с рисованными кадрами, напоминающими гравюры Риу, Бенетта, Невиля, Ферá и других художников, долгие годы работавших в содружестве с писателем. Голос диктора восторжен, а сама техника — по нынешним временам — наивна. Получается остроумнейший контраст: фантастические машины, восхищавшие когда-то читателей Жюль Верна, сейчас вызывают только улыбку.

...По воздуху плывет корабль. Вместо парусов на мачтах укреплены медленно вращающиеся двухлопастные винты.

Аэростат с температурным управлением. Над гондолой подвешена жаровня для нагрева газа.

Управляемый аэростат сигарообразной формы. Пилот вертит велосипедные педали, приводя в движение воздушный винт.

Подводные лодки разных конструкций — с плавниками, заменяющими весла, с гребными винтами, работающими от pedalного привода, и — чудо техники! — электрическая. Но как лениво ходят неуклюжие шатуны и каким допотопным кажется машинное отделение!

Воздушные и подводные аппараты, придуманные Жюлем Верном или существовавшие в проектах изобретателей, соседствуют с всамделишными машинами, вроде «первобытного» локомотива с громадной трубой-воронкой и смешными вагончиками, похожими на дилижансы.

Тут имеются и нарочитые временные смещения: кое-что перетянуто из самого начала XIX века. В изображении фантастических машин легко уловить и оттенок шаржа. Но всё, вместе взятое, дает представление об уровне технической мысли более чем столетней давности.

Жюль Верн с юношеских лет мечтал о воздушном полете, но осуществилась его мечта только осенью 1873 года. Любопытный факт из жизни писателя, возможно, остался бы неизвестным, если бы один

из французских почитателей его таланта, просматривая старые комплекты «Амьенской газеты», случайно не натолкнулся на объявление, оповещавшее о выходе из печати брошюры Жюль Верна «Двадцать четыре минуты на воздушном шаре». Заметка об этой находке была помещена в очередном выпуске бюллетеня «Жюль-верновского общества».

Брошюры Жюль Верна не оказалось ни в одном из наших книгохранилищ. После бесплодных поисков мне удалось, в конце концов, ознакомиться с ее текстом с помощью известного знатока творчества Жюль Верна, итальянского профессора Эдмондо Маркуччи, который на протяжении многих лет собирал коллекцию произведений Жюль Верна на разных языках. В обширной «Жюльверниане» итальянского ученого нашлось и это редчайшее издание. Текст забытого очерка Маркуччи прислал перепечатанным на машинке, в виде брошюры такого же миниатюрного формата, как она была издана редакцией «Амьенской газеты». Крохотная книжечка в 12 страниц снабжена титульным листом: «Двадцать четыре минуты на воздушном шаре. Письмо Жюль Верна редактору «Амьенской газеты» от 29 сентября 1873 года».

Читая этот непритязательный очерк, невольно думаешь о том, как сильно отличается смелая фантазия Жюль Верна — романиста от реальных впечатлений, навеянных его единственным полетом на воздушном шаре!

Вот как описывает Жюль Верн свои впечатления:

«Дорогой г-н Жене! Посылаю Вам мои заметки о подъеме на воздушном шаре «Метеор», которые Вы хотели от меня получить.

Вам известно, при каких условиях должен был произойти подъем: воздушный шар — относительно небольшой, емкостью в 900 кубических метров, весом, вместе с гондолой и оснасткой, 270 кг, наполнен газом, превосходным для освещения, но весьма посредственным для полета. Подняться должны были четыре человека: воздухоплаватель Эжен Годар, адвокат Деберли, лейтенант 14-го полка Мерсон и я.

В последнюю минуту выясняется, что поднять столько людей невозможно. Г-н Мерсон, уже не раз совершавший полеты вместе с Эженом Годаром в Нанте, решил уступить место г-ну Деберли, который, как и я, впервые пускался в воздушное путешествие. Уже должна была прозвучать традиционная команда: «Отдать концы!», и мы готовы были оторваться от земли... как в гондолу неожиданно забрался сын Эжена Годара, бесстрашный девятилетний сорванец, ради которого пришлось пожертвовать двумя мешками балласта из четырех, имевшихся в запасе. В гондоле осталось два мешка! Никогда еще Эжену Годару не приходилось летать в таких условиях. Поэтому подъем не мог быть продолжительным.

Мы отчалили в 5 часов 24 минуты, медленно поднимаясь вкось. Ветер относил нас к юго-востоку, небо было чистым. Только далеко на горизонте виднелось несколько грозовых туч. В 5 часов 28 минут мы уже парили на высоте 800 метров по показанию анероида.

Вид города был поистине великолепен. Лонгвильская площадь напоминала муравейник с копошащимися на ней красными и черны-

«Пять недель на воздушном шаре» и «Путешествие к центру Земли», двоянный том. Фронтиспис к изданию 1867 года. Художник Э. Риу.

ми муравьями — так выглядели люди в военном и штатском платье. Шпиль кафедрального собора, опускаясь все ниже и ниже, отмечал, наподобие стрелки, непрерывность нашего подъема.

Однако мы не ощущали никакого движения, ни горизонтального, ни вертикального. Горизонт все время казался на одной и той же высоте. Мы купались в воздухе, а земля, уходя все ниже, распластывалась под гондолой, словно черная крыша. Мы наслаждались при этом абсолютной тишиной, полнейшим покоем, который нарушался только жалобным скрипом ивовых прутьев, державших нас в воздухе.

В 5 часов 32 минуты солнце восходит из-за туч, обложивших горизонт на западе, и обогревает оболочку шара. Газ расширяется, и мы достигаем высоты 1200 метров, не выбросив ни одного мешка с балластом. Это — максимальная высота, достигнутая нами в течение всего полета.

Вот что открылось нашему взору.

Внизу, под ногами — Сент-Ашель с его чернеющими садами, которые уходят куда-то вдаль, словно рассматриваешь их сквозь большие стекла бинокля. Кафедральный собор кажется сплюснутым,

а шпиль его попадает на одну плоскость с домами, находящимися у городской черты. Сомма извивается тонкой светлой лентой, железнодорожные колеи похожи на волосные линии, нанесенные рейсфедером; улицы напоминают спутанные шнурки, сады можно уподобить витрине зеленщика, поля кажутся набором разноцветных образчиков материй, которые в былые времена вывешивали у своих дверей портные, и весь Амьен представляется нагромождением маленьких серых кубиков. Так и кажется, будто на ровное место высыпали коробку с нюрнбергскими игрушками.

Дальше мы видим окрестные деревни — Сен-Фюсьен, Вилье-Бретонно, Ла Невиль, Бов, Камон, Лонго — все это напоминает лишь груды камней, разбросанных там и сям для какого-то гигантского сооружения.

Несмотря на то, что нижний отросток азростата Эжен Годар держит всегда открытым, — ничто не выдает присутствие газа.

Отяжелевший «Метеор» вскоре начинает снижаться. Чтобы затормозить спуск, выбрасываем балласт. Кроме того, опороньем мешок, набитый рекламными объявлениями. Тысячи листков, реющих по ветру, указывают на большую быстроту воздушных струй в нижних слоях атмосферы.

Перед нами — Лонго, но деревню отделяет от нас множество болотистых впадин.

— Неужели мы приземлимся на болото? — спросил я Эжена Годара.

— Нет, — ответил он, — если у нас даже не останется балласта, я выброшу рюкзак. Мы должны во что бы то ни стало миновать это болото.

Мы спускаемся всё ниже. В 5 часов 43 минуты, когда мы находимся уже в пятистах метрах от земли, нас настигает пронзительный ветер. Мы пролетаем над заводской трубой и заглядываем в жерло. Тень воздушного шара, словно мираж, перебегает от одного болотца к другому; люди, походившие на муравьев, заметно подросли, они снуют по всем дорогам. Между железнодорожными линиями, близ разъезда, я замечаю удобный лужок.

— Попадем? — спрашиваю я.

— Нет. Мы перелетим через железную дорогу и поселок, что находится за ней, — отвечает Эжен Годар.

Усиливается ветер. Мы замечаем это по колышавшимся деревьям. Невиль уже позади. Теперь перед нами равнина. Эжен Годар сбрасывает гайдроп, канат длиной в 150 метров, а затем и якорь. В 5 часов 47 минут якорь цепляется за землю. Подбегают любопытные, хватают гайдроп, и мы приземляемся без малейшего толчка. Шар опускается, словно мощная большая птица, а не как дичь, с подбитым крылом.

Через двадцать минут из шара выпущен газ, его свертывают, кладут на повозку, а мы отправляемся в карете в Амьен.

Вот, дорогой г-н Жене, мои короткие, но вполне точные впечатления.

Позвольте мне еще добавить, что ни простая прогулка по воздуху, ни даже длительное воздушное путешествие несколько не опасны, если совершаются под управлением такого смелого и опытного возду-

хоплателя, как Эжен Годар, имеющего на своем счету более 1000 полетов в Старом и Новом свете».

Очерк Жюль Верна заканчивается похвальным словом Эжену Годару, который, по словам писателя, «благодаря своему опыту, выдержке, глазомеру является настоящим властелином воздуха».

Чем интересен этот забытый очерк? Помимо того, что он дает очень точное представление о примитивных условиях полета на воздушном шаре, мы ощущаем, какая огромная пропасть лежала между научной фантазией писателя и реальными возможностями воздухоплавания XIX века. В то время, когда Жюль Верн совершил этот скромный полет над Амьеном, его мужественные герои успели уже покорить не только воздушную стихию и глубины Мирового океана, но и проникнуть в космос!

НИЧЕГО НЕТ ЛУЧШЕ ПУТЕШЕСТВИЙ!

I. ШОТЛАНДИЯ И СКАНДИНАВИЯ

1

— Но вы все-таки путешествовали по морям?—спросила мисс Кэмпбелл.

— Да, сколько можно было, — ответил Оливер Синклер. — Я проплыл по Средиземному морю от Гибралтара до Леванта¹, переплыл Атлантический океан до Северной Америки, побывал в морях Северной Европы, и я знаю все воды, которыми природа так щедро одарила Англию и Шотландию...

Оливер Синклер, герой романа «Зеленый луч», — образ во многом автобиографический. Именно такими были маршруты и самого Жюль Верна.

Впервые он смог утолить свою страсть к путешествиям летом 1859 года. Брат Иньяра, служивший агентом пароходной компании в Сен-Назере, предоставил им обоим бесплатный проезд в Шотландию — страну для Жюль Верна тем более притягательную, что, по семейным преданиям, дворянский род его матери Софи Верн (до замужества Аллот де ла Фюи) происходил от шотландского предка.

В 1462 году, сообщает Жан Жюль-Верн, шотландец Н. Аллот, служивший во Франции в отряде шотландских гвардейцев Людовика XI, оказал королю услуги, за которые был возведен в дворянское звание и получил «право Фюи», то есть право владеть голубятней. А это была королевская привилегия. Шотландский лучник обосновался неподалеку от Лудэна, построил себе замок и стал называться Аллот, сеньор де ла Фюи. Правда, к тому времени, когда адвокат Верн породнился с именитой семьей нантских моряков и арматоров, его тесть был директором счетной конторы, иначе говоря, главным бухгалтером. От былого величия сохранилось лишь дворянское звание, ничего не прибавлявшее к скромным доходам деда будущего писателя. Тем не менее шотландский пращур Аллот стоял перед глазами Жюль Верна в образе средневекового лучника — в шлеме, кольчуге, с щитом

---

¹ Л е в а н т — общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Египет, Турция, Греция и другие).

и колчаном, в ореоле храброго воина, сопровождавшего во всех походах короля — объединителя французских земель. Отчасти, может быть, и по этой причине Жюль Верн так живо интересовался Шотландией и пользовался любой возможностью лишний раз побывать в милой его сердцу стране.

Первая заграничная поездка во многих отношениях примечательна. Он вернулся с тетрадью путевых заметок, озаглавленных «Путешествие в Шотландию», которые впоследствии пригодились ему при написании «шотландских» романов «Черная Индия» (1877) и «Зеленый луч» (1882).

Текстологический анализ показал Жану Жюль-Верну, что географические описания (прогулки по Эдинбургу и окрестностям, поездка в «страну озер» и затем на Гебридский архипелаг) перенесены почти дословно из этой неопубликованной рукописи.

Таким образом, мы можем восстановить не только маршрут, но и «неувядаемые светлые воспоминания» Жюля Верна о его путешествии в Шотландию, воспроизведенные в обоих романах.

Герои — шотландцы. Автор восхищается вместе с ними живописной природой, древней культурой, историческим прошлым Шотландии, поэмами Оссиана, песнями Роберта Бернса, романами Вальтера Скотта, которого он полюбил с детства и много раз перечитывал. Не случайно маршрут путешествия проходит по местам действия «Уэверли», «Роб-Роя», «Эдинбургской темницы», «Легенды о Монтрозе», «Девы озера» и других произведений «последнего шотландского менестреля».

Путевые эпизоды непринужденно вплетаются в сюжетную ткань того и другого романа.

В первом речь идет об открытии и разработке новых угольных залежей в Аберфойле. Рудники освещены электричеством, оборудованы механическими приспособлениями, превосходящими возможности техники столетней давности. Жюль Верн изобразил идеальную с его точки зрения угольную шахту будущего. Несколько странное заглавие объясняется самим автором: «Известно, что англичане дали своим обширным угольным копям очень выразительное название «Черная Индия», и эта Индия, может быть, еще больше, чем настоящая, способствовала поразительному обогащению Соединенного Королевства».

В недрах отработанных шахт вырастает юная Нелль, никогда не видевшая света дня, ни солнца, ни луны, ни звезд. И вот с помощью неожиданно обретенных друзей эта фея угольных шахт впервые покидает свое подземное царство. Ее изумленным взорам открывается небосвод, она ощущает дыхание ветра, видит панораму города, поля и горы, реки, озера, заливы, море.

Роман в этих главах становится лирическим. Первое знакомство девушки с необъятным миром, с природой Шотландии сообщает путевым эпизодам поэтический колорит.

С вершины холма она любитесь в предрассветном сумраке Эдинбургом: «Там и сям поднимались высокие строения, остроконечные колокольни, и контуры их рисовались все отчетливее. В воздухе разливался словно какой-то пепельный свет. Наконец, первый солнечный луч коснулся глаз девушки; это был тот самый зеленоватый луч,

который поднимается утром или вечером из моря, когда горизонт совершенно чист».

Даже в открытом море этот любопытный феномен наблюдается не столь уж часто. Нелль посчастливилось невзначай. А Елене Кэмпбелл, пожелавшей во что бы то ни стало увидеть зеленый луч, пришлось совершить путешествие на Гебридский архипелаг. В отличие от «Черной Индии» второй шотландский роман от начала до конца выдержан в лирической тональности. По преданию, зеленый луч приносит счастье тому, кто сможет уловить его. В поисках абсолютно чистого горизонта мисс Кэмпбелл объезжает некоторые из Внутренних островов, знакомится в пути с молодым художником Синклером и... находит свое счастье, так и не заметив мелькнувшего зеленого луча.

2

А теперь о реальном путешествии.

Жюль Верн с Иньяром сначала заехали в Нант. Из родного города добрались катером до Сен-Назера, расположенного в месте впадения Луары в Бискайский залив, и взошли на борт «Принца Уэльского», делавшего очередной рейс в Эдинбург (пароход под таким названием фигурирует и в «Черной Индии»).

Пока огибали полуостров Бретань и через проливы Ла-Манш и Паде-Кале достигли Лондона, Жюль Верн провел немало часов в машинном отделении в обществе судового механика и кочегаров, но больше всего любовался морем, испещряя заметками свою путевую тетрадь.

«Даже величайший художник не сможет запечатлеть на полотне все красоты моря. Ведь у него нет собственного цвета. Это зеркало неба, мутящееся от дыхания бурь. Синее оно? Синей краской его не изобразишь. Зеленое? Не изобразить и зеленой. Море легче запечатлеть в ярости, когда оно мрачно, злобно, белесо, когда кажется, небо смешало в нем все облака, которые над ним развесило.

Чем больше я смотрю на океан, тем все более величественным он мне представляется. Океан! Одним этим словом сказано все! Океан — это бесконечность, подобная небесному пространству, которое он отражает в своих водах!» («Зеленый луч», гл. 13).

...В Лондоне стояли два дня. Оба друга исколесили вдоль и поперек столицу Великобритании на империале омнибуса, а потом разошлись в разные стороны: Иньяр надеялся в нотной библиотеке Музыкального общества разыскать нужные ему партитуры, Жюль Верн побывал в Депфорте (порт на Темзе, в юго-западной части Лондона), где готовили к первому пробному плаванию громадный трансатлантический пароход «Грейт Истерн» — «восьмое чудо света», о котором он позднее поведает в романе «Плавающий город».

В заливе Ферт-оф-Форт не было никакого волнения. Клубился туман, моросил дождь. «Принц Уэльский» ошвартовался в Лите, торговом порту, который издавна служил шотландской столице морскими воротами.

Эдинбург, в эпоху независимости, — резиденция шотландских королей, не только обликом, но еще более своей культурой заслужил название «Северных Афин». В XIX веке он стал также и промышлен-

ным центром. Над городом висела дымовая завеса. Десятки фабрик и тысячи каминных труб до такой степени загрязняли воздух, что древняя столица Каледонии по справедливости заслуживала и второе, менее поэтическое название «Старой коптильни».

Брат Иньяра рекомендовал хорошо знакомый ему «Ламберт-отель» (кстати, там останавливались Нелль и ее спутники), расположенный неподалеку от Кэнонгейт, главной улицы старого Эдинбурга. Этот скромный и уютный отель привлек наших путешественников еще тем, что мистер Ламберт и его дочь Амалия свободно объяснялись по-французски.

Белокурая девушка с голубыми глазами «цвета шотландских озер в ясное весеннее утро», Амалия до мельчайших подробностей знала свой родной город и с готовностью согласилась быть гидом молодых парижан.

Прежде всего, разумеется, она вывела их на Кэнонгейт и показала мрачный феодальный замок с четырьмя толстыми зубчатыми башнями по углам, перед которыми стояли часовые в старинных шотландских костюмах: юбки из зеленой материи, клетчатые пледы и сумки из козьего меха, свисавшие чуть ли не до земли. Впрочем, замок был не очень большой и походил скорее на загородную резиденцию.

— Это и есть Холируд, дворец прежних властителей Шотландии, где совершилось столько печальных событий, — торжественным тоном пояснила мисс Ламберт. — Историк мог бы вызвать тут немало царственных теней, начиная с злосчастной католички Марии Стюарт и кончая старым французским королем Карлом Десятым.

Потом, по пути к памятнику Вальтеру Скотту, затейливой готической башне со стрельчатыми арками, у подножия которой установлена на высоком пьедестале мраморная статуя писателя, мисс Ламберт обратила внимание туристов на старинное неказистое здание — гостиницу, где останавливался Уэверли и куда портной принес ему знаменитый боевой наряд из тартана. Подробности из жизни героев Вальтера Скотта его фанатичной почитательнице казались не менее значительными, чем исторические реликвии Эдинбурга вроде асимметричного дома лидера шотландской Реформации Джона Нокса, которого, не преминула заметить мисс Ламберт, не соблазнили улыбки Марии Стюарт.

Экскурсии по городу, включая и осмотр замечательной Национальной галереи Шотландии, открытой для обозрения в 1859 году, незадолго до приезда Жюль Верна, заняли три полных дня. Самое же эффектное зрелище мисс Ламберт приберегла напоследок.

Она повела своих спутников в Королевский парк, мимо дворца и аббатства Холируд, над которыми вздымаются крутые холмы, увенчанные Троном Артура, огромной базальтовой скалой в семьсот пятьдесят футов, чья одинокая вершина господствует над окружающими возвышенностями. Поднимаясь по тропе, вьющейся по ее склону, молодые люди меньше чем за полчаса достигли вершины, похожей на львиную голову, если смотреть на нее с запада.

Они сели на камни и опустили глаза. У ног расстилалась панорама Эдинбурга. Вот как ее описывает Жюль Верн.

«Чистенькие, прямые кварталы нового города, нагромождение домов и причудливая сетка улиц Старой коптильни... От столицы

лучами расходились прекрасные, обсаженные деревьями дороги. На севере залив Ферт-оф-Форт, подобно морскому рукаву, глубоко врезывался в берег, в котором открывался порт Лит. Выше, на третьем плане, развевалось живописное побережье Файфского графства. Эти северные Афины соединялись с морем дорогой, прямой, как Пирей¹. К западу расстилались чудесные песчаные пляжи Ньюхейвена и Портобелло, где песок окрашивал в желтый цвет первые волны прилива. Даль оживляли рыбацьи лодки и два-три парохода, поднимающих к небу султаны черного дыма. За всем этим зеленели необозримые поля» («Черная Индия», гл. 17).

3

Поезд Эдинбург — Глазго. В открытые окна вагона врывается живительный воздух. Зелень деревьев, изменчивые оттенки растений, небесная лазурь развевается перед взорами пассажиров богатую гамму красок. С моста, переброшенного через Клайд, они любовются морскими судами, заходящими из одноименного залива в эту полноводную реку.

На ночь Жюль Верн с Иньяром остановились в «Королевском отеле», чтобы утром отправиться на вокзал. Между торговой столицей Шотландии, которую решено было осмотреть на обратном пути, и южной оконечностью озера Лох-Ломонд по железной дороге насчитывается не более двенадцати миль. В поезде нашим парижанам посчастливилось встретить французских туристов, которых сопровождал опытный гид, молодой розовощекий шотландец по имени Джеймс Старр.

Джеймс Старр — один из героев «Черной Индии». Описание экскурсии по стране озер мы заимствуем из главы восемнадцатой — «От Лох-Ломонд к Лох-Кэтрин».

— Итак, мы отправляемся на родину Роб-Роя и Фергуса Мак-Грегора, так поэтично воспетую Вальтером Скоттом! — воскликнул мистер Старр, когда прозвучал третий удар колокола. — Пока вы будете осматривать страну, я буду рассказывать вам ее историю.

Поезд остановился в Баллохе, возле деревянной эстакады, у самого берега озера. Туристов, совершающих экскурсии по озерам, ожидал пароход «Синклер». Мистер Старр быстро собрал деньги и купил билеты до Инверснайда, на северной оконечности озера.

Жюль Верн перебежал с борта на борт, без конца расспрашивая гида, который, впрочем, и без расспросов с энтузиазмом рассказывал о стране Роб-Роя по мере того, как она проходила перед глазами.

Вскоре пароход очутился среди целого роя островков. «Синклер» описывал восьмерки, огибая их крутые берега, пробираясь между ними в узких проливах. Пейзаж беспрерывно менялся: то проступали одинокие долины, то хаотическое нагромождение скал, то дикие ущелья, оцетинившиеся отвесными утесами.

— У каждого из этих островов, — говорил Джеймс Старр, — есть своя легенда и, быть может, своя песня, как и у гор, окаймляющих

¹ Город неподалеку от Афин; в настоящее время пригород столицы Греции.

озеро. Без особого преувеличения можно сказать, что история этой страны написана гигантскими буквами — островами и скалами...

Затем, после эффектной паузы, он обратился к Жюлю Верну, словно позабыв о других туристах:

— Взгляните на эти острова! Вот Меррей со своим старым фортом Леннокс, где жила престарелая герцогиня Олбени, когда потеряла отца, мужа и двоих сыновей, обезглавленных по приказанию Иакова Первого... Вот остров Клар, остров Кро, остров Торр... Природа здесь не поскупилась на выдумку. Рядом с дикими, скалистыми островами — округлые и зеленые, поросшие лиственницей и березой либо целыми полями пожелтевшего засохшего вереска...

«С приближением к маленькому порту Лесс ширина озера, достигавшая от трех до четырех миль, несколько уменьшилась. На мгновение мелькнула старая башня древнего замка. Потом «Синклер» снова взял курс на север, и взорам туристов открылась гора Бен-Ломонд, возвышающаяся почти на три тысячи футов над уровнем озера».

— Отсюда, с ее вершины, видны две трети нашей старой Каледонии, — продолжал свои пояснения мистер Старр. — Здесь, у восточного берега озера, издавна жил клан Мак-Грегора. Невдалеке отсюда пустынные ущелья не раз обогрелись кровью в стычках между якобитами и ганноверцами... Бен-Ломонд, последняя вершина Грампианской цепи, вполне заслуженно воспета нашим великим романистом...

Озеро постепенно сужалось, вытягиваясь к северу. Горы все теснее сжимали его с двух сторон. Пароход обогнул еще несколько островов и островков. Наконец, оба берега сошлись, и «Синклер» остановился у пристани Инверснайда.

После короткого привала туристы решили отправиться дальше на озеро Лох-Кэтрин, воспользовавшись экипажем с гербом семьи Бредалбейн — той самой, которая некогда снабжала водой и дровами изгнанника Роб-Роя. Теперь потомки этой почтенной семьи извлекали доходы от своей былой славы, занимаясь обслуживанием туристов.

Великолепный кучер в красной ливрее собрал в левой руке вожжи попарно запряженной четверки, щелкнул длинным бичом, и многоместный экипаж, нанятый мистером Старром, стал медленно подниматься по склону крутой горы вдоль русла извилистого потока. По мере подъема постепенно вырастала вся горная цепь и на ней вершины Аррохара, господствующие над долиной Инверюглеса. Узкие ущелья, зловещие известковые утесы, от времени и климата приобретшие твердость цемента, обветшалые овечьи загоны и жалкие хижинки пастухов, похожие на звериные логовища, — вся эта местность между Лох-Ломонд и Лох-Кэтрин казалась бы совсем дикой, если бы на дороге не выбегали белоголовые ребятишки, провожавшие изумленными взглядами блестящий экипаж, будто впервые его видели.

— Вот места, которые особенно заслуживают названия страны Роб-Роя, — сказал Джеймс Старр. — Здесь добродетельный олдермен Николь Джарви, достойный сын своего отца-декана, был схвачен людьми графа Леннокса. Вот на этом самом месте он повис, зацепившись штанами, которые, к счастью, были сшиты из добротного шотландского сукна, а не из легкого французского камлота!

— Не будем говорить о качестве тканей! — обиженно прервал гида пожилой толстяк, оказавшийся владельцем мануфактурной фабрики в Авиньоне. — Кстати, нельзя ли узнать, мистер СтARR, почему вдоль дороги кое-где попадаются кучи камней, сложенных в форме пирамид?

— Я вполне могу понять ваши чувства, — невозмутимо ответил гид с чуть заметной улыбкой. — Что касается «пирамид», то это кэрны. В старину каждый прохожий должен был положить сюда камень, чтобы почтить героев, спящих в этих могилах. Ведь старинная гэльская поговорка гласила: «Горе тому, кто пройдет мимо кэрна, не положив на него камня вечного спасения!» Если бы сыновья сохранили веру отцов, то эти кучи камней давно бы превратились в холмы... Внимание, господа! — вдруг хлопнул в ладоши Джеймс СтARR. — Мы углубляемся в типичную для Шотландии горную долину, поросшую вереском, потом будет новый подъем и дорога приведет нас к гостинице «Приют Бредалбейна» на берегу Лох-Кэтрин... Мы находимся недалеко от истоков Форта, впадающего, как вы знаете, в одноименный залив. В верховьях Форта лежит Аберфойл. Здесь, на территории графства Стерлинг, находится одно из самых обширных в Англии месторождений каменного угля...

Жюль Верн, конечно, не подозревал, что именно в этих местах будет разворачиваться действие в романе «Черная Индия», замысел которого возникнет значительно позже. И хотя ему очень хотелось побывать в каком-нибудь рудничном поселке и спуститься в угольную шахту, Иньяр не разрешил бы своему другу отклониться от намеченного маршрута.

...На берегу озера, у самого конца мостков, покачивался пароходик «Роб-Рой». Наскоро пообедав, туристы разместились на палубе. Джеймс СтARR после короткой передышки снова приступил к выполнению своих обязанностей:

— Так вот, это и есть то самое озеро, которое справедливо сравнивают с длинным угрем! Лох-Кэтрин в длину имеет не более десяти миль при ширине не свыше двух. Напомню, что именно здесь происходили события, изображенные в «Деве озера», поэме нашего шотландского барда, создавшей ему громкое имя еще до того, как он выпустил свой первый роман «Уэверли». Когда я бываю здесь, у меня создается ощущение, что по водной поверхности скользит легкая тень прекрасной Елены Дуглас...

«В этот момент с кормы «Роб-Роя» раздались звонкие звуки волынки. Горец в национальном костюме играл на волынке с тремя трубками, из которых самая большая издавала ноту «соль», вторая ноту «си», а меньшая — октаву первой трубки. Что касается дудочки с восемью отверстиями, то она давала гамму соль-мажор с чистым «фа». Напев горца был прост, нежен и не лишен наивной прелести. Можно было подумать, что эти народные напевы не сочинены никем, что они естественное сочетание дуновения ветра, шепота волн и шелеста листьев».

Туристы прислушались к мелодии. Тем временем второй горец запел под аккомпанемент волынки песню на манер старинной баллады, прославляющую Вальтера Скотта и его знаменитых героев — Флору Мак-Айвор, отважного Уэверли, могучего Фергуса Мак-Грегора,

сурового Пуританина и, разумеется, благородного Роб-Роя. И хотя трудно было отделаться от мысли, что и певец, и волынщик — служащие той же туристской фирмы Бредалбейна, что ту же мелодию и ту же песню они ежедневно «импровизируют» по обязанности, впечатление было чарующим, особенно на фоне величавых гор, посреди дивного голубого озера.

Отзвучала мелодия, умолк певец, но заключительная строфа и рефрен баллады, казалось, еще продолжали звенеть и долго не могли растаять в прозрачном воздухе:

О легендарные озера!
Куда бы рок ни бросил нас, —
Кто ваши берега увидел,
Тот вечно будет помнить вас!
О быстролетное виденье,
Ужель вернуть тебя нельзя?
Тебе все помыслы и чувства,
Тебе, Шотландия моя!

Шотландские озера!
На лоне тишины
Храните вы преданья
Далекой старины! ¹

Текст баллады, записанный мистером Старром по просьбе Жюля Верна в его путевой тетради, писатель впоследствии перевел на французский язык и включил в «Черную Индию».

4

Таким же способом, — извлекая путевые заметки из текста романа «Зеленый луч» и прибегая для соединения эпизодов к правдоподобному домыслу, — последуем за нашими путешественниками на Внутренние Гебридские острова.

Отправным пунктом этой части маршрута был курортный городок Обан, лежащий в сотне миль к северо-западу от Глазго. Героиня романа Елена Кэмпбелл, добирается туда водным путем — вниз по Клайду, затем морскими проливами и через залив Форт-оф-Лорн. Но Жюлю Верну с Иньяром проще было вернуться от Лох-Кэтрин к северной оконечности Лох-Ломонда, доехать в попутном экипаже до Далмалли и на почтовой станции пересесть в дилижанс.

«Отсюда дорога кружит по откосам гор, чаще всего на половине их высоты, поверх заливов и потоков, через первые отроги Грампианской цепи, среди долин, поросших вереском, соснами, дубами, лиственницами и березами; затем очарованный путник спускается к Обану, побережье которого не уступает по живописности самым знаменитым местам Атлантического берега».

Удобное положение Обана, защищенного от натиска западных ветров островом Керрерой, привлекает на морские купанья курортников и туристов, желающих осмотреть Гебриды, не только из Соединенного Королевства. Если в стране озер все должно было напоминать

¹ Перевела З. А. Бобырь.

о Роб-Рое, то здесь с неменьшим успехом эксплуатировалась слава героев кельтского эпоса, воскрешенных к новой жизни Макферсоном¹.

К девяти утра к подъезду гостиницы «Фингал» подкатила открытая коляска с возницей, набившим руку в управлении «four in hand»², и знающим свое дело гидом, которого, как и героя романа «Зеленый луч», звали Оливером Синклером. Уроженец здешних мест, он учился в Эдинбургском университете, а в летние месяцы подрабатывал на экскурсиях, опекая французских туристов. Открытое лицо этого юноши излучало симпатию. Умная, свободная речь, непринужденность манер, умение держаться с достоинством — все говорило в его пользу. Определенно, он был из тех, кто, по удачному гельскому³ выражению, никогда не поворачивается спиной ни к другу, ни к недругу!..

Знакомство с Гебридским архипелагом начиналось с прогулки по берегу, вдоль узкого пролива, отделяющего от Шотландии вулканический остров Керреру, увенчанный на южном склоне развалинами датского замка. На протяжении четырех с половиной миль плавные очертания отчетливо проступали в голубой дали, а потом узкая, неровная дорога привела к искусственному перешейку, своего рода дамбе, соединяющей берег с близлежащим островом Сейль. Здесь экскурсанты, оставив экипаж на дне оврага, поднялись по крутому склону и уселись на гребне скал, откуда во всю ширь простирался западный горизонт с четкими силуэтами прибрежных островков и размытыми контурами острова Малл, одного из крупнейших в Гебридском архипелаге.

— Я не знаю ничего, что могло бы сравниться с красотой наших Гебрид! — воскликнул Оливер Синклер. — Затуманенные дали и дикие скалы придают им неизъяснимую прелесть. Если выбирать место, достойное Фингала и Оссиана, достойное богов и героев, выпорхнувших со страниц саг, то, конечно, это Гебридское море! И как истый шотландец, как сын Каледонии, я не променял бы наш Архипелаг с его двумя сотнями островов, с его небом, подернутым туманной дымкой, с его ревущими приливами, подогретыми Гольфстримом, на все архипелага восточных морей!..

Французские туристы в полной мере смогли оценить патриотизм Оливера Синклера. И только несносный авиньонский фабрикант, который неожиданно очутился в той же гостинице и примкнул к вновь образовавшейся группе, не постеснялся сравнить красноречивого гида с торговым агентом, рекламирующим далеко не лучший товар, потому что Гебриды, а ведь это известно каждому, по всем статьям уступают Греческому архипелагу. Однако старому ворчуну пришлось умолкнуть,

---

¹ Шотландский писатель Джеймс Макферсон (1736—1796) выдал свои «Сочинения Оссиана, сына Фингала» (1765) за подлинные образцы кельтского эпоса, якобы найденные им в горных селениях Шотландии и переведенные с гэльского языка. Легендарный кельтский бард Оссиан (III в.) был объявлен Макферсоном создателем этих поэм, написанных ритмизованной прозой. Литературная подделка Макферсона была окончательно доказана после его смерти, но «Сочинения Оссиана» остались в истории литературы и оказали заметное влияние на английскую, французскую и немецкую поэзию конца XVIII — начала XIX в.

² Буквально: четыре в руке, то есть четверка лошадей.

³ Гэльский язык — одно из ответвлений кельтского. По-гэльски и сейчас говорят в некоторых селениях горной Шотландии.

когда кто-то из присутствующих усомнился в добротности его текстильных изделий, несмотря на бойкую рекламу не выдерживающих конкуренции с шотландскими тканями даже в колониальных странах.

Назавтра была назначена основная экскурсия — на пароходе «Пионер», который огибает остров Малл, заходит на Айону, на Стаффу и в тот же день возвращается в Обан. Двенадцатичасовая морская прогулка обещала быть еще более увлекательной.

И действительно, ожидания оправдались. Море было тихим, как озеро, Гебридский архипелаг щедро одаривал красочными своими островами и проливами, Оливер Синклер снова оказался на высоте в качестве наилучшего гида. Как и было условлено, в семь тридцать утра он ждал своих подопечных на пристани. Ровно в восемь раздался третий свисток. «Пионер» вошел в Керрерский пролив, углубился в залив Фертоф-Лорн и проследовал вдоль южного берега Малла, растянувшегося среди моря наподобие громадного краба, чья нижняя клешня слегка изогнута в юго-западном направлении. Там, рядом с ее оконечностью, и лежит живописный остров Айона, или, как его называли в старину, остров Святого Колумбана.

Еще до полудня «Пионер» пристал к небольшому молу, сложенному из грубо отесанных камней, позеленевших от морской воды. За время двухчасовой стоянки можно было погулять по острову, осмотреть развалины старинного аббатства и древнего храма друидов.

Оливер Синклер подробно рассказал необычайную историю острова. Когда-то Айона была колыбелью религии друидов¹, потом в VI веке здесь был основан первый в Шотландии христианский монастырь, и по имени его основателя святого Колумбана остров получил первоначальное название. Аббаты и епископы, вышедшие из стен монастыря, усердно насаждали новую религию в северных странах Европы. Позже аббатство стало цитаделью клюнийских монахов и существовало до времен Реформации. Здесь была богатейшая библиотека с множеством древних манускриптов, относящихся к римской истории, которую ученые монахи могли бы восстановить по первоисточникам, если бы задалась этой целью. Но бесценные рукописи давно погибли, а от знаменитого некогда аббатства остались одни развалины.

Жюль Верн записал свои впечатления об Айоне, какой он застал ее в 1859 году:

«Айона — остров длиною всего в три мили, а шириною в одну, жителей на ней не более пятисот. Она принадлежит герцогу Арчайлу, который получает от нее всего лишь несколько сот фунтов стерлингов. Тут нет ни города, ни поселка, ни даже деревни. Кое-где разбросаны хижины, в большинстве жалкие лачуги, при всей своей живописности, вполне первобытные — чаще всего без окон, с освещением из дверного проема, без труб, которые заменяет зияющая в кровле дыра, со стенами из соломы, канатов и тростника, перевитых морскими водорослями. ...От древнего острова св. Колумбана остались нынешняя Айона с ее бедными поселянами, которые с превеликим трудом извлекают из песчаной почвы скудные урожаи ячменя, картофеля и пшеницы, да рыбаками, чьи ветхие барки бороздят обильные рыбой воды малых Гебрид».

¹ Друиды — жрецы у древних кельтов Галлии, Британии и Ирландии.

С холма аббатства на северной оконечности Айоны глаз может охватить на востоке всю возвышенную часть острова Малла и на севере, в каких-нибудь двух милях, некое подобие громадного черепашого панциря, выдающегося примерно на треть из морской глубины. Это и есть Стаффа — один из самых любопытных островков Гебридского архипелага. Стаффа — большая, овальной формы скала, длиной в милю и шириной в полмили, содержащая под своей каменной скорлупой удивительные базальтовые пещеры, привлекающие и геологов и туристов.

Рифы не позволяют кораблю приблизиться к самому острову. Туристы, прибывающие с Айоны, обычно отправляются к гротам с парохода на лодках. Оливер Синклер, пока всех остальных повезли любоваться «чудом земного шара» — Фингаловой пещерой, высадился с французами в маленькой бухточке на восточном берегу, у входа в менее знаменитую, но тоже достойную внимания, Клам-Шельскую пещеру¹. В ней слышится постоянный шум, как в некоторых морских раковинах. Такой акустический эффект создает особая конфигурация сводов, сложенных из базальтовых призм, напоминающих ребра корабельного корпуса. Когда попадаешь в эту «шумящую раковину», возникает странное ощущение, будто над головой нависает перевернутый трюм.

Поручив матросу перегнать лодку на другой конец острова, Оливер Синклер поднялся с французами на плоскую вершину и быстро повел их к юго-западному берегу, открытому ужасным бурям, которые бушуют на Стаффе девять месяцев в году, с сентябрьского по мартовское равноденствие.

В Фингалову пещеру можно проникнуть не только водой, но и по узкому уступу, ведущему вдоль внутренней стенки в самую глубину грота. Впаянные в базальт железные перильца ограждают от риска свалиться с отвесной кручи. Оливер Синклер избрал именно этот путь, позволяющий в полной мере насладиться восхитительным зрелищем.

По знаку гида посетители остановились у входа.

В таинственном преддверии полумрака, направо и налево, разделенные расстоянием около тридцати четырех футов, плотно прижатые друг к другу, высились базальтовые столбы, за которыми угадывались стены, как в некоторых церквах последнего готического архитектурного периода. На капители колонн опиралась громадная масса пологого свода, поднятого в середине на пятьдесят футов над уровнем воды.

С трудом оторвавшись от созерцания невиданной красоты, путники углубились в пещеру.

«Тут в совершенном порядке сгруппировались сотни призматических колонн разной величины, словно продукты какой-то гигантской кристаллизации; их ребра выдавались с такой резкостью, будто их обрезал и обровнял резец декоратора. Углы между соседними колоннами с геометрической точностью заполнялись выступающими ребрами стоящих рядом колонн; у иных выдавались по три грани, у других по четыре, пяти, шести и даже семи и восьми; в общем

¹ Clamshell — по-английски — шумящая раковина.

однообразии стиля такое различие создавало некоторое оживление — доказательство художественного вкуса природы...

Внутри пещеры царило какое-то звонкое безмолвие — если можно соединить эти два слова — та особенная тишина, которая свойственна глубоким впадинам, и посетители не решались прерывать ее. Только ветер иногда нарушал тишину протяжными звуковыми аккордами, состоящими из ряда унылых, уменьшенных септим, то усиливающих, то замирающих. Казалось, что при дуновении ветра все эти призмы начинали звучать, подобно язычкам громадной гармоники».

— Мне думается, — вдруг заговорил Оливер Синклер, — отсюда и пошло название пещеры «An-Na-Vine», а это как раз означает на кельтском языке «гармоническая пещера». Какое другое имя было бы для нее более подходящим? Ведь Фингал был отцом Оссиана, гений которого сумел сочетать в себе и поэзию и музыку. Сама природа сотворила здесь эолову арфу, и не ее ли дивные звуки исторгали из сердца Оссиана вдохновенные импровизации — эпические и лирические поэмы, изливающиеся под этими сводами на чистейшем гэльском языке? Да, мне хочется верить, что наш великий бард воспевал подвиги героев своего времени именно в этом подземном дворце, который до сих пор носит имя его отца Фингала... А теперь, господа, — добавил он, взглянув на часы, — полюбуйте волшебной декорацией!

Все обернулись.

«С этого места открывалась удивительная перспектива. Вода, вся обданная светом, не препятствовала видеть дно, из которого вырастали столбы, повернутые друг к другу разными гранями, наподобие мозаики. На боковых колоннах у входа отражалась бесконечная игра света и теней. Все это гасло, когда против отверстия пещеры оставливалось облако, подобно газовой занавеси на сцене театра. И наоборот, когда солнечные лучи снопом врывались в пещеру, преломляясь в кристаллах на ее дне, и оттуда, возносясь к своду, она начинала сверкать и светиться всеми семью цветами призмы.

А там, у входа, море набегало на первые столбы гигантской арки. И эта черная рама, похожая на бордюр из черного дерева, резко оттеняла красоту задних планов. Еще дальше во всем великолепии представлял горизонт неба и воды, среди которой вдали на расстоянии двух миль виднелась Айона с белеющими развалинами аббатства».

Наши путники, охваченные экстазом, не находили слов, чтобы выразить свое восхищение. Но тут раздался свисток боцмана, призывающий пассажиров к лодкам. Поневоле пришлось вернуться к действительности.

5

Памятное путешествие завершилось двухдневным пребыванием в Глазго, где Жюль Верн посетил ткацкую фабрику, оснащенную механическими станками, отцы и деды которых вместе с паровой машиной Уатта положили начало промышленной революции в Англии.

Над городом постоянно висела дымовая завеса, куда более плотная, чем над «старой коптильней» Эдинбургом. Пропитанный гарью и копотью воздух, казалось, вгрызался в легкие. От шума, грохота,

деловой суеты трудно было укрыться даже в «Королевском отеле», окна которого выходили на центральную улицу.

Глазго обязан своим возвышением торговым связям с Америкой. Предприимчивые «лорды Тобаго»¹ основали здесь первые конторы по продаже виргинского табака, и они же построили лучшие кварталы города. Вскоре появились прядильные и ткацкие фабрики, работавшие исключительно на американском хлопке, а затем по берегам Клайда выросли металлургические заводы и судостроительные доки. Все это, вместе взятое, и составляло главную достопримечательность Глазго, города хотя и старинного, но, по сравнению с Эдинбургом, бедного историческими реликвиями.

Единственное яркое впечатление, отраженное в путевых заметках Жюля Верна, — прогулка на пароходе от порта Глазго до выхода в открытое море из залива Ферт-оф-Клайд.

Еще раз обратимся к роману «Зеленый луч» (гл. четвертая «Вниз по Клайду»).

«Туристу надо быть очень привередливым, чтобы остаться довольным путешествием по Соединенному Королевству. Компании путей сообщения повсюду предоставляют в его распоряжение великолепные транспортные средства. Нет такого тощего потока, маленького озера, незначительного залива, по которым бы не скользили изящные пароходы. Не удивительно, что Клайд в этом смысле отличался большим благоустройством».

Комфортабельный пароход «Колумбия», с длинным корпусом, утонченным спереди и суженным в подводной части, еще издали выделялся кожухами колес, окрашенных в самые броские цвета, где золото соперничало с киноварью. Просторный спардек, уставленный скамьями и креслами с мягкими подушками, закрытый тентом с фестонами, окруженный балюстрадой, был превращен в настоящую террасу, где пассажиры могли наслаждаться и прелестными видами, и свежим воздухом.

Публики набралось немало. Тут были и целые семьи с обильным потомством — от младенцев до резвящихся школьников; и веселые, беззаботные барышни с флегматичными молодыми людьми; и неизбежные на любом пароходе духовные лица — в высоких шелковых шляпах, длинных сюртуках с прямыми воротниками и белых галстуках, покрывавших отвороты жилетов; и небольшая компания шотландских фермеров в праздничных национальных костюмах, с грустью вспоминаящих, как легко было догадаться по выразительным жестам и обрывкам фраз, о добром старом времени, когда чистые горизонты Клайда не терялись за завесами заводского дыма, берега не оглашались тяжелой долбней паровых молотов, спокойные воды не мутились от работы нескольких тысяч паровых лошадиных сил...

Но вот мало-помалу весь этот гомон большой промышленности, угольный чад и туман начали пропадать. Вместо открытых и закрытых доков, дымящихся фабричных труб и гигантских железных конструкций, похожих на клетки для мастодонтов, появились кокетливые домики, укрытые деревьями коттеджи, разбросанные по зеле-

---

¹ Остров Тобаго и рядом лежащий Тринидад (в Атлантическом океане, у побережья Венесуэлы) были захвачены Великобританией в 1797 г.

ным холмам англосаксонского типа виллы. От одного города до другого тянулись непрерывные ряды коттеджей, развалины крепостей, феодальные замки.

Тут было много памятных мест, будивших воспоминания о шотландских воителях и людях нового времени, способствовавших процветанию Соединенного Королевства: вершина утеса, названная «Троном Уоллеса», по имени одного из героев борьбы за независимость, и обелиск, воздвигнутый в честь Гарри Белла, изобретателя первого в Англии судна с механическим двигателем; руины замка Кардросс, где умер непримиримо сражавшийся с англичанами шотландский король Роберт Брюс, и расположенный в устье одноименной реки город Гринок, где родился бессмертный Уатт...

Казалось, не будет выхода из этого круга берегов, мысов, холмов, окаймляющих Ферт-оф-Клайд. Но вот за очередным поворотом изрезанного узкими заливами берега вдруг выступил Клокский маяк, за которым расстиралось открытое море. Здесь пароход медленно развернулся, описав большую дугу, и двинулся в обратный путь — вверх по Клайду.

...Поезд Глазго — Эдинбург прибыл по расписанию минута в минуту. Жюль Верн с Иньяром успели только забежать в «Ламберт-отель» проститься с мистером Ламбертом и очаровательной мисс Амелией, затем поспешили в порт Лит и за час до отплытия поднялись на борт «Принца Уэльского», доставившего их в Сен-Назер.

6

Второе путешествие Жюль Верна — на этот раз в Скандинавию — состоялось в 1861 году. В середине июня брат Аристида Иньяра предоставил обоим друзьям бесплатный проезд на грузовом судне, заходящем во многие порты Дании и Норвегии. Иньяр, работавший в то время над оперой «Гамлет», решил посетить Эльсинор¹ и поэтому высадился в Копенгагене, а Жюль Верн сошел на берег в Христиании (ныне Осло) с намерением отправиться в глубь страны. Связанный необходимостью вернуться к определенному сроку — Онорина ждала ребенка, — он опоздал, правда, на одни сутки (Мишель родился 3 августа), но все же провел за границей почти полтора месяца.

Четверть века спустя появился роман о Норвегии — «Лотерейный билет» (1886). Действие происходит в округе Телемарк, точнее, в деревне Даль, у знаменитого водопада Рьюкан, находящегося на полпути между озерами Миос и Тинн.

Зрелище поистине грандиозное: вода низвергается с высоты 900 футов. Эта цифра превышает в шесть раз высоту Ниагарского водопада.

«Вид водопада и его окрестностей так красив, что решительно не поддается описанию!» (гл. 8). «Это, быть может, единственный уголок в мире по красотам природы. Автор жил там довольно долго; он проехал эту страну в одноколке. Он вынес оттуда прелестные,

---

¹ Эльсинор — старинный замок датских королей; место действия трагедии Шекспира «Гамлет».

поэтические воспоминания, которые так живы еще, что он хотел бы поделиться ими в этой повести» (гл. 2).

Любопытные факты мы узнали из статьи «Жюль Верн в Норвегии», напечатанной в «Бюллетене Жюль-верновского общества» (№ 28, 1973). Статью написал профессор Анри Пон. Просматривая как-то раз забытые путевые очерки французского литератора Жюля Леклерка, исходившего и изъездившего в семидесятих годах прошлого века всю Норвегию, он неожиданно напал на строки, проясняющие некоторые подробности скандинавского путешествия Жюля Верна.

Леклерк остановился на постоялом дворе деревни Даль, в пятнадцати километрах от водопада, и с удивлением обнаружил в книге постояльцев собственноручную роспись писателя вместе с шутливой припиской, в которой он выразил сожаление, что один из его соотечественников — не к чести Франции! — сделал в своей записи грубую грамматическую ошибку. Кстати, об этом курьезном случае Жюль Верн упоминает и в «Лотерейном билете» (гл. 2): «Были тут и французы; один из них, чье имя лучше не называть, оставил запись, говорящую о хорошем приеме, оказавшем ему в гостинице» (в оригинале неправильно написано окончание глагола, из-за чего нарушаются родовые согласования: fait вместо faite).

Описания Жюля Леклерка полностью соотносятся с «Лотерейным билетом». Это подтверждает достоверность маршрута и впечатлений писателя, закрепленных сначала в путевых заметках и затем — через 25 лет! — перенесенных на страницы романа. Подробности путешествия Жюль Верн воспроизвел очень точно, не допустив ни малейших погрешностей и отклонений от жизненной правды, если, конечно, не считать вымышленной истории героев романа — прелестной Гульды, ее жениха Оля Кампа, брата Жюэля и матери, госпожи Ханзен, попавшей в лапы ростовщика, который собирался описать за долги принадлежащую ей гостиницу в Дале. И тут ради романтической фабулы писатель позволил себе небольшое преувеличение. Изображенная в «Лотерейном билете» уютная чистенькая гостиница госпожи Ханзен не имеет ничего общего с захудалым постоялым двором, где в действительности останавливался Жюль Верн и после него — Леклерк.

В ту пору, когда писатель ездил в Норвегию, железные дороги, связывающие Христианию (Осло) со всеми крупными городами Скандинавского полуострова, еще только проектировались. Чтобы попасть в сердце Телемарка через горы, долины, озера средней Норвегии, нужно было из Христиании проехать пароходиком в портовый город Драммен, расположенный в оконечности левого рукава залива Бохус, менять лошадей в Гангзунде, Конгсберге, Бамбле, ночевать на постоялых дворах, платить на заставах пять-шесть шиллингов за право проезда по крутым, смело вырубленным в скалах дорогам, переправляться через озера Фоль и Тинн, но большую часть пути трястись в примитивнейшем из всех экипажей — одноколке, которой с давних времен пользовались местные жители.

Норвежская одноколка... Представьте себе маленький деревянный ящик с двумя колесами без рессор, с двумя оглоблями, между которыми впрягается лошадь с уздечкой, пропущенной через ноздри; ни подножки, ни крыльев, ни верха, лишь позади небольшая доска для мальчика-возницы, а в самом ящике едва помещается один человек.

Узкая дорога проходит через еловые леса, куда даже летом не проникает солнечный свет, вьется вдоль отвесных круч, где не разойтись двум повозкам, и путник ежеминутно рискует свалиться в пропасть.

«Путешествие в Телемарк, — замечает в своей книге Жюль Леклерк, — опасная романтическая эскапада, для которой нужно обладать известной долей храбрости и энергией».

То и другое требовалось в полной мере и в самом Телемарке, иначе путешественник не выдержал бы подъема по краю пропасти на водопад Рьюкан, не совершил бы восхождения на вершину Гостафельд, достигающую почти двух тысяч метров, не любовался бы сказочными красотами Вестфиорддальской долины.

Жюль Верн не говорит ни о каких трудностях путешествия. Действие начинается в Дале, а обратный путь до Христиании он описывает глазами героев, местных жителей, для которых подобные поездки — привычное дело. Не буду повторять вслед за автором описаний подъемов и спусков, переправ через горные озера, его рассказов о поразительно скудной жизни обитателей горных деревень, о радушии норвежских крестьян, их простых и суровых нравах, врожденном чувстве достоинства, приверженности старинным обычаям...

С тех пор в Норвегии многое изменилось. Современный транспорт позволяет попасть в Телемарк и в любое отдаленное место за считанные часы. Но не пробуйте искать даже на самой подробной карте селение Даль. На его месте давно уже вырос фешенебельный туристский город Рьюкан.

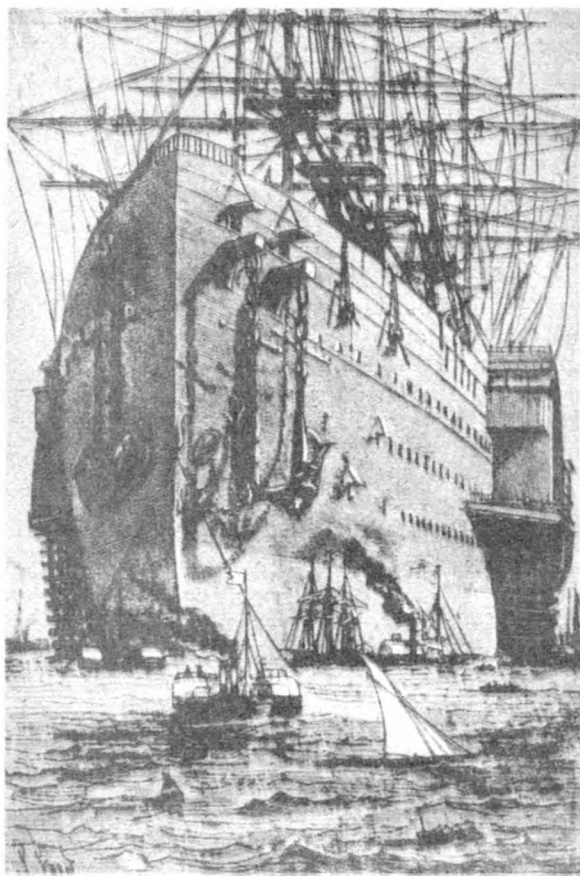
Из всех географических пунктов, упомянутых в этой главе, пожалуй, больше всего прославилась долина Вестфиорддаль. Во время второй мировой войны там был построен завод «тяжелой воды», который тщательно охранялся немцами, мечтавшими об атомной бомбе. Преступные планы фашистов были сорваны смелой вылазкой норвежских патриотов, взорвавших вестфиорддальский завод. Об этом легендарном подвиге написана не одна книга.

II. «ГРЕЙТ ИСТЕРН»

В списке «Необыкновенных путешествий» восьмым по счету значится «Плавающий город» (1871), напечатанный вслед за «Двадцатью тысячами лье под водой». После воображаемого кругосветного плавания в глубинах мирового океана Жюль Верн, словно желая дать себе отдых, обратился к сюжету, далекому от всякой фантастики — к собственным путевым впечатлениям, относящимся к его поездке за океан вместе с братом Полем.

Весной 1867 года писатель отправился в Америку на том самом гигантском пароходе «Грейт Истерн», которым несколько лет назад издали любовался в Дефпорте.

«Биография» необыкновенного судна, его устройство и подробности туристского рейса из Ливерпуля в Нью-Йорк определяют содержание книги. Главный герой ее — «Грейт Истерн», а вымышленная

Гигантский пароход «Грейт Истерн», на котором Жюль Верн совершил путешествие из Ливерпуля в Нью-Йорк. Иллюстрация к роману «Плавающий город». Художник Ж. Д. Фера.

история Елены и Фабиана и дуэли последнего с злодеем Драке — всего лишь побочные «игровые» эпизоды, введенные для оживления действия. Происходит оно почти целиком на борту «Грейт Истерна», хронология событий в точности совпадает с календарными датами путешествия автора, и роман этот не что иное, как беллетризованный путевой дневник.

Жюль Верн не может говорить о «Грейт Истерне», не прибегая к словам в превосходной степени: «плавающий город», «пароход-исполин», «шедевр кораблестроительного искусства». Писатель видел в нем воплощение инженерного гения и технической мощи XIX века. Индустриального века, движущей силой которого стала энергия пара.

«Грейт Истерн» имел 210 метров в длину, 25 метров в ширину, водоизмещение 32 000 тонн. Пять дымовых труб, шесть мачт, изящные обводы корпуса придавали ему величественный вид. Отсутствие палубных надстроек превращало свободное пространство вдоль бортов в две широкие улицы. Трехмачтовые угольщики, которые ему отдавали свой груз, рядом с ним казались малютками.

Гребные колеса диаметром около семнадцати с половиной метров

приводились в движение двумя паровыми машинами по пятьсот лошадиных сил, а гребной винт с непревзойденным и поныне размахом лопастей — более семи метров — машиной в тысячу шестьсот лошадиных сил. Такие мощные двигатели позволяли развивать скорость до 12 — 15 узлов, и при этом в чреве его помещалось столько угля, что можно было совершить рейс из Англии в Австралию и обратно.

Сочетание винта и колес делало его самым маневренным из когда-либо существовавших судов. При вращении одного колеса в направлении обратном движению, «Грейт Истерн» мог разворачиваться вокруг своей оси, словно на поворотном круге.

Корабль был также оснащен парусами общей поверхностью 5400 квадратных метров. Вместе с паровыми двигателями паруса при благоприятном ветре прибавляли скорость до двадцати узлов.

Грузоподъемность превышала 20 000 тонн. Экипаж состоял из 500 человек. В каютах можно было разместить около 4000 пассажиров¹.

До начала XX века мир не знал равного по размерам судна¹.

«Грейт Истерн» действительно был чудом техники, а творцом этого «чуда» — английский инженер Изамбар Брюнель (1806—1859).

«За последние 500 лет, — пишет о нем наш современник Артур Кларк, — Брюнель был, пожалуй, единственным, чье имя можно поставить где-то рядом с именем Леонардо да Винчи. Великолепные каменные и металлические мосты, построенные Брюнелем, по праву считаются замечательными памятниками архитектуры и инженерного искусства, например, его знаменитый клифтонский подвесной мост в Бристоле. По большей части Южной Англии проходят прекрасно распланированные Брюнелем железные дороги. Он был не только выдающимся инженером, но и одаренным художником. Теперь беспощадная специализация делает с каждым днем все менее возможным повторение такого гармонического сочетания способностей...»

Брюнель создал несколько замечательных пароходов, вошедших в историю кораблестроения.

«Грейт Вестерн» («Великий Запад») — спущен на воду в 1838 году — первый пароход, пересекший Атлантику без парусов, с помощью только паровой машины.

«Грейт Бритн» («Великобритания») — 1845 год — первый океанский лайнер с гребным винтом и стальным корпусом.

«Грейт Истерн» («Великий Восток») — последнее из творений Брюнеля — приумножил славу строителя и привел его к преждевременной смерти.

Злополучная история корабля-гиганта началась с банкротства судостроительной компании и продажи его за 20% стоимости еще до первого пробного плавания, которое состоялось в сентябре 1859 года, почти два года спустя после спуска на воду и через несколько дней после смерти потрясенного неудачами Брюнеля.

«Грейт Истерн» едва успел завершить пробный рейс, как на рейде в Гастингсе лопнула одна из труб, насмерть обварив паром нескольких матросов. Двамя месяцами позже во время бури погиб капитан.

¹ Только в 1906 году появился корабль, габариты которого почти не уступали «Грейт Истерну» — английский пассажирский пароход «Лузитания» водоизмещением 30 000 тонн. В 1915 году, во время первой мировой войны, «Лузитания» была потоплена немецкой подводной лодкой.

О несчастном корабле распускали всякие слухи, порождавшие суеверный ужас. Говорили, что на нем заблудился человек, которого так и не нашли. Утверждали, что в обшивке двойного корпуса случайно запаяли клепальщика, и отсюда пошли все беды.

Экономически «Грейт Истерн» себя не оправдал. Он разорил многих предпринимателей. Возможности колоссального судна превосходили потребности времени. К тому же еще сильна была конкуренция парусного флота.

Предназначенный для перевозки эмигрантов и грузов в Австралию, «Грейт Истерн» ни разу там не был. Предубеждения против него были настолько сильны, что когда он отплыл первый раз в Нью-Йорк, на борту находилось 46 пассажиров. Вскоре его продали с аукциона за 2500 фунтов стерлингов, что не составляло и тридцатой части настоящей цены. За семь лет эксплуатации «Грейт Истерн» сделал не более двух десятков рейсов между Европой и Америкой.

В 1865 году о заброшенном лайнере вновь заговорила печать: его откупила англо-американская компания по прокладке трансатлантического кабеля. Только он, благодаря необычным размерам, мог справиться с такой задачей! Только он мог вместить 3400 километров кабеля весом в 7000 тонн, 8000 тонн угля, громоздкое кабелевывтравляющее устройство, представлявшее собой целый механический завод, обширные склады припасов, включая «птицеферму» и «скотный двор» (10 быков, 20 свиней, 120 овец), которые должны были обеспечивать свежим мясом 500 человек во время всего многомесячного плавания. Чтобы приспособить корабль для этой операции, пришлось переоборудовать машинное отделение, отодвинуть одну из труб, перестроить трюмы и палубы. После нескольких безуспешных попыток работы были завершены, и в июле 1866 года — переданы первые каблограммы¹.

«Грейт Истерн» с триумфом вернулся в Англию и снова стоял без дела. Следующий этап его «биографии» связан с открытием в Париже Всемирной выставки 1867 года. На этот раз легендарное судно зафрахтовала транспортная компания. После новой перестройки, вернувшей ему прежний вид, «Грейт Истерн» должен был пересечь океан, забрать в Нью-Йорке американских туристов и доставить их в Брест, а затем до закрытия выставки совершать регулярные рейсы между этими двумя портами.

Жюль Верн вместе с братом Полем прибыл в Ливерпуль 18 марта, когда на корабле еще кипела работа. С разрешения капитана Андерсона — это был опытный моряк, награжденный званием «сэра» за участие в операции по прокладке кабеля — братья Верн заняли удобную каюту в первом этаже носовой части судна. Подобно путешественникам, попавшим в чужой город, они решили ознакомиться с этим гигантским муравейником и осмотреть все его закоулки.

«Рабочие, механики, офицеры, матросы, мастеровые и посторонние посетители сновали взад и вперед, бесцеремонно толкая друг друга. Одни возлились на палубе, другие в машинном отделении, третьи

---

¹ Драматическая история прокладки трансатлантического кабеля подробно изложена Артуром Кларком в книге «Голос через океан» (М., «Связь», 1964). Здесь же приводятся сведения о «Грейт Истерне», уточняющие рассказ Жюль Верна (см. главы 9—11 и комментарии научного редактора Д. Шарле).

взбирались на мачты. ...Тут подвижные краны подымали чугунные массы, там, с помощью парового ворота, втаскивались тяжелые дубовые доски. Над машинным отделением как металлическое бревно раскачивался медный цилиндр. Спереди, по марсовым мачтам со скрипом подымались реи, сзади громадные леса скрывали какую-то еще не законченную постройку. Кто плотничал, кто паял, кто красил среди страшного шума и полнейшего беспорядка. ...На палубе была черная грязь, та британская грязь, которая обыкновенно покрывает улицы британских городов...

В течение пяти дней работы производились с лихорадочной поспешностью, так как проволочка наносила значительные убытки предпринимателям. Отплытие было окончательно назначено на 26 марта, а между тем еще накануне, 25-го, палуба была загромождена лесами».

Но к вечеру все преобразилось. Леса были сняты, подъемные краны убраны, машины проверены, бункеры заполнены углем, погреба — съестными припасами, склады — товарами. Внутри и снаружи все было надраено, вымыто, сверкало чистотой. 26 марта на рассвете на мачтах реяли американский, английский и французский флаги. Клубы черного дыма валили из всех пяти труб.

И на этот раз не обошлось без жертв.

Прозвучала команда выбирать якоря. Предназначенная для их подъема специальная паровая машина в семьдесят лошадиных сил действовала при участии пятидесяти человек, которые одновременно должны были вращать шпиль¹. В ту минуту, когда из воды стали выползать якоря, раздались страшные крики. Работавшие у шпиль матросы все, как один, были сбиты с ног. Лопнула шестерня, а кабестан, под тяжестью цепей повернув назад, ударил матросов в грудь и голову. Четверых убило, двенадцать ранило.

«На «Грейт Истерне», — замечает Жюль Верн, — эта катастрофа не произвела сильного впечатления, так как англосаксы, вообще довольно равнодушно относящиеся к смерти людей, в погибших матросах видели не что иное, как сломанные спицы колеса, которые можно заменить другими».

Раненых перенесли в лазарет, убитых перевезли на берег.

Наконец с помощью портового буксира удалось поднять якоря.

Могучий корабль медленно двинулся вперед по реке Мерси, миновал запруженную народом Ливерпульскую пристань и стоявшие на рейде суда. В честь «Грейт Истерна» подымались и опускались флаги, гремела музыка судовых оркестров, которую не могли заглушить неистовые крики «ура!» многотысячных толп на пристани.

Около трех часов вошли в пролив Святого Георга. С наступлением ночи береговая линия Уэльского графства совершенно исчезла из виду, а на следующий день потерялись в туманной дали неровные берега Ирландии. Когда земля была уже далеко позади, в океане поднялась буря.

Пароход-великан качался на волнах, как челнок. Чтобы не упасть с койки, приходилось за нее цепляться руками и ногами. Саквояжи и

---

¹ Ворот в виде барабана на вертикальной оси.

чемоданы перекидывало из стороны в сторону, двери хлопали, переборки трещали, тюки с товарами переваливались от борта к борту, дребезжали бутылки и стаканы, падала и разбивалась посуда. Угрожающе скрипели мачты, описывая в воздухе дугу. Пассажиры прятались по каютам. Лишь немногие выползали на палубу, проклиная злополучное путешествие и жестокую морскую болезнь.

Но как только буря утихла, жизнь на борту «Грейт Истерна» вошла в свою колею. По «бульварам» прогуливались нарядные дамы, дети затевали шумные игры, в переполненных ресторанах суетились лакеи, танцы в музыкальном зале сменялись импровизированными концертами, светские беседы в салонах — публичными лекциями и диспутами. Деловитые янки, небрежно развалясь на диванах, по любому поводу заключали пари. Сакраментальное слово «доллар» звучало у них в каждой фразе.

Среди разношерстной публики выделялись дельцы и банкиры, про которых говорили, что они могли бы купить на свои деньги десять «Грейт Истернов», но баснословная скупость и расчетливость заставляла их экономить центы. Большинство пассажиров переселялось с континента на континент с одной-единственной целью — разбогатеть на американской почве.

В толпе искателей приключений было немало авантюристов. Один выдавал себя за ученого-химика, будто бы нашедшего способ концентрировать питательные элементы целой бычачьей туши в мясной лепешке величиной с пятифранковую монету. Другой — тоже «великий изобретатель» — надеялся извлечь немалую выгоду из сконструированной им машины в одну лошадиную силу, которая умещалась в футляре от карманных часов. Впрочем, от демонстрации механизма он предпочел уклониться. Зато притязания третьего были более откровенны: он вез в багаже тридцать тысяч кукол, способных произносить слово «папа» с американским акцентом.

Прошло несколько дней. Наступило первое апреля. «Атлантический океан, зеленый, как луг, освещенный первыми лучами весеннего солнца, был великолепен. Волны весело разбегались, а в молочно-белом кильватере, подобно клоунам, кувыркались морские свиньи»¹.

Пассажирам роздали первоапрельский номер судовой газеты «Ocean Time», заполненный тяжеловесными шутками и большим объявлением о любительском концерте в двух отделениях, который состоялся в тот же вечер. В финале был исполнен британский национальный гимн «Боже, храни королеву», а потом, из уважения к Жюлю Верну и его соотечественникам, пианист сыграл Марсельезу.

3 апреля на горизонте показались айсберги, вышедшие из Девисова пролива. Нужно было внимательно следить, чтобы эти огромные глыбы не столкнулись с «Грейт Истерном». Белесая мгла сужала поле видимости. Опасность миновала, когда ветер разогнал тучи и туман рассеялся. «Однако на море все еще вздымались большие, изумрудные волны, окаймленные фестонами из белой пены».

5 апреля «Грейт Истерн» перерезал Гольфстрим. «Течение это выделяется среди Атлантического океана не только темным оттенком

---

¹ Морская свинья — водное млекопитающее подотряда зубатых китов; разновидность дельфина.

и повышенной температурой воды, но и тем, что самая поверхность его слегка выпуклая. Это настоящая река, которая течет между водяными берегами. По величине она занимает первое место на всем земном шаре. Миссисипи и Амазонка в сравнении с ней — ручейки».

Днем заметно потеплело. Повеяло весной. Дамы фланировали в легких туалетах. «Природа запаздывает иногда с переменой зимнего одеяния на весеннее, — модницы же никогда. Толпа гуляющих на бульварах все увеличивалась. Казалось, что находишься на Елисейских Полях в майский, солнечный день».

В ночь на 7 апреля налетел циклон. Резкий шквал ударил в передний бакборт корабля, сорвав обвесы с левого борта, в девяти метрах от поверхности моря. На волнах появились большие куски дерева. Новый порыв, сильнее первого, оторвал металлическую пластину, которая покрывала битенги, разбил и унес за собой перегородки левого борта. В трюме было около четырех футов воды. Море покрывалось новыми обломками, между которыми плавало несколько тысяч кукол, умевших произносить «папа» с американским акцентом.

В критическую минуту капитан Андерсон, подбежав к рулевому колесу, развернул «Грейт Истерн» на сто восемьдесят градусов — кормой к ветру, и это спасло корабль.

Опять не обошлось без жертв: сбитый шквалом, ударился головой о лапу якоря и, не приходя в сознание, умер молодой матрос.

Между тем волнение улеглось. Циклон, как и начался, столь же внезапно утих. Повеселевшие пассажиры гурьбой отправились завтракать. Тем временем в трюме образовалось целое озеро морской воды. Насосы усердно работали, возвращая ее океану.

На следующий день, 8 апреля, показалась трехмачтовая шхуна, идущая навстречу «Грейт Истерну». Без сомнения, на ней был лоцман, который должен был провести пароход в Нью-Йоркскую гавань.

Американцы, по своему обыкновению, стали заключать пари:

— Десять долларов за то, что лоцман женат!

— Двадцать, что он вдовец!

— Тридцать, что у него рыжие бакенбарды!

— Шестьдесят, что у него на носу бородавка!

— Сто долларов за то, что он ступит на палубу правой ногой!

— Держу пари, что он будет курить!

— У него будет во рту трубка!

— Не трубка, а сигара. Пятьдесят долларов!

Завязался спор настолько бессмысленный, насколько были безрассудны люди, предлагавшие биться об заклад.

Наконец шхуна приблизилась. Капитан Андерсон приказал остановить корабль, и в первый раз за две недели винт и колеса замерли. Лоцман в сопровождении четырех гребцов спустился в лодку, подъехал к громадному судну, подхватил веревочную лестницу и ловко взобрался на палубу. Оказалось, что он был женат, у него не было бородавки, не было бакенбард, но были светлые усы. К тому же он никогда не курил, а на палубу спрыгнул обеими ногами.

Проигравшие встретили его ропотом, выигравшие — бурной овацией.

9 апреля в час пополудни «Грейт Истерн», пройдя вдоль набережной Нью-Йорка, бросил якорь в Гудзоне.

За время недельной стоянки Жюль Верн решил осмотреть Нью-Йорк, Гудзон, озеро Эри, Ниагару — места, воспетые Фенимором Купером.

Крупнейший город Соединенных Штатов в шестидесятых годах прошлого века мало походил на современный Нью-Йорк, но уже тогда производил впечатление оживленного делового центра и поражал правильной планировкой пересекающих друг друга под прямым углом продольных «авеню» и поперечных «стрит», которые вместо названий обозначаются номерами. Такая планировка напоминает гигантскую шахматную доску, раскинутую на длинной полосе земли, между Гудзоновым проливом и рекой Ист-ривер, постоянно забитой судами.

«Главной жизненной артерией Нью-Йорка является старый Бродвей. ...На этой улице, — замечает писатель, — рядом с мраморными дворцами можно встретить плохие, маленькие домишки. Тут целое море всевозможных экипажей, а пешеходы, желающие перейти с одной стороны на другую, подымаются на мостики, перекинутые через Бродвей в разных местах».

Пообедав в отеле «Пятая авеню», где им торжественно подали микроскопические порции рагу на игрушечных блюдечках, братья Верн провели вечер в театре знаменитого антрепренера Барнума. Там шла сенсационная драма «Улицы Нью-Йорка» — с убийствами и настоящим пожаром, который тушили настоящие пожарные с помощью парового насоса, чем, по-видимому, и объяснялся ее необыкновенный успех.

На следующий день наши туристы отправились вверх по Гудзону на пароходе «Сент Джон» в город Олбани — административный центр штата Нью-Йорк. «Город этот состоит из двух частей: нижней, торгово-коммерческой, расположенной по правому берегу Гудзона залива, и верхней, с каменными домами, различными государственными учреждениями и очень интересным музеем древностей»¹.

В Олбани взяли билеты на поезд. Железная дорога проходила через новые города и поселки, носившие громкие названия: Рим, Сиракузы, Пальмира. Здесь оседали в большом количестве иммигранты, которым еще предстояло застраивать широкие немощенные улицы. На горизонте блеснуло озеро Онтарио, воспетое Купером в не столь уж далекие времена, когда кругом были непроходимые дебри. В Рочестере братья Верн пересели в другой поезд, который доставил их в Ниагара-Фолс, благоустроенный поселок с прекрасной гостиницей, расположенной у самого водопада.

Ниагара вытекает из озера Эри и впадает в Онтарио. Ее правый берег принадлежит Соединенным Штатам, а левый — Канаде. Водопад, изогнутый в виде подковы, срывается с высоты 51 метр. В Ниагара-Фолс он дает о себе знать глухим, отдаленным ревом и клубящимся облаком белого пара. Река еще была покрыта льдом, не успевшим растаять от первых лучей апрельского солнца, водопад же предстал перед путниками во всей своей поразительной красоте.

Перейдя мостик, они очутились на Козьем острове между амери-

---

¹ Осмотр этого музея, а также всякие затеи Барнума, возможно, навели Жюль Верна на мысль о рассказе «Блеф. Американские нравы».

канскими и канадскими владениями. «Около острова вода была покрыта белой пеной, похожей на снег; в центре водопада она зеленая, цвета морской волны, что доказывает значительную глубину, а около канадского берега походит на расплавленное золото».

Другой мостик вел к башне, построенной на скале у самого водопада. Жюль Верн поднялся по винтовой лестнице на смотровую площадку. «Скала, на которой стоит башня, дрожит под ногами от сильного напора воды. Разговаривать там нет никакой возможности, так как из бездны несется шум, подобный раскатам грома. Пена долетает до самой верхушки башни. Водяная пыль кружится в воздухе, образуя великолепную радугу».

Утром 13 апреля братья Верн прошли несколько миль по канадскому берегу, а потом, лавируя среди льдин, переплыли Ниагару на лодке, поднялись по крутому склону до железнодорожной станции и сели в экспресс на Буффало, молодой, быстро растущий американский город, расположенный у озера Эри, удивительно чистого и прозрачного, с чудесной питьевой водой, что Жюль Верн не преминул отметить. (Понадобилось лишь несколько десятилетий бурного промышленного развития, чтобы озеро Эри, впрочем, как и Онтарио, превратилось в клоаку...)

Накануне отплытия Жюль и Поль Верны успели посетить Бруклин (западная часть Нью-Йорка), погулять по набережной Ист-ривер и 16 апреля, заблаговременно прибыв на пристань, заняли свою каюту. «Грейт Истерн» на этот раз пересек океан без каких-либо происшествий, через двенадцать суток был уже в Бресте, а еще через день Жюль Верн вернулся в Париж.

«Теперь, — заключает он невыдуманную повесть, — когда я сижу за своим письменным столом, путешествие на «Грейт Истерне»... и дивная Ниагара могли бы мне показаться сном, если бы передо мной не лежали мои путевые записки. Ничего нет лучше путешествий!»

Остается еще сказать несколько слов о печальной судьбе «Грейт Истерна». Транспортная компания по перевозке американских туристов, как и следовало ожидать, прогорела. Железный колосс снова был перебазирован в Ливерпуль, снова переоборудован для прокладки подводных кабелей, потом долго ржавел на мертвом приколе и обростал тиной, пока в 1887 году о нем, наконец, не вспомнили, чтобы... продать на слом.

III. «СЕН-МИШЕЛЬ»

1.

С тех пор как писатель приобрел в 1866 году старый рыбацкий баркас и переоборудовал его в парусное судно «Сен-Мишель», большую часть времени, с весны до осени, он проводил в «плавучем кабинете» — на борту своей яхты. В синей каскетке и морской робе, с обветренным загорелым лицом, коренастый, плотный, он походил на человека, привыкшего чувствовать под ногами шаткую палубу и, заходя в

какой-нибудь порт, радовался, когда даже бывалые моряки принимали его за собрата.

«Чтобы воспевать море и понимать его поэзию, — пишет Жан Жюль-Верн, — он должен был постоянно общаться с ним. Трудно переоценить значение «Сен-Мишеля» в жизни писателя. Он пользовался любимым предлогом, чтобы как можно чаще выходить в море, и провел на борту «Сен-Мишеля» значительную часть своей жизни... Он был настоящим моряком, и этим объясняются его познания и опыт в морском деле, осведомленность во всех вопросах, связанных с морем... Сомневаться не приходится: мысли, которые высказывают его герои, избородившие океаны, — это его собственные мысли, а в образе капитана Немо воплотилась его собственная личность».

Внук писателя прослеживает маршруты каждой из трех яхт, дополняя «морскую биографию» деда новыми неизвестными фактами.

Баркас водоизмещением в восемь тонн был достаточно прочен, чтобы смело пускаться в каботажные плавания. Этот выработанный веками тип небольшого шлюпа, которому рыбаки от Северного моря до океана вверяют свою жизнь, не сложен в управлении парусами. Обычный экипаж такого судна состоит из трех человек. Чтобы иметь возможность постоянно выходить в море, Жюль Верн нанял двух бретонских матросов, пенсионеров военного флота, Александра Дюлонга и Альфреда Берло, которые сопровождали его во всех плаваниях.

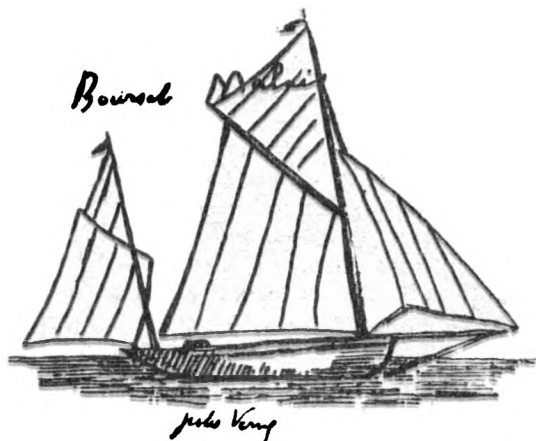
Писатель избрал своей «резиденцией» рыбацкий поселок Ле-Кротуа, расположенный в семидесяти километрах от Амьена на Северном берегу Соммской бухты. И здесь же стоял на якоре его «Сен-Мишель», названный именем покровителя французских моряков, столь же широко распространенным в Нормандии и Бретании, как и у русских поморов «Святой Николай». Вместе с баркасом Жюль Верн покупает в Ле-Кротуа скромный домик, проводит в нем даже зимние месяцы и отдает сына в местную школу.

В первый же сезон он добрался до Нанта и оттуда взял курс на Бордо, где служил его брат Поль, офицер торгового флота. «Я не мог отказаться от соблазна повидаться с Полем и взять его к себе на борт», — сообщает он в письме к Этцелю. В Бордо писатель гостил около двух недель, а на обратном пути выдержал шквальный ветер и впервые «испытал все, что испытывают настоящие моряки».

Этцель, предпочитавший лечиться и отдыхать на Лазурном берегу, отнюдь не разделял его чувств. В этом отношении друзья решительно расходились во вкусах. В то время, как один упивался голубизною неба, другой обожал бороться с морской стихией. Но зато частым гостем и спутником Жюля Верна был сын издателя Жюль Этцель-младший, которому писатель охотнее рассказывал о своих рейсах, чем его отцу.

«Стоит ли объяснять, почему я не ответил на Ваше письмо? — писал он своему юному другу. — Я плывал на «Сен-Мишеле». Прекрасная поездка из Кротуа в Кале и возвращение в штормовую погоду с остановкой в Булонии. Ну, и качало же нас! Ну и качало! А не будь этого, в чем же тогда очарование?»

Выходы в море не обходятся без некоторого риска. Летом 1868 года он вынужден был долго отстаиваться в Дьепе в ожидании, пока не уляжется шторм. В Ле-Кротуа владелец яхты рассчитывал застать

Поля, чтобы после короткого отдыха совершить с ним переход в Булонь, Кале и Лувр.

«Благодаря некоторой переделке, — уверял он Этцеля, — «Сен-Мишель» стал одним из лучших ходяков в Соммской бухте, и, когда дует попутный ветер, он, как цветок, тянется к солнцу. Ах, почему Вы не любите моря! А нам случалось плавать и в шторм, корабль шел прекрасно».

Вряд ли бы он поверил тогда, что в один прекрасный день назовет свой парусник, которым так гордился («лучший ходок Соммской бухты!»), примитивным баркасом.

Между прочим, мы узнаем из того же письма, что писатель решил окончательно осесть в Ле-Кротуа и отказаться от парижской квартиры. Он хотел бы теперь проводить в Париже не более трех-четырех месяцев в году.

А издатель все не может смириться с тем, что его автор предается риску морских плаваний, которые он считает не только опасными, но и бесполезными. В ежемесячных отчетах бюро «Veritas» приводились сведения о потерпевших крушение коммерческих парусниках. В списке значилось не менее сотни судов, и это заставило Этцеля забить тревогу.

В письме, отправленном из Ле-Кротуа (1868), Жюль Верн пытается его успокоить: «Не гневайтесь на «Сен-Мишеля», он сослужил мне немалую службу. Вы преувеличиваете опасности, которые приносит море. Поверьте, моя жена, сопровождавшая меня во время последнего плавания, ни минуты не испытывала страха. Мне еще предстоит далекие путешествия: одно — в Лондон, другое — в Шербур, а может быть, доберусь и до Остенде».

Намерение удалось осуществить. Этцель-младший, жалея, что не смог участвовать в переходе, потребовал подробного «отчета о лондонском турне». «Но ведь о таких вещах не расскажешь и всего не опишешь — это слишком прекрасно! Такие путешествия легче совершать, чем о них рассказывать», — писал ему в ответ Жюль Верн.

После рождества 1868 года, проведенного в Нанте у родителей, он целиком отдается работе над вторым томом «Двадцать тысяч лье

Жюль Верн и сын издателя Жюль Этцель-младший (слева) на палубе миноносца, предположительно, во время франко-прусской войны.

под водой». В письме к Этцелю из Ле-Кротуа (июнь 1869 г.) он говорит о вдохновляющем воздействии океана: «Ах, мой друг, какая это будет книга, если получится так, как задумано! Сколько я извлек интереснейших сведений о море и почерпнул наблюдений, плавая на «Сен-Мишель»!»

Летом 1870 года началась франко-прусская война. Приказ о мобилизации застал Жюля Верна в пригороде Нанта Шантене, где он гостил с семьей у родителей. Призванный в армию по месту жительства, в Ле-Кротуа, он был зачислен в береговую оборону и назначен командиром сторожевого судна «Сен-Мишель». Вместе со своим «экипажем», Дюлонгом и Берло, писатель днем и ночью патрулировал бухту Соммы. Исправно неся караульную службу, Жюль Верн в эти месяцы вынужденного одиночества написал на борту яхты «Сен-Мишель» два романа: «Ченслер» и «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке».

Биографы утверждают, что он вел судовой дневник, занося в него кроме обычных сведений также и личные впечатления. Но по-видимому, «морской дневник» Жюля Верна утрачен, так как маршруты «Сен-Мишеля» восстанавливаются из переписки романиста с издателем, родителями и братом Полем. В плавучем кабинете, где все было приспособлено для работы (стол, кресло, кровать, книжные полки и каждый предмет, вплоть до чернильницы-«невыливайки», предохранялись от качки особыми креплениями), Жюль Верн усердно трудился: если не мешала погода, работал, как и у себя дома, с пяти до одиннадцати утра, и в эти «священные часы» никто его не смел тревожить.

2

«Сен-Мишель» из Ле-Кротуа верой и правдой служил своему хозяину более десяти лет, пока в 1877 году на верфи в Гавре не был спущен на воду заказанный писателем парусник длиной 13,27 метра и шириной — 3,56. Яхта прошла ходовые испытания с экипажем из семи человек под управлением капитана Оллива, старого знакомого семьи Вернов. Судно оказалось на редкость удачным. «С таким можно отправиться и в Америку», — с гордостью заявил Жюль Верн. Он планировал трудные переходы, уговаривая Этцеля отважиться хотя

бы на морскую прогулку, но, вопреки ожиданиям, эта элегантная яхта удержалась у него недолго.

Летом 1877, когда Жюль Верн находился в Нанте, готовясь к очередному рейсу на полюбившемся ему «Сен-Мишеле II», капитан Оллив вдруг узнал о продаже первоклассной паровой яхты, только что построенной для некоего маркиза де Прео, который к тому времени разорился. Жюль Верн из любопытства отправился на верфь, пригласив в качестве эксперта своего брата Поля. Бывший морской офицер, он отлично разбирался в судостроении и пришел от яхты в восторг. Паровая машина в сочетании с парусами давала неопределимые преимущества по сравнению с обычными яхтами. На таком судне можно было пускаться без риска в дальние моря.

Жюль Верн поддался искушению и вступил в переговоры с владельцем «Сен-Жозефа», мечтая поскорее переименовать его в «Сен-Мишель III». 1 сентября 1877 года он уведомляет Этцеля: «Наконец, я закончил крупное дело — покупку нового «Сен-Мишеля».

«Какое безумие! — восклицает он в следующем письме. — 55 000 франков! Половину я плачу наличными, а остальные через год! Но зато какое судно и какие плавания в перспективе! Средиземное море, Балтика, северные моря, Константинополь и Петербург, Норвегия, Исландия и так далее, какие впечатления меня ждут, какие богатые идеи. Я уверен, что мне удастся возместить цену яхты, да впрочем, она и через два года будет стоить не меньше своей теперешней цены... Повторяю, такие эмоции мне просто необходимы, я предвижу несколько хороших книг. Брат весьма доволен моим приобретением, он-то и подтолкнул меня на этот шаг».

Гонорар за последние две книги «Истории великих путешествий», поступления за спектакли по роману «Вокруг света в восемьдесят дней», имевшиеся у писателя сбережения и, наконец, срочная продажа «Сен-Мишеля II» — все это, вместе взятое, позволило ему в течение года выложить 55 000 франков — по тем временам целое состояние.

Новое судно обременило бюджет Жюля Верна: нужно было его оборудовать, привести в полный порядок, нанять и содержать экипаж. Итак, «Сен-Мишель III»...

Сохранилось подробное описание: длина 28 метров (с бушпритом более 32-х), ширина 4,6 и осадка 3 метра. Железный корпус с пятью водонепроницаемыми переборками, разделявшими его на форпик, носовые жилые помещения, кочегарку, машинное отделение, кормовые каюты и актерпик. Двухцилиндровая машина «компаунд» с конденсатором для отработанного пара и одним винтом развивала свыше ста эффективных лошадиных сил, обеспечивая скорость девять—девять с половиной узлов.

Кормовая часть была отведена под салон, облицованный красным деревом, и спальню, отделанную светлым дубом. Носовая часть разделялась на каюту капитана, столовую, камбуз и буфетную. Все помещения, включая и капитанскую рубку, имели спальные места — диваны или постоянные койки. Одновременно могли разместиться 12 — 14 человек.

«Сен-Мишель III» был двухмачтовой шхуной с клиперским носом и бушпритом. Грот-мачта со стеньгой вздымалась над палубой почти на 15 метров, и ее гик выходил за корму. Фок-мачта была немного

короче, а пятиметровый гик при перемене галса приходилось подбирать на топенанте, чтобы не задеть за дымовую трубу. Впереди яхта несла стаксель и кливер. Общая парусность составляла свыше трехсот квадратных метров. Корпус был покрыт черным лаком с золотой отделкой на корме и носу, а белая труба при поставленных парусах была малозаметна. Сильный наклон мачт и трубы придавал облику яхты стремительность.

О таком корабле можно было только мечтать! Интересно, что описание шхун подобного типа можно встретить в разных книгах Жюль Верна («Найденыйш с погибшей «Цинтии», «Матиас Шандор» и других).

«Сен-Мишель III» с легкостью выдержал на испытаниях штормовую погоду. Капитаном был приглашен тот же многоопытный Олив; боцман, имевший за плечами двадцать пять навигаций, был прекрасным моряком и очень осторожным человеком. Остальной экипаж, также сплошь из бретонцев, включал механика, двух кочегаров, парусного мастера, двух матросов, юнгу и кока.

3

В 1878 году, после пробного перехода в Брест, Жюль Верн совершил на «Сен-Мишеле III» первое значительное плавание: выйдя из нантского порта, к которому было приписано судно, он побывал в Виго, Лиссабоне, Кадисе, Танжере, Гибралтаре, Малаге, Тетуане, Ороне и Алжире — в компании Поля Верна, его сына Мориса, амьенского знакомого Рауля Дюваля и Жюль Этцеля-младшего. Протяженность морских переходов теперь измерялась не сотнями, а тысячами миль.

Следующее большое плавание привело Жюль Верна в Эдинбург, к восточным берегам Англии и Шотландии.

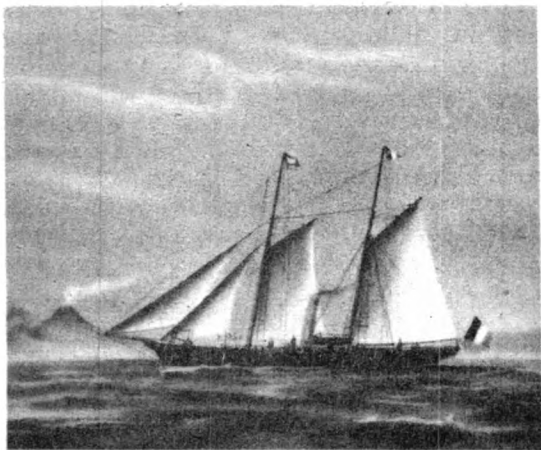
Осенью 1879 года, когда «Сен-Мишель III» стоял на рейде в Сен-Назере, ночью, во время сильной бури, на него навалило большое трехмачтовое судно, сорвавшее его с якоря и нанесшее повреждения: был разбит форштевень и сломан бушприт. Наспех засветили огни, и, чтобы избежать новых столкновений, сдрейфовали и ошвартовались у берега.

«Какая ночь! — писал Жюль Верн Этцелю-младшему. — ...Если бы купец ударил нас в борт, мы пошли бы ко дну и Вашему отцу самому пришлось бы закончить «Паровой дом». Поль, Мишель (сын писателя) и три его двоюродных брата впопыхах выскочили на палубу в одних сорочках. К счастью, повреждения не слишком серьезные».

Не проходило лета, чтобы Жюль Верн не совершил одного или двух дальних переходов. Нет, его не манили гонки паровых яхт, хотя «Сен-Мишель III» вполне мог бы занять призовое место! Писатель знакомился с портами разных морей, набирался впечатлений о жизни, культуре и обычаях народов, населяющих прибрежные страны.

Жюль Верна давно манило Балтийское море с белыми ночами в Ботническом и Финском заливах, хотелось повидать «Северную Пальмиру» — столицу Российского государства, на просторах которого полностью или частично протекают события не менее чем в семи ро-

«Сен-Мишель III» на фоне Везувия. Картина из фондов Музея Жюль Верна в Нанте.

манах его многотомной серии («Михаил Строгов», «Клодиус Бомбарнак», «Сезар Каскабель», «Найденыш с погибшей «Цинтии», «Упрямец Керабан», «Драма в Лифляндии», «Робур-Завоеватель»).

Плавание в Петербург удалось предпринять лишь в 1880 году. Крайне неблагоприятная погода — два мощных циклона с неизбежными для июня резкими похолоданиями — выбила из намеченного графика и не позволила «Сен-Мишелю» не только достичь Петербурга, но выйти даже в центральную часть Балтики.

Об этом плавании остались воспоминания Поля Верна «От Роттердама до Копенгагена на борту яхты «Сен-Мишель», напечатанные в виде приложения к роману «Жангада» (1881).

Первоначальный маршрут в Петербург через Северное море, вокруг Ютландского полуострова, через проливы Скагеррак и Каттегат с заходами в Христианию (Осло), Копенгаген и Стокгольм, пришлось изменить в ходе плавания.

Из Ле-Трепора «Сен-Мишель» взял курс через Ла-Манш в Северное море, но сильный шторм заставил прижаться к юго-восточному, подветренному берегу Англии и с помощью лоцмана, взятого в Диле, искать убежища в Ярмуте, обычном месте встречи английских, французских и голландских рыбаков.

В Ярмуте Жюль Верн вместе со своими спутниками — братом Полем, его старшим сыном и адвокатом из Амьена Робером Годфруа — внимательно осмотрел город и съездил к памятнику адмиралу Нельсону, воздвигнутому в 1817 году. Как только погода позволила, «Сен-Мишель III» снова вышел в море, но вскоре полным курсом под штормовыми парусами вынужден был спуститься под ветер и попал в Роттердам.

Сильное волнение задерживало выход из порта, и тогда Жюль Верн решил повернуть обратно и плыть по каналам, соединяющим реки Маас и Шельду. Миновав Антверпен и войдя в восточное устье Шельды, «Сен-Мишель» стал на якорь на рейде Зирикзе, в тринадцати милях от выхода в море.

Как только утихло, яхта перешла во Флиссинген, где запаслась

углем, но ввиду неустойчивой погоды решено было идти в Гамбург. От намерения пересечь Балтику пришлось отказаться.

И тут новый циклон, обрушившийся на Северное море, заставил искать укрытия в бухте германского военного порта Вильгельмсхафена. Хотя экипаж яхты был принят портовыми властями весьма учтиво, в посещении знаменитого арсенала Жюль Верну было отказано. Здесь он узнал, что в Балтику можно пройти кратчайшим путем по внутренией водной системе.

Яхта взяла курс на небольшой порт Теннинг, расположенный в устье реки Эйдер, впадающей в Северное море в самом узком месте основания Ютландского полуострова. Кильский канал тогда еще не был открыт, но яхта с осадкой в три метра могла в полную воду подняться по реке Эйдер до шлюза в городе Рендсбурге, оттуда по каналу перейти в Кильскую бухту и выйти в южную часть Балтийского моря.

Гавань Теннинга позволяла во время прилива заходить судам с осадкой до четырех метров. «Сен-Мишель III» благополучно достиг этой гавани, но на телеграфный запрос администрация канала в Рендсбурге ответила, что шлюз пропускает суда длиною не свыше ста футов. А «Сен-Мишель III» с бушпритом имел более ста пяти!

— Ну и что же! — воскликнул Жюль Верн. — «Сен-Мишель» слишком длинен? Укоротим ему нос, а если и бушприта будет мало, срежем гербовой щит у форштевня. Никто не посмеет сказать, что бретонцев могут остановить препятствия!..

Однако «укорочения носа» удалось избежать: шлюз оказался настолько широк, что яхта, став по диагонали, поместилась без снятия бушприта.

Выйдя из Рендсбурга 17 июня по каналу, миновав шесть шлюзов, два железнодорожных и несколько шоссеиных мостов, наши путешественники прибыли в Кильскую бухту, одну из самых красивых и живописных в Европе.

18 июня яхта направилась в Копенгаген. В течение восьми дней писатель и его спутники осматривали достопримечательности датской столицы. Поль Верн поднялся со своим сыном по трудной винтовой лестнице на самый верх старинной готической церкви и заметил по этому поводу в путевом очерке: «Мой брат в «Путешествии к центру Земли» дал нам возможность присутствовать на «уроке бездны», который профессор Лиденброк преподавал своему племяннику Акселю. Нам же приходилось обеими руками цепляться за перила, чтобы удержаться и устоять от ужасных порывов ветра».

Вернувшись по каналу Эйден в Северное море, «Сен-Мишель» через три дня вновь оказался близ Ярмута, на рейде Дила. Отсюда яхта снова пришла в Ле-Трепор и затем возвратилась в Нант.

4

Жюль Верн не раз еще совершал круизы к берегам Англии и Шотландии, но самым длительным и самым впечатляющим было плавание 1884 года по Средиземному морю.

15 мая яхта покинула порт прописки и сделала первую остановку в испанской гавани Виго, откуда Жюль Верн писал Этцелю: «Я по-

зволил всей веселой компании — Дювалю, Жюлю (сын издателя. — *Евг. Б.*) и моему брату, несмотря на жару, отправиться в десятичасовую прогулку в глубь страны. Но подобный зной не для меня... Что касается Онорины, то она отправилась с Мишелем и Годфруа прямо в Оран, где будет жить у своего шурина Леларжа и ожидать там прихода «Сен-Мишеля III».

Еще одна короткая остановка была в Гибралтаре, английской военно-морской крепости, произведшей на писателя гнетущее впечатление, которое через несколько лет отразилось в сатирической новелле «Жиль Бралтар».

27 мая достигли Орана, где Жюль Верн встретил жену и сына. Местное географическое общество устроило заседание в его честь.

Затем «Сен-Мишель III» направился дальше вдоль Африканского побережья в город Алжир. 10 июня он бросил якорь у стен укрепленного алжирского города Бон, неподалеку от границы с Тунисом. Этот маленький порт находится в одной миле от развалин древнего города, бывшего когда-то резиденцией нумидийских царей. Писатель с любопытством осмотрел все, что от нее осталось.

Следующий отрезок пути — в порт Тунис, проходил между северным берегом Африки и островами Сардиния и Сицилия, в местах, известных бурями и сильными течениями. Недавнее крушение трансатлантического судна в этом районе Средиземного моря так напугало Онорину, что Жюль Верн, уступая ее настойчивым просьбам, согласился сойти на берег и продолжать путешествие по суше, в то время как капитан Олив должен был привести яхту в порт Ла-Гуллет в Тунисском заливе.

Чтобы облегчить писателю поездку, местные власти прикомандировали к нему в качестве проводника французского чиновника Дюпортала. Железная дорога обрывалась в Сахаре. От конечной станции курсировал дилижанс и довозил до Гарнадау, где снова можно было сесть в поезд. Пришлось остановиться на ночлег в отвратительной харчевне. Здесь супруги Верны подверглись нашествию клопов, провели бессонную ночь и вдобавок еще заболели от недоброкачественной пищи. Затем они проехали сто километров по ужасной дороге в дилижансе и вконец измученные добрались до железнодорожной станции. Там их ожидал сюрприз — специальный поезд бея, оказавшего им в Тунисе великолепный прием.

Пребывание во французских колониях Северной Африки оставило у писателя живые впечатления, получившие отзвуки в ряде романов («Удивительные приключения дядюшки Антифера», «Кловис Дардентор», «Вторжение моря»).

В гавани Ла-Гуллет, которая соединяется каналом с городом Тунисом, хозяина яхты встретил капитан Олив. Отсюда взяла курс на Мальту, но не успели выйти в открытое море, как поднялась буря, заставившая искать укрытия за мысом Бон, гористым выступом, образующим восточную оконечность Тунисской бухты. Пока «Сен-Мишель» стоял на якоре, путешественники отправились купаться на пустынный пляж. Место было безлюдное, кругом дюны, и ничего не выдавало присутствия посторонних глаз. Не будь рядом яхты, легко было вообразить себя на необитаемом острове.

И вот знаменитый писатель, вспомнив, как он мальчишкой играл

в Робинзона, танцует вокруг воображаемого костра. Сын Жюль Верна, оставшийся на борту «Сен-Мишеля III», восхищенный этими плясками, салютует отцу выстрелом из ружья. Жители арабской деревушки, скрытно наблюдавшие за пришельцами, решив, что их атакуют, тоже открывают стрельбу. Ошеломленные купальщики бросаются к шлюпке. К счастью, никто не пострадал.

На следующий день яхта подняла якорь и взяла курс на юго-восток. И тут ожидала настоящая опасность. Поднялся сильнейший шторм: судно могло разбиться о скалы у острова Мальта. Капитан Оллив стал подавать сигналы бедствия, но никто не откликнулся. Всю ночь ему пришлось бороться с бурей и только на заре, когда волнение улеглось, появился лоцман и прежде всего выразил удивление, что застал яхту целой и невредимой.

— А вы еще сомневались, месье Верн, стоит ли приобретать это судно, — сказал капитан Оллив. — Будь мы на «Сен-Мишеле II», давно бы уже покоились на дне!

Лоцман благополучно провел корабль в военный порт Ла-Валетта, столицу Мальты, где скачущие английские офицеры с радостью встретили писателя, по слухам, очень известного.

Жюль Верн в то время работал над «Матисом Шандором», романом, в котором действие разворачивается в Средиземном море. Трудно было отказаться от продолжения плавания, отказаться от Адриатики, но Онорина с нетерпением ожидала минуты, когда можно будет покинуть яхту и ступить на твердую землю.

Сотня километров, отделявшая Мальту от Катании, была пройдена при хорошей погоде. В гавани старинного сицилийского порта, в 1693 году совершенно разрушенного землетрясением, «Сен-Мишель III» отдал якорь, ошвартовавшись кормой к каменному молу. Путешественники смогли осмотреть когда-то знаменитый город и съездить к Этне. Вулкан бездействовал. По сравнительно сносной дороге, проложенной местными жителями и приносившей им изрядный доход, Жюль Верн и его спутники поднялись на вершину Этны в повозке, запряженной мулами.

Покинув Сицилию, они перешли Мессинский пролив, направились в Неаполь, а потом в Чивитавеккью. И тут Онорина, испытывая терпение мужа, решительно отказалась продолжать плавание и потребовала того же от Жюля. Чтобы избежать ссоры, он согласился покинуть «Сен-Мишель III», поручив капитану Олливу провести судно до устья Луары. Впрочем, Жюль Верн и не очень сопротивлялся, так как давно мечтал повидать дорогую его сердцу Италию.

В Рим отправились поездом. Неожиданно для писателя он был принят в «вечном городе» как почетный гость и даже получил аудиенцию у папы Льва XIII, который одобительно отозвался о нравственной чистоте его сочинений, невзирая на то, что пронизывающий их дух материализма противоречит религиозным догматам. Очевидно, главе католической церкви было выгодно поощрить знаменитого романиста, чьи книги распространялись в Италии и во всем «христианском мире».

Впервые оказавшись в Риме, Жюль Верн обнаружил doskonaльное знание города, вплоть до мельчайших топографических подробностей, чем немало удивил префекта, пригласившего его на обед.

Во Флоренции и Милане (здесь он долго рассматривал инженерные эскизы и заметки Леонардо да Винчи) писателю удалось сохранить инкогнито. Чтобы не привлекать праздного любопытства, он останавливался в отелях под именем своего дяди Прюдана Аллота. Но в Венеции все же дознались, кто этот путешественник. Перед отелем собралась толпа. В честь Жюль Верна было устроено факельное шествие с фейерверком и светящимися транспарантами: «Eviva Giulio Verne!» (Да здравствует Жюль Верн!). Стоя на балконе, смущенный писатель отвечал на приветствия экспансивных итальянцев.

Меньше всего он тогда мог помыслить, что фактически завершил «морскую карьеру», что это одно из последних плаваний...

Казалось бы, все у него складывалось удачно. В 57 лет он был полон сил, энергии, оптимизма, строил планы на много лет вперед, и в эти планы входило также «освоение» новых морей и стран. Однако в начале 1886 года он неожиданно продает свою яхту менее чем за полцены, никому не объясняя, что заставило его принять такое решение.

Возможно, содержание экипажа из десяти человек обременяло его бюджет, и он подумывал о более скромном «Сен-Мишеле IV». Возможно, были какие-то иные причины, о которых можно только догадываться. Но роковым образом вскоре после продажи яхты на Жюль Верна обрушилась «черная серия» несчастий, превративших его в «амьенского затворника».

ВЕРШИНЫ

I. ДЕТИ ИЩУТ ОТЦА

Еще раз вернемся к начальному периоду работы над «Необыкновенными путешествиями». Семь романов, созданных за неполных семь лет, входят в золотой фонд научно-фантастической и приключенческой классики¹. Среди них — шедевр, заставивший автора отложить до более удобного случая продолжение лунной дилогии: он обязан был завершить к сроку давно задуманный и объявленный в журнале роман — на этот раз без всякой фантастики, разросшийся до трех книг, — «Дети капитана Гранта».

Читатели «Журнала воспитания и развлечения» пустились в кругосветное плавание с середины 1866 и благополучно завершили его к началу 1868 года, когда обширный роман вышел отдельным изданием и еще больше приумножил славу Жюль Верна.

Пока упорный капитан Гаттерас медленно продвигался к Северному полюсу, писатель поделился с Этцелем только что сложившимся замыслом.

— Действие должно развиваться, — сказал он издателю, — исключительно по законам внутренней логики, без каких-либо внешних пружин, вроде небывалого полета над Африкой или выстрела в ночное светило.

— А как вы построите сюжет? Что будет служить стимулом для такого трудного предприятия?

— Дети отправляются на поиски без вести пропавшего отца. Вот исходная предпосылка. Вы спросите, кто их отец? Шотландский патриот, не желающий примириться с тем, что Англия поработила Шотландию. По мнению Гранта, интересы его родины не совпадали с интересами англосаксов, и он решил основать вольную шотландскую колонию на одном из островов Тихого океана. Мечтал ли он, что эта колония когда-нибудь добьется государственной независимости, как это случилось с Соединенными Штатами? Той независимости, которую неизбежно, рано или поздно, завоюют Индия и Австралия? Конечно,

---

¹ «Пять недель на воздушном шаре», «Путешествие к центру Земли», «С Земли на Луну», «Путешествие и приключения капитана Гаттераса», «Дети капитана Гранта», «Вокруг Луны», «Двадцать тысяч лье под водой».

он мог так думать. И легко допустить, что английское правительство чинило капитану Гранту препятствия. Тем не менее он подобрал команду и отплыл исследовать крупные острова Тихого океана, чтоб найти подходящее место для поселения. Такова экспозиция. Затем лорд Гленарван, единомышленник капитана Гранта, случайно находит документ, объясняющий его исчезновение.

— И таким образом, — подхватил Этцель, — ваше кругосветное путешествие мотивируется свободолобивыми стремлениями героев? Прекрасно. Это вызывает сочувствие. А дальше?

— А дальше испорченный документ поведет по ложному следу. Потом появится ученый-всезнайка.

— Вроде доктора Клоубонни из «Гаттераса»?

— В какой-то мере. На сей раз это будет француз. Жак Паганель, секретарь Парижского географического общества, почетный член чуть ли не всех географических обществ мира. Из-за его анекдотической рассеянности сюжетные хитросплетения будут еще больше осложняться. Но, как вы понимаете, Паганель нужен мне не только для оживления действия. Этот человек — ходячая энциклопедия. Он знает все и еще немножко. В кладовых его памяти уйма фактов...

— ...которые он будет выкладывать при каждом удобном случае, — не удержался Этцель.

— К этому я и клоню. Но наука не должна отрываться от действия. Роман будет полон захватывающих приключений, и вместе с тем он будет географическим. Своего рода занимательной географией...

Трудность заключалась в том, чтобы познавательные сведения соединялись с сюжетом, чтобы действие не могло без них продвигаться. В таких случаях Жюль Верн всегда выручала его удивительная изобретательность. «Пари Жака Паганеля и майора Мак-Наббса» (ч. 2, гл. 4) — типичный пример беллетризации научной темы: историко-географический экскурс, занимающий целую главу, вращается в саму ткань повествования.

Вспомним, как это сделано.

Путешественники прибывают в Австралию. Географ сообщает своим спутникам, что с 1606 по 1862 год исследованием центральных областей и берегов Австралии занималось более пятидесяти экспедиций.

Майор Мак-Наббс выражает сомнение. «Так я докажу вам!» — воскликнул географ, неизменно приходивший в возбуждение, когда ему противоречили». Заключено знаменитое пари: ставка — карабин «Пурдей, Моор и Диксон» против подозрительной трубы фирмы «Секретана». Паганель начинает лекцию об истории исследований Австралии. Он доказывает свою правоту, назвав более с е м и д е с я т и путешественников. Интерес слушателей Паганеля, а вместе с ними и читателей, возрастает все больше по мере того, как перечень исследователей приближается к условленному числу.

Подобные беллетристические приемы Жюль Верн всякий раз варьирует, когда ему необходимо ввести отступление на научную или историческую тему. Он обладает секретом увлекать читателей даже такими, казалось бы, сухими предметами, как описание устройства и взаимодействия частей машины и технологии обработки химического

продукта. Секрет состоит в умении связывать в один сюжетный узел успех или неудачу любого предприятия героя с творением его рук — работой машины или получением того же химического продукта («Двадцать тысяч лье под водой», «Таинственный остров» и другие).

Среди персонажей «Необыкновенных путешествий» мы находим представителей всех человеческих рас, подавляющего большинства наций, десятков национальностей, народностей и племен. Галерея образов Жюль Верна, включающая несколько тысяч персонажей — население целого города! — удивительно богата по этническому составу. В этом отношении с Жюлем Верном не может сравниться никакой другой писатель. Его неприязнь к расовым предрассудкам видна даже в самом выборе положительных персонажей, представляющих, наряду с европейцами и американцами, народы колониальных и зависимых стран. Чтобы далеко не ходить за примерами, вспомним, каким благородством и чувством человеческого достоинства наделен южноамериканский индеец Талькав.

Жюль Верн сочувствовал угнетенным народам. Обличение рабства, колониальных грабежей, истребительных, захватнических

**Абориген Патагонии индеец
Талькав. Роман «Дети капита-
на Гранта». Художник Э. Риу.**

войн — постоянный мотив «Необыкновенных путешествий». Достаточно вспомнить «Пятнадцатилетнего капитана», где автор выводит на чистую воду работорговцев Анголы, истерзанной португальским владычеством, рисует леденящие душу картины опустошительных зверств английских и португальских завоевателей Африки. Негодование его беспредельно: «Работорговля! Все знают, что значит это страшное слово, которому не должно быть места в человеческом языке».

Во второй половине XIX века Франция осуществляла активную колониальную политику, ведя дипломатическое и вооруженное наступление главным образом на Африканский континент. Самым опасным соперником Франции на международной арене была Великобритания.

Из ложного патриотизма, а отчасти, быть может, и из цензурных соображений, Жюль Верн обходил острые углы, когда его герои попадали во французские колонии. Тут он старается обелить соотечественников, выставляя их в роли цивилизаторов. Неужели ему не было известно, что французы на завоеванных территориях прибегали к таким

же грабительским методам, учиняли над беззащитными «туземцами» такие же зверские расправы, как и англичане?! Закрывая глаза на истинное положение дел во французских колониях, писатель не пропускает случая метнуть ядовитую стрелу в сыновей Альбиона¹. И тут он был вполне объективен.

Сатирические выпады против британской колониальной политики мы находим и в «Детях капитана Гранта».

Австралийский мальчуган Толине, получивший в школе первую награду по географии, уверен, что англичанам принадлежит весь земной шар. «Вот как преподают географию в Мельбурне! — восклицает Паганель. — Подумать только: Европа, Азия, Африка, Америка, Океания — все, весь мир принадлежит англичанам! Черт возьми! При таком воспитании я понимаю, что туземцы подчиняются англичанам».

С величайшим негодованием автор говорит о так называемых резервациях — самых бесплодных и глухих районах, отведенных для коренного населения Австралии. «Овладев страной, англичане призвали на помощь колонизации убийство. Жестокости были неопишуемые. Они вели себя в Австралии так же, как в Индии, где исчезло пять миллионов индусов, так же, как в Капской области, где из миллиона готтентотов уцелело всего сто тысяч».

Познавательный материал, сосредоточенный в «Детях капитана Гранта», как и в других романах Жюль Верна, конечно, не производил бы такого впечатления, если бы все эти описания, рассуждения, экскурсы не сплетались с намерениями и делами героев.

Читая «Необыкновенные путешествия», мы попадаем в особый мир, со своими законами и условностями, далекими от жизненной прозы буржуазного общества.

Люди отличаются здесь необычной моральной чистотой, физическим и душевным здоровьем, целеустремленностью, собранностью, не знают ни лицемерия, ни расчета. Смельчакам, верящим в успех своего дела, удается любое, самое трудное предприятие. Товарищ выручает товарища из беды. Сильный приходит на помощь слабому. Дружба скрепляется суровыми испытаниями. Злодеи всегда разоблачаются и несут наказание за свои преступления. Справедливость всегда торжествует, мечта всегда осуществляется.

Образы главных героев выполнены так рельефно, что запоминаются на всю жизнь.

Тот же Жак Паганель. Кто не знает этого рассеянного чудака ученого? Фанатик науки, «ходячая энциклопедия», он всегда перемежает серьезные рассуждения забавными шутками и смешными выходками. Ему свойственно неистребимое чувство юмора. Вместе с тем он привлекает бесстрашием, добротой, справедливостью. Подбадривая своих спутников, Паганель не перестает шутить даже в часы решительных испытаний, когда дело идет о жизни и смерти.

В романе это центральная фигура. Без него распалась бы вся композиция.

Рядом с ним — шотландский патриот Гленарван, делающий все возможное и невозможное, чтобы разыскать по невидимым следам

---

¹ Альбион — старинное название Англии.

**Роберт и Мэри Грант слышат
голос отца, доносящийся с ост-
рова. Художник Э. Риу.**

своего свободолюбивого соотечественника капитана Гарри Гранта. Сильным и мужественным характером, который раскрывается в действии и закаляется в борьбе с суровыми испытаниями, наделены и юные герои Жюль Верна. Один из них — Роберт Грант. Для достойного сына отважного шотландца вполне естествен душевный порыв — навлечь на себя преследование стаи волков, чтобы спасти от гибели своих спутников.

Благородным и честным людям, участникам экспедиции Гленарвана, противостоит отщепенец Айртон, высаженный на необитаемый остров за совершенные злодеяния.

Этот уединенный островок, лежащий на 153° западной долготы и $37^{\circ}11'$ южной широты, обозначен на современных географических картах как риф Мария-Тереза. Французы именовали его островом Табором. Отсюда и рассеянность Жака Паганеля, забывшего второе название острова. На Таборе, или рифе Мария-Тереза, жили новые Робинзоны — капитан Грант с двумя матросами. И здесь же останется в одиночестве искупать преступления перед собственной совестью его бывший боцман Айртон. Одицавшего Айртона впоследствии найдут

колонисты, создавшие образцовую трудовую коммуну на воображаемом острове Линкольне — в ста пятидесяти милях от Табора. В романе «Таинственный остров» (1875) сводятся сюжетные линии «Детей капитана Гранта» и «Двадцать тысяч лье под водой» (судьба Немо).

Таким образом, все три романа образуют трилогию — сияющую трехглавую вершину в горной цепи «Необыкновенных путешествий».

II. ТАИНА КАПИТАНА НЕМО

Книга Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой» воспламенила мое воображение. Я был увлечен не столько приключениями капитана Немо, сколько им самим. Я видел в нем олицетворение великого гения науки, которая восторжествует над всем, которая преобразит мир и людей, когда будет служить народу.

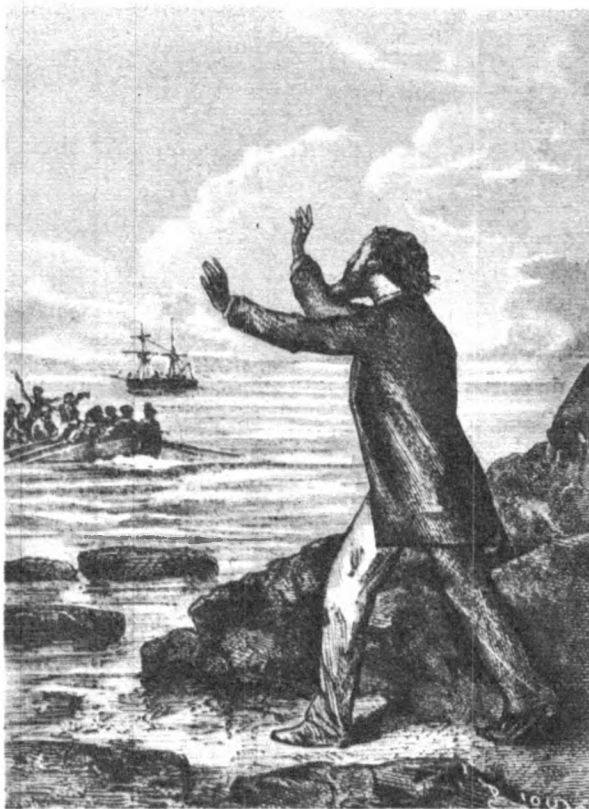
*Морис Торез.
Сын народа. М., 1950, с. 28—29.*

1

Роберт и Мэри Грант далеко еще не приблизились к острову Табору, где томился их несчастный отец, когда на стапелях неумемной фантазии завершалось строительство «Наутилуса». Конструкция подводного корабля была детально продумана, вплоть до двойного корпуса из тяжелой брони толщиной не менее семи сантиметров, которая, по мысли писателя, позволит кораблю погружаться на самые большие глубины, не нарушая неумолимый закон Архимеда. Обширные внутренние помещения «Наутилуса» не должны были помешать его плаваниям в толщах океанских вод. Но в конце концов дело не в законе Архимеда, а хотя бы в приближенном обосновании научной идеи покорения Океана!

«Я уже писал тебе однажды, — напоминал он престарелому мэтру Верну, которому фантазии сына иногда казались чрезмерными, — что мне приходят в голову самые неправдоподобные вещи. Но на самом деле это не так. Все, что один способен вообразить, другие смогут оусуществить».

Однако еще больше, чем «Наутилус», не давал ему покоя капитан Немо. Жюль Верн так сроднился с величественным образом, что не мог отделить себя от героя романа, в котором воплотилась частица его вольнолюбивого существа. Мысли капитана Немо о море, о свободе и справедливости, деспотизме и рабстве — его собственные мысли. «Из всех персонажей, созданных Жюлем Верном, — пишет его биограф Маргарет Аллот де ла Фюи, — человек моря Немо — в наибольшей степени тот, в кого он вложил свои склонности. Писатель отождествлял себя с ним». И, словно подтверждая эти слова, Жюль Верн однажды сказал Этцелю:

— Если сам я не всегда могу быть таким, каким мне хотелось бы быть, то пусть, по крайней мере, такими будут мои герои...

Окончательно освободившись от «Географии Франции» и завершив «Детей капитана Гранта», он всецело отдался осуществлению замысла — самого прекрасного и самого поэтичного из всех, какие ему приходили в голову.

Этцель был человеком прогрессивных убеждений, но не мог не считаться с цензурными требованиями. Взгляды и поведение героя романа вызвали в переписке дискуссию.

Жюль Верн решил его сделать поляком. Писатель сочувствовал польским повстанцам, участникам революционных событий 1830-го и 1863 годов. Репрессии царского правительства против освободительного движения в Польше были еще живы в памяти.

Этцель возразил: цензура не потерпит, если Немо будет мстить царю, нападать на русские корабли. Ведь Александр II сохраняет нейтралитет в отношении войн, которые ведутся Наполеоном III. Не лучше ли сделать капитана Немо аболиционистом? ¹ У него будет

---

¹ А б о л и ц и о н и с т ы — участники общественного движения за отмену рабства негров в Америке.

достаточно оснований для мести южанам, виновным в гибели его жены и детей.

Жюль Верн ответил: гражданская война в Соединенных Штатах кончилась отменой рабства. Немо мог бы бороться за освобождение невольников, очищать моря от работорговцев, но после поражения южан такая деятельность уже теряет первостепенный смысл.

Этцель должен был согласиться и предложил вместо этого сделать Немо «скорее абстрактным мстителем, символом возмущения против тирании, какой бы она ни была».

Жюль Верн пошел на уступки, но мнения издателя и автора долго еще не совпадали. В конце концов Этцель уговорил его «смягчить ужас, вызываемый мстью Немо»: пусть он первый не нападает, а только отвечает на атаки — удар на удар.

Этцель исчеркал рукопись, но Жюль Верн не согласился с правкой: этого героя незачем и нельзя переделывать!

В общем Немо остался таким, как и был задуман: патриотом угнетенной страны, восстающим против угнетающих наций, революционером, отвечающим насилием на насилие.

К образу главного героя нам еще придется вернуться, но Жюлю Верну дискуссия в письмах доставила немало хлопот: переделки за-

Профессор Аронакс, наделенный художником Э. Риу портретным сходством с Жюлем Верном. Роман «Двадцать тысяч лье под водой».

медляли работу, вычеркнутая фраза или смягченный абзац требовали изменений и в других главах.

Наконец в сентябре 1867 года Этцель оповестил подписчиков «Журнала воспитания и развлечения»: «Г-н Жюль Верн обещает закончить в ближайшие месяцы новую книгу «Путешествие под водой», которая будет самым необыкновенным из всех его «Необыкновенных путешествий». Шесть месяцев в глубинах морей, без всякого общения с внешним миром — такой сюжет дает автору благодарный материал для изображения драматических событий и введения красочных описаний».

Сюжет действительно был захватывающий. Этцель, со свойственной ему экспансивностью, успел внушить всем знакомым, что это будет шедевр из шедевров, и с нетерпением ждал рукопись первого тома. Но каково же было огорчение и Жюля Верна, и его издателя, когда в фельетонах газеты «Пти журнал» стал печататься фантастический роман о подводном плавании «Необыкновенные приключения ученого Тринитуса», изданный вслед за тем отдельной книгой под заглавием «Путешествие под волнами»! Автором романа был некий Аристид Роже, а на самом деле, как потом выяснилось, — профессор Ж. Рангад.

Капитан Немо на мостике «Наутилуса» определяет координаты с помощью секстанта. Роман «Двадцать тысяч лье под водой». Художник Э. Риу.

28 октября того же 1867 года в «Пти журналъ» было опубликовано письмо Жюль Верна редактору: «Еще задолго до появления «Необыкновенных приключений ученого Тринитуса» г-на Роже я приступил к работе над романом «Путешествие под водой», о чем уже сообщалось в «Журнале воспитания и развлечения». Убедительно прошу Вас поместить в «Пти журналъ» это письмо, чтобы предотвратить возможные нарекания читателей, если они обнаружат в сюжете моего нового романа некоторое сходство с «Необыкновенными приключениями ученого Тринитуса».

Весной 1868 года первый из двух томов в основном был закончен, но Жюль Верн не хотел спешить. Чтобы осталось как можно меньше неизбежных совпадений с романом Аристида Роже, он решил еще раз пересмотреть рукопись. Никогда он не был к себе так строг и придирчив! Не ограничиваясь пересмотром, Жюль Верн переписал многие главы. «Трудность заключается в том, — уведомлял он Этцеля, — чтобы сделать правдоподобными вещи очень неправдоподобные. Кажется, мне это удалось. Теперь остается только тщательная работа над стилем».

Одно из посланий издателю помечено лондонским штемпелем:

«Да! Я пишу Вам на подходе к Лондону, где буду через несколько часов. Я вбил себе в голову, что «Сен-Мишель» доберется до Лондона, и вот мы почти у цели... Я заканчиваю первый том «Двадцати тысяч лье под водой» и работаю так, будто сижу у себя в кабинете на улице Лефевр. Это великолепно — какая пища для воображения!»

Подготовив рукопись к печати, Жюль Верн осенью 1868 года отправился на борту «Сен-Мишеля» вверх по Сене, провел свой «корабль» с помощью буксира в Париж и бросил якорь у моста Искусств в самом центре столицы. Незадолго до этого он сообщил издателю о своем предстоящем приезде: «Я буду в Париже 1 октября, дорогой Этцель, и если Вы окажетесь на месте, то немедленно прочтете первый том «Двадцать тысяч лье под водой». Мне думается, книга получилась... Я уверен, что вещь вполне оригинальная, и надеюсь, что она хороша. Вот и все. Впрочем, об этом Вы сможете судить сами».

Этцель встретил его как триумфатора, а художник Риу, иллюстратор романа, придал профессору Аронаксу, от имени которого ведется повествование, портретное сходство с автором.

«Мне думается, — писал он о рисунках Риу, — что нужно героев сделать маленькими, а салоны — гораздо просторнее. У него же — отдельные уголки салона, которые не могут дать представления о чудесах «Наутилуса». Ему следует нарисовать все детали до тонкостей». Что касается капитана Немо, то писатель одобрил мысль Этцеля наделить его портретным сходством с полковником республиканцем Жаном Шаррасом, чье энергичное, волевое лицо можно было принять за эталон мужской красоты.

Депутат Национальной Ассамблеи, изгнанный из Франции после государственного переворота — в декабре 1851 года, — Шаррас заявил, что вернется на родину не раньше, чем падет узурпатор и будет восстановлена Республика. Он умер в изгнании в 1865 году, не пожелав воспользоваться амнистией, объявленной Наполеоном III. Однако следует подчеркнуть, что Шаррас, хоть и был участником революций 1830-го и 1848 годов, ни в коей мере не может считаться прототипом мятежного капитана «Наутилуса». Свободолюбие полковника Шарраса было весьма умеренным. Этот буржуазный республиканец участвовал в подавлении июньского восстания парижских рабочих, а Немо всегда был на стороне восставших!

Журнальную публикацию романа, начатую в марте 1869 года, за несколько месяцев до завершения второго тома, автор сопроводил предисловием, обращенным к юным читателям.

«Начиная печатать эту новую книгу, я должен прежде всего поблагодарить читателей «Журнала воспитания и развлечения» за то, что они составили мне такую хорошую, приятную и верную компанию в разных путешествиях, которые мы совершили в Америку, Австралию, по Тихому океану, вместе с детьми капитана Гранта, и даже к Северному Полюсу, по следам капитана Гаттераса.

Я надеюсь, что и это путешествие под волнами океана обогатит и заинтересует читателей так же, как и предшествующие, если не больше... Недра океана, которые мы впервые должны будем обозреть на разных глубинах, нам не покажутся столь ужасными, как многим морякам, которые погибли там вместе со своими кораблями...

Желание во что бы то ни стало открыть этот любопытный,

Подводный пейзаж. Прогулка в скафандрах и с электрическими ружьями по морскому дну. Роман «Двадцать тысяч лье под водой». Художник Э. Риу.

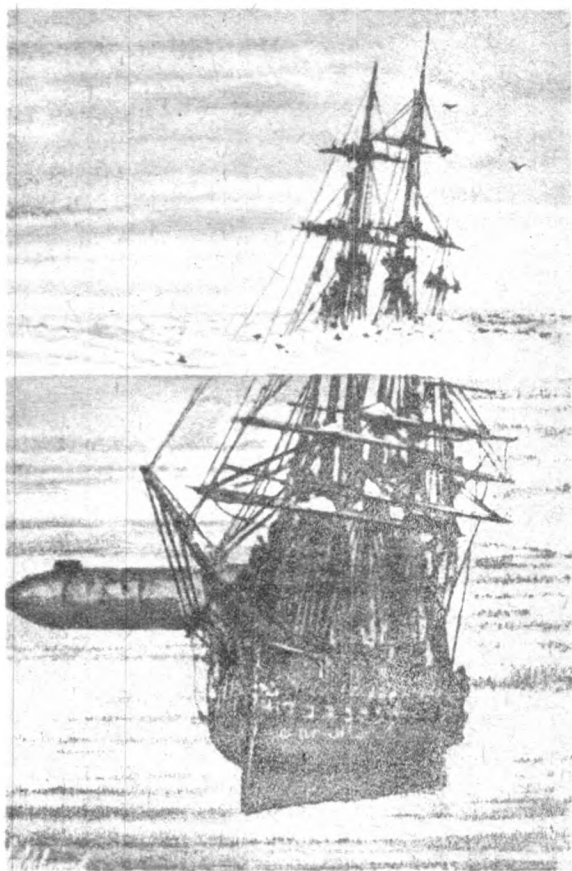
причудливый, почти неведомый мир стоило мне особенно больших усилий и трудностей...»

Успех романа превзошел все ожидания. «Двадцать тысяч лье под водой», эта жемчужина научной фантастики, затмила роман профессора Рангада, произведение, впрочем, незаурядное и во многих отношениях прозорливое. Когда в 1890 году Рангад решил издать свою книгу, в предисловии он воздал должное большому таланту Жюль Верна и объяснил почти одновременное появление двух фантастических романов на одну и ту же тему исторической необходимостью развития подводной навигации.

2

В романе «Двадцать тысяч лье под водой» ярче всего проявилась замечательная способность Жюль Верна воплощать в художественных образах свои представления о будущих достижениях науки и техники. К середине XIX века в списке изобретателей подводных лодок

«Наутилус» топит вражеский корабль. Роман «Двадцать тысяч лье под водой». Художник Э. Рну.

насчитывалось несколько десятков имен, но ни один изобретатель не мог похвастаться большими успехами: глубина погружения не превышала нескольких метров, расстояние, пройденное под водой, — нескольких километров. Наибольшая трудность заключалась в отсутствии механического двигателя и надежной системы управления.

В 1776 году американский механик Башнелл построил первую в мире металлическую подводную лодку — «Черепашу». Она напоминала яйцо, состоящее из двух половинок, скрепленных болтами, и приводилась в движение гребным винтом, который вращался рукояткой. «Черепаша» погибла на рейде Нью-Йорка при попытке взорвать английский корабль «Игл».

В 1800 году Роберт Фултон, будущий строитель первого колесного парохода, спустил под воду судно сигарообразной формы, с гребным винтом, который вращали четыре человека. «Наутилус» Фултона был построен во Франции на средства республиканского правительства — для борьбы с английским флотом. Но подводное судно не оправдало возлагавшихся на него надежд: оно делало не больше трех

километров в час, и, хотя изобретатель надеялся улучшить конструкцию своего «Наутилуса», Наполеон (тогда еще генерал Бонапарт) распорядился «дальнейшие опыты с подводной лодкой американского гражданина Фултона прекратить».

Название «Наутилус», прославленное впоследствии Жюлем Верном, стало традиционным для подводных кораблей.

Русский военный инженер А. А. Шильдер построил в 1834 году веселую подводную лодку водоизмещением в шестнадцать тонн, приводимую в движение физической силой моряков.

Ручным двигателем была снабжена и подводная лодка Аунлея «Давид». Аунлей принимал участие в гражданской войне в США на стороне южан. В 1863 году он взорвал корабль северян и погиб вместе с экипажем «Давида».

От «Черепахи» до «Давида» прошло без малого 90 лет, но подводные лодки все еще были неповоротливы, медлительны и, главное, не умели сохранять равновесие под водой: то камнем плюхались на дно, то неожиданно выпрыгивали кормой или носом вверх. Кроме того, они были слепы, как кроны.

Тот же Аунлей попытался было создать конструкцию с паровым двигателем, но вскоре отказался от этой затеи и вернулся к ручному вращению. Подводная лодка с паровой машиной стала пленницей дымовой трубы: ее верхушка должна была всегда торчать на поверхности.

Пробовали также приспособить воздушный двигатель. Поршни машины приводились в движение сжатым воздухом (французский подводный корабль Буржуа и Брюна «Плонжер» — 1863 г.; подводная лодка русского изобретателя Александровского — 1867 г.). Однако запаса сжатого воздуха хватало только на час-полтора. Воздушный двигатель себя не оправдывал.

Таково было состояние подводной навигации, когда Жюль Верн задумал «Двадцать тысяч лье под водой».

Писателю были хорошо известны конструкции и история подводных лодок Башнелла, Фултона, Аунлея, Бауэра и других изобретателей, а корабль «Плонжер» — настоящий гигант того времени, водоизмещением в 450 тонн — он видел собственными глазами.

Жюль Верн возлагал надежды на электричество, считал его силой, которая преобразит мир. На смену «века пара» должен был прийти «электрический век». Это было ясно передовым людям того времени, хотя о мощном электрическом двигателе можно было только мечтать.

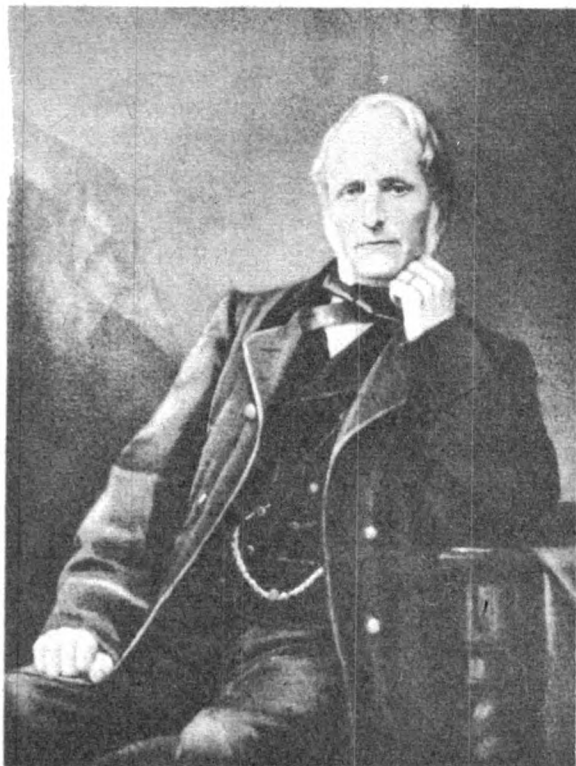
Капитан Немо получает электрический ток от гальванических элементов секретного устройства. Элементы питаются хлористым натрием. Хлористый натрий добывается из морской воды. Способ, конечно, не из лучших. Таким путем нельзя получить ток нужной силы, но принцип — возможность получения энергии из окружающей водной среды — указан правильно.

Что умеет и что имеет «Наутилус»?

Он может пройти под водой, не показываясь на поверхность, около четырех тысяч километров со скоростью до пятидесяти миль в час.

Он способен погружаться на самую большую глубину, какая только есть в мировом океане: монолитный двойной корпус из стали

Пьер Верн в возрасте семидесяти лет (1869). Портрет Ф. де Шатобура.

повышенной прочности позволяет противостоять любому давлению.

Стальной таран обладает столь сокрушительной пробивной силой, что весь «Наутилус», словно игла через ткань, проходит сквозь корпус вражеского корабля.

Водолазные костюмы сделаны из такого прочного материала, что пассажиры «Наутилуса» могут совершать прогулки по дну океана на любой глубине.

Электрический прожектор прорезает мрак на полмили вперед. Электроэнергия служит не только двигательной силой. Она используется также для освещения, отопления, вентиляции, в боевых действиях и для разных бытовых нужд. Предусмотрены десятки способов применения электроэнергии, которые сведущий писатель сумел безошибочно предсказать.

Камеры, наполняемые водой, обеспечивают «Наутилусу» погружение; подъем на поверхность — мощные насосы. Они откачивают воду даже под большим давлением. И здесь правильно предусмотрен один из основных принципов подводной навигации.

Длина «Наутилуса» — 70 метров, наибольшая ширина — 8 метров, водоизмещение — 1500 тонн. Во времена Жюль Верна эти цифры поражали. Теперь они уступают размерам средней подводной лодки.

«Наутилус» — грозное орудие боя и научно-исследовательская лаборатория. Это дает возможность автору без всяких натяжек вводить

пространные, иногда полуфантастические описания морских глубин, подводной флоры и фауны, тогда еще почти не изученных. Корабль капитана Немо используется также для поиска затонувших судов, применяется и в полярной навигации как ледокол двойного действия: сигарообразная форма позволяет ему взбираться на лед и подламывать его своей тяжестью, стальной таран — пробивать ледяные барьеры под водой.

Современникам Жюль Верна все это казалось «научной сказкой», но писатель верил в осуществимость своей мечты. А в наши дни его дерзкая фантазия воспринимается уже в ретроспекции — как предметы через перевернутый бинокль.

Атомный двигатель наделил современную субмарину таким могуществом, какое и не снилось Жюлю Верну. Водоизмещение «Наутилуса» перестало казаться большим, скорость — недостижимой, длительность плавания без подъема на поверхность — невероятной. Неспособность подводных кораблей погружаться на большие глубины возмещается гидроаппаратами разных конструкций. Батискафы и батисферы проводят исследования даже на дне Марианской впадины, где зарегистрирована наибольшая из известных глубин — 11 022 метра.

Трудно перечислить все преимущества современного подводного корабля перед «Наутилусом». Начать с того, что атомный двигатель и химическая регенерация воздуха дают ему возможность м е с я ц а м и не всплывать на поверхность. Жюль Верн, естественно, не мог в 1870 году предусмотреть для «Наутилуса» телевизора, эхолота, всевозможных радиолокационных и радиотехнических приборов, разведывательного самолета с ангаром, не говоря уже о перископе и торпедо. Когда через несколько лет после выхода романа были изобретены торпеды, писатель собрался было вооружить ими капитана Немо, но... раздумал: поправки пришлось бы вносить в каждое новое издание.

Жюль Верн был прав — возможности науки и техники сильнее воображения! В тумане будущего он увидел прообраз идеального подводного судна. В нем много сходства с позднее осуществленными конструкциями. Но есть в этой великой книге и немало ошибок и преувеличений. Мог ли их избежать Жюль Верн? Нет, конечно. Не будь преувеличений, не было бы и фантастического романа.

С каждым годом «Наутилус» все больше устаревает. Но роман «Двадцать тысяч лье под водой» выходит новыми изданиями, остается одной из любимых книг едва ли не во всем мире.

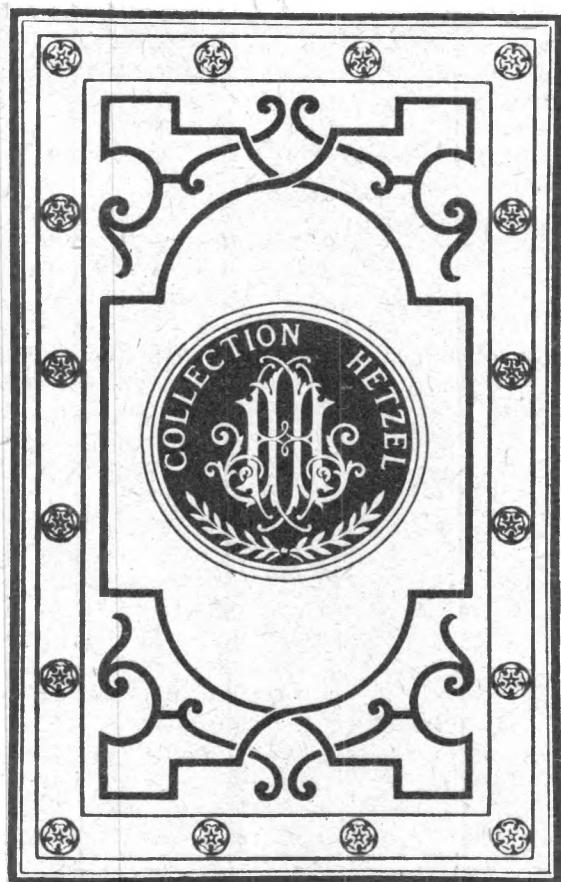
В чем же секрет обаяния этой бессмертной книги?

3

В личности капитана Немо.

Новатор науки и борец за свободу, он воплощает в себе лучшие качества идеальных героев Жюль Верна. Он не только странствует, изобретает и строит, не только проникает в тайны природы, но и борется на стороне поработенных народов за претворение высоких идей, не совместимых с существованием деспотизма и рабства.

Оборотная сторона типовой обложки томов «Необыкновенных путешествий» в коллекции Этцеля, с инициалами издателя.

— Море не принадлежит деспотам, — говорит Немо профессору Аронаксу. — На его поверхности они еще могут сражаться, истреблять друг друга, повторять все ужасы жизни на суше. Но в тридцати футах под водой их власть кончается. Ах, профессор, живите в глубине морей! Только здесь полная независимость, только здесь человек поистине свободен, только здесь его никто не может угнетать!

Изобретатель и его изобретение составляют как бы одно целое. Капитан Немо без «Наутилуса» был бы лишь повторением образа бунтаря-романтика, каких появлялось немало в литературе прошлого века, а «Наутилус» без капитана Немо — в лучшем случае научно-фантастическим очерком подводной навигации будущего. Изобретение одухотворяет образ изобретателя. Машина оживает под руками ее творца.

Капитан Немо — гениальный ученый и революционер. Его «Наутилус» — и подводная лаборатория и орудие мщения угнетателям. Но прежде всего — лаборатория.

К услугам капитана Немо — богатейшая библиотека и уникальный музей.

В библиотеке собраны «произведения великих писателей и мыслителей древнего и нового мира — все то лучшее, что создано человеческим гением в области истории, поэзии, художественной прозы и науки».

В музее, рядом с партитурами великих композиторов и шедеврами мировой живописи, представлена единственная в своем роде коллекция океанской флоры и фауны, включая и различные сокровища, найденные на дне морей.

Каюта капитана Немо украшена портретами героев и мучеников борьбы за свободу. Среди них — известные деятели Польши, Греции, Ирландии, Италии, Северной Америки, «посвятившие свою жизнь высокой идее гуманизма»¹.

Образ Немо овеян таинственностью. Он молчалив, угрюм, задумчив, его прошлое неизвестно, намерения непонятны, но сама его внешность свидетельствует о высоких душевных порывах; это «самый совершенный образ мужской красоты; его черные глаза смотрят с холодной решительностью, бледность его кожи говорит о хладнокровии, голова его гордо поднята».

Люди, разделяющие с ним одиночество и опасности, беспредельно преданы своему капитану, повинуются каждому его жесту. Но экипаж «Наутилуса» обезличен. После трехмесячного плавания пленники не могут определить, какова численность команды. Несколько раз появлялся помощник капитана, но только за тем, чтобы получить и выполнить очередное приказание. Ни он и никто другой из команды даже не названы по имени и не действуют как самостоятельные персонажи.

Этим еще больше подчеркивается таинственность и величие личности Немо.

Но постепенно его образ наполняется глубоким содержанием.

Когда капитан Немо вызволил из пасти акулы несчастного индийца, искателя жемчуга, Аронакс убедился, что «по смелости у капитана Немо не было соперников» и что «несмотря на свою ненависть к человечеству, от которого он бежал на дно морское, он готов был рисковать своей жизнью, чтобы спасти жизнь первого встречного бедняка».

А потом уже Аронакс выясняет и мотивы загадочного поведения капитана Немо. «Каковы бы ни были причины, заставившие его искать независимость под водой, но прежде всего он оставался человеком. Его сердце обливалось кровью от страданий человечества, и он щедрой рукой оказывал помощь угнетенным».

Властелин и пленник морских бездн, капитан Немо обладает несметными богатствами. Но ему самому никакие богатства не нужны.

Сокровища, найденные на погибших кораблях, жемчуг, искусственно выращенный или собранный на дне океана, он отдает восставшим жителям острова Крита и угнетенным индийцам, стремящимся сбросить колониальное иго Англии.

---

¹ В этом перечне нет ни одного француза, хотя Жюль Верн назвал бы немало дорогих его сердцу имен. Назвал бы, но... не мог, так как роман был написан в мрачную пору монархической реакции Наполеона III.

Жюль Верн однажды сказал своему племяннику: «Больше всего на свете я люблю море, музыку и свободу». Эти личные пристрастия автор передал своему любимому герою.

В душе капитана Немо, ученого и борца, живут прекрасные человеческие чувства. Поэтому он не может быть равнодушен к красоте природы и к красоте, созданной рукою художника. Но самое сильное чувство капитана Немо — любовь к свободе. «До последнего вздоха, — говорит он, — я буду на стороне всех угнетенных, и каждый угнетенный был, есть и будет мне братом».

Любовь к свободе и ненависть к угнетателям превращают его в грозного мстителя. Пустив ко дну английский военный корабль, он заявляет возмущенному Аронаксу: «Справедливость и право на моей стороне... Я угнетенный, а вот угнетатель! Это из-за него я потерял все, что любил, все, что мне было дорого и свято, — родину, жену, детей, отца, мать — все! Все, что я ненавижу, здесь, на этом корабле! Молчите же!»

Профессор Аронакс так и не сумел разгадать тайны капитана Немо. Кто он? Каково его настоящее имя? Где его родина? Несмотря на намеки, содержащиеся в его репликах, он и для читателей остается загадочной личностью.

Тайна капитана Немо раскрывается в «Таинственном острове».

III. НОВЫЕ ЛЮДИ

*Земле нужны не новые континенты,
а новые люди.*

Жюль Верн

«Робинзоны», — вспоминал он на склоне лет, — были книгами моего детства, и я сохранил о них неизгладимое воспоминание. Я много раз перечитывал их, и это способствовало тому, что они запечатлелись в моей памяти. Никогда впоследствии при чтении других произведений я не переживал больше впечатлений первых лет. Не подлежит сомнению, что любовь моя к этому роду приключений инстинктивно привела меня на дорогу, по которой я пошел впоследствии. Эта любовь заставила меня написать «Школу Робинзона», «Таинственный остров», «Два года каникул», герои которых являются близкими родичами Дефо и Висса. Поэтому никто не удивится тому, что я всецело отдался сочинению «Необыкновенных путешествий».

И еще признание:

«Из всех детских книг больше всего я любил «Швейцарского Робинзона», даже больше, чем «Робинзона Крузо». Я понимаю, что произведение Дефо значительнее по своей философской ценности. Речь идет о человеке, оказавшемся в полном одиночестве, который в один прекрасный день обнаруживает след босой ноги на песке. Но книга Висса, богатая событиями и приключениями, более интересна для юных умов. Это семья: отец, мать, дети с их различным отношением к проис-

ходящему¹. Сколько лет мысленно я провел на их острове! С каким пылом совершал я вместе с ними открытия! Как я завидовал их судьбе! Неудивительно, что я не смог преодолеть желания вывести в «Таинственном острове» Робинзонов Науки, а в романе «Два года каникул» — целый пансионат Робинзонов» («Воспоминания детства и юности»).

«Таинственный остров» задуман был еще до того, как Жюль Верн стал Жюлем Верном.

К началу 60-х годов относится незавершенная рукопись — первый, еще очень слабый набросок впоследствии знаменитой книги. На титульном листе выведено крупными буквами: «Дядя Робинзон».

Некая миссис Клифтон и ее четверо детей — Мари, Роберт, Жан и Белла — выброшены бурей на необитаемый остров в северной части Тихого океана. Их участь разделяет бывалый французский матрос Флип, возглавивший маленькую колонию. Дети называют его «дядей Робинзоном». Через несколько дней находят свою семью и мистер Клифтон, спасшийся чудом на том же острове вместе с верным псом Фидо. Клифтон — искусный инженер. Он добывает огонь, изготавливает порох, методически возделывает этот дикий уголок земли, всячески улучшая условия существования колонистов.

В дальнейшем многие персонажи и эпизоды перейдут в измененном виде на страницы «Таинственного острова». Инженер Клифтон превратится в Сайреса Смита, матрос Флип — в Пенкрофа, Роберт Клифтон — в Герберта Брауна. Даже пес Фидо будет действовать там под другой кличкой, а сам остров со всей его флорой и фауной, вплоть до орангутанга, окажется перенесенным в южную зону Тихого океана.

Десять лет спустя, незадолго до переселения в Амьен, Жюль Верн загорелся мыслью написать роман об удивительных результатах трудовой деятельности небольшой группы людей, очутившихся на необитаемом острове. Он решил было взять за основу рукопись «Дяди Робинзона», но Этцель, ознакомившись с «бледной робинзонадой», отверг ее без всякого снисхождения:

— Советую все это бросить и начать сначала, иначе будет полный провал.

— И все же здесь содержится зерно романа! — уверенно ответил писатель.

Никогда ему не работалось так легко и радостно, как в эти годы высочайшего взлета. «Между делом», «шутя и играя», он сочинил «Вокруг света в восемьдесят дней».

Главным же делом оставалась «робинзонада», которой он отдавал утренние часы на протяжении полутора лет, превратив его в трехтомный роман.

В феврале 1872 года он сообщил Этцелю:

---

¹ Иоганн Рудольф Висс (1781—1830) родился и умер в Берне. Писал на немецком языке. Известен в основном как автор романа «Швейцарский Робинзон» (1812). Жюль Верн, предпочитая коллективную «робинзонаду», явно переоценивает забытый ныне роман, ставя произведение швейцарского писателя даже выше «Робинзона Крузо» Дефо. Восхищение книгой Висса побудило его в старости написать «Вторую родину» (1900) — продолжение «Швейцарского Робинзона».

— Я весь отдался «Робинзону» или, вернее, «Таинственному острову». Качусь, как на колесиках. Встречаюсь с профессорами химии, бываю на химических фабриках и каждый раз возвращаюсь с пятнами на одежде, которые отношу на ваш счет. Это будет роман о химии...

Действительно, инженер Сайрес Смит создает на необитаемом острове настоящий химический завод. Описание производства различных химикатов, начиная с добычи сырья, — больше чем научные экскурсии. От благополучного исхода реакции зависит судьба колонистов.

Каким образом удастся Сайресу Смиту найти выход из трудного, казалось бы, безвыходного положения? Но как всегда, выход найден и цель достигнута: еще раз и снова автору удастся доказать, каким безграничным могуществом обладает человек, вооруженный знаниями!

И все-таки «Таинственный остров» — меньше всего роман о химии.

Это роман-утопия. Клочок земли в океане, где преднамеренно собраны многие разновидности флоры и фауны чуть ли не со всей планеты, — поэтическая аллегория земного шара, отданного в распоряжение свободных людей.

С первых же строк книга захватывает читателей стремительным диалогом:

«— Мы поднимаемся?

— Нет! Напротив! Мы опускаемся!

— Хуже того, мистер Сайрес: мы падаем!

— Выбросить балласт!

— Последний мешок только что опорожнен!

— Поднимается ли шар?

— Нет!»... и так далее.

Четверо мужчин и один мальчик попадают на заброшенный в Океане необитаемый остров. Это произошло 23 марта 1865 года. Кто они, герои романа?

Участники гражданской войны в США, военнопленные южан-сепаратистов¹, вырвавшиеся из Ричмонда на аэростате. Не случайно они называют свой остров «в честь благороднейшего гражданина Американской республики», президента Авраама Линкольна. Борец за освобождение негров, он был убит фанатиком в апреле того же, 1865 года.

Остров Линкольн, куда ветер заносит беглецов, — благодатный уголок. Здесь собраны все богатства природы, какие только могут понадобиться человеку в его трудовой деятельности. Это один из тех островов, которые «созданы как бы специально для того, чтобы бедняги вроде нас могли легко выйти из всякого затруднения», — говорит один из колонистов.

Благодаря знаниям своего руководителя инженера Сайреса Смита и благодаря своему собственному уму «они сумели поставить себе на

---

¹ В годы гражданской войны в США сепаратисты — южане, сторонники отделения Южных рабовладельческих штатов, в противоположность федералистам — северянам, сторонникам единства Соединенных Штатов.

службу животных, растения и минералы острова, то есть все три царства природы».

Инженер Сайрес Смит — главный герой романа — образ человека будущего, человека, покорившего природу и освобожденного от всяких пут. Неистощимая энергия, трудолюбие, сила воли, предприимчивость, великодушие, отвага, дерзновенная мысль, разносторонние знания — в нем сосредоточены все лучшие качества, которые помогут человеку завоевать свободу и овладеть Вселенной.

В наше время, в век научно-технической революции, сокращенно именуемой НТР, такой человек, как инженер Смит, кажется прямым предшественником передовых людей XX века. Писатель прозревает грядущие дали, предвосхищая не только завоевания техники, но и образы новых людей.

В уста Сайреса Смита он вкладывает свои мечты о будущем человечества.

Колонисты размышляют о том, что́ станет с людьми и что́ они будут сжигать вместо угля, когда его запасы истощатся.

Инженер отвечает: уголь заменят водой, «водой, разложенной на свои составные элементы, и разложенной, несомненно, при помощи электричества, которое к тому времени превратится в мощную и легко используемую силу. Ведь все великие открытия, по какому-то непонятному закону, совпадают и дополняют друг друга. Да, друзья мои, я думаю, что воду когда-нибудь будут употреблять, как топливо, что водород и кислород, которые входят в ее состав, будут использованы вместе или поодиночке и явятся неисчерпаемым источником света и тепла, значительно более интенсивным, чем уголь. Придет день, когда котлы паровозов, пароходов и тендеры локомотивов будут вместо угля нагружены сжатыми газами, и они станут гореть в топках с огромной энергией. Итак, нам нечего опасаться. Пока на земле живут люди, они будут обеспечены всем, и им не придется терпеть недостатка в свете, тепле и продуктах животного, растительного или минерального царства. Повторяю, я думаю, что, когда истощатся залежи каменного угля, человечество будет отапливаться и греться водой. Вода — уголь будущего».

Какая смелая мысль и как созвучна она научным исканиям нашего времени!

Чем больше узнают люди, тем больше остается непознанного. Наука, как и природа, неисчерпаема.

На замечание Пенкрофа — «Толстые книги получатся, если записать все, что люди знают» — Сайрес Смит отвечает: «А еще толще книги можно написать о том, чего люди до сих пор не знают».

Герои романа, попавшие на необжитую землю, оказываются на первых порах в положении куда более трудном, нежели их предшественник Робинзон, которому удалось захватить с корабля все необходимые инструменты и припасы.

«Робинсонам», потерпевшим крушение в воздухе, действительно пришлось проделать как бы заново весь путь, пройденный человечеством: начать с добывания огня, изготовления лука и стрел, примитивных орудий труда, необходимой домашней утвари, а потом уже, с помощью первобытных инструментов, создать более сложное оборудование и приступить к большим работам.

В отличие от Робинзона Крузо, герои «Таинственного острова» не ограничиваются охотой, скотоводством и земледелием. Они строят мосты, проводят каналы, воздвигают плотины, осушают болота, добывают полезные ископаемые, плавят металлы, сооружают машины, устанавливают электрический телеграф, занимаются научными изысканиями. На «химическом заводе» Сайреса Смита изготавливаются кислоты и щелочи, глицерин, стеарин, мыло, свечи, порох, пироксин, оконные стекла и стеклянная посуда. Колонисты занимаются сахароварением, налаживают выработку войлока.

Мы не просто следим за всеми операциями, но как будто и сами участвуем в повседневной деятельности Робинзонов Науки, связанных братской дружбой, — настолько точно, зримо и образно изображены все трудовые процессы¹.

Свободный труд свободных людей, живущих на свободной земле, творит чудеса.

Здесь каждый трудится для себя и одновременно для всего коллектива. Плоды совместного труда становятся общим достоянием. Для каждого в отдельности и для всех вместе созидательный труд является первой жизненной потребностью. Здесь не существует ни денег, ни частной собственности, ни присвоения чужого труда. Здесь — все за одного и один за всех.

Боцман Айртон, прошедший двенадцать лет на острове Таборе (риф Мария-Тереза), потерял человеческий облик, превратился в дикаря. «Горе тому, кто одинок, друзья! — восклицает Сайрес Смит. — По-видимому, одиночество быстро погубило рассудок этого человека, раз вы нашли его в таком жалком состоянии».

Жюль Верн как бы вступает в спор с «Робинзоном Крузо» Даниеля Дефо, доказывая, что человек может жить и совершенствоваться только среди людей, что Робинзона неминуемо постигла бы участь Айртона. И чтобы дать ему возможность провести на Таборе целых 12 лет, писатель нарочно путает даты, утверждая, что Айртон был оставлен на острове в 1854 году (а не в 1865-м, как сказано в «Детях капитана Гранта»).

Но стоило только Айртону очутиться среди свободных тружеников, как к нему снова вернулся разум. Дикарь стал человеком, закоренелый негодяй — честным работником.

Исповедь Айртона — по смыслу ключевая глава романа — и появление Роберта Гранта, ставшего капитаном яхты «Дункан», соединяют «Таинственный остров» с первым томом трилогии.

Там же, в подводном гроте острова, обретает последнее прибежище со своим «Наутилусом» постаревший капитан Немо. В финале выясняется, кто он такой: индийский принц Даккар, один из вождей восстания сипаев, жестоко подавленного англичанами, потомок султана Типу-саиба, правителя последнего независимого государства на юге Индии.

Типу-саиб — лицо историческое! — пытался вступить в союз с правительством Французской республики, был членом республиканского клуба и погиб в бою с англичанами в 1799 году.

---

¹ Сознательную неточность, дабы не вводить в искушение мальчишек, Жюль Верн допустил в описании изготовления пороха по рецепту Сайреса Смита.

Капитан Немо, таинственный покровитель колонистов, с восхищением следивший за их деятельностью, осуждает себя за индивидуализм и отрешенность от мира. В предсмертной исповеди он говорит Сайресу Смит: «Уединение, одиночество — вещь тяжелая, превышающая человеческие силы. Я умираю потому, что думал, что можно жить в одиночестве».

Он умирает на страницах «Таинственного острова», но продолжает жить и сражаться в романе «Двадцать тысяч лье под водой».

Благодеяния Немо и его исповедь — здесь автор акцентирует свою главную мысль — соединяют «Таинственный остров» со вторым томом трилогии.

Будущее принадлежит таким людям, как Сайрес Смит и его товарищи.

Созидательный труд должен быть не только обязанностью, но и естественной потребностью человека. Люди сильны только в коллективе. Тот, кто хочет жить и бороться в одиночку, пусть даже и за правое дело, обречен на гибель. К таким выводам приводит читателей Жюль Верн.

В эпилоге романа колонисты, после благополучного возвращения в Америку, покупают участок земли в штате Айова и основывают на тех же началах новую трудовую общину — островок свободной земли среди океана земель, подчиненных капиталистическому господству. «Под руководством инженера и его товарищей колония процветала», — сообщает автор. Поверить ему на слово? Ведь деятельность колонистов в штате Айова выходит за рамки повествования!

Республиканец 1848 года, Жюль Верн вырос на идеях Сен-Симона, Фурье, Кабе, теоретиков и глашатаев утопического социализма, мечтавших о создании совершенного общества мирным путем, без пролития крови, минуя неизбежную революцию.

Роман Этьена Кабе «Путешествие в Икарию» (1842) благодаря легкости и занимательности изложения стал своего рода евангелием для многих тысяч людей, считавших, как и Кабе, что коммунизм можно осуществить путем наглядной пропаганды. Достаточно только создать несколько образцовых общин, чтобы пример оказался заразительным и образовалось «икарийское» государство. Пытаясь претворить свои планы в жизнь, Кабе наберевал сторонников среди французских рабочих и отправился с ними за океан. В 1848 году он основал в Техасе первую общину.

Позднее возникло еще несколько подобных же коммунистических общин, но враждебное окружение, внутренние неурядицы, слабая производительность труда в условиях полунатурального хозяйства показали несостоятельность этого социального эксперимента.

Кабе и его последователи убедились на собственном опыте, что при господствующем капиталистическом строе частичные коммунистические преобразования обречены на провал. Последняя икарийская коммуна распалась в 1895 году, хотя Этьена Кабе давно уже не было в живых.

«Путешествие в Икарию» подействовало на воображение Жюль Верна. Во многих романах, и прежде всего в «Таинственном острове», он описывает деятельность трудовых колоний, основанных, по су-

ществу, на тех же «икарийских» принципах. Но при этом Жюль Верн старался оградить своих героев от тех неотвратимых неудач, которые терпели икарийцы.

Не потому ли утопические трудовые общины существуют в его романах только на необитаемых островах или... в межпланетном пространстве («Гектор Сервадак»)?

И все же в области социальной фантастики Этьен Кабе был непосредственным предшественником и учителем автора «Необыкновенных путешествий».

На первое место Жюль Верн выдвигал научный прогресс, видя в нем с высоты своих творческих достижений панацею для всего человечества.

И только позднее он сделал для себя решающий вывод в переломном романе «Робур-Завоеватель» (1886): «Успехи науки не должны обгонять совершенствования нравов».

Безупречная нравственность героев «Тайнственного острова», разумно использующих науку ради общего блага, создающих с ее помощью трудовую коммуну, делает их новыми людьми, людьми будущего, во многом близкими идеалам нашего времени.

БОРЬБА ЗА СКОРОСТЬ

В семидесятых годах автор «Необыкновенных путешествий» достигает зенита прижизненной славы. Редкостный, почти небывалый успех выпал на долю «Вокруг света в восемьдесят дней» и «Михаила Строгова», а также пьес-феерий, поставленных по этим романам.

Замысел первого, как утверждают биографы, был навеян статьей в журнале «Живописное обозрение», появившейся в 1870 году, вскоре после торжественного открытия Суэцкого канала, значительно сократившего путь из европейских морей в Индийский и Тихий океаны.

В статье доказывалась возможность кругосветного путешествия именно за восемьдесят дней, если к услугам путешественника будут хорошие транспортные средства и ему не придется потратить на ожидание ни одного лишнего часа.

Практическая трудность заключалась лишь в том, что расписание железнодорожных и паровозных линий не было приспособлено к такому жесткому лимиту времени.

Жюль Верн тщательно проверил расчеты и пришел к выводу, что даже в пределах установленного срока путешественнику можно дать фору — день или два на всякие непредвиденные задержки. А главное, автор статьи почему-то упустил из виду потерю или выигрыш одних суток в зависимости от взятого направления — тот самый географический парадокс, на котором построена новелла американского романтика Эдгара По «Три воскресенья на одной неделе».

Жюлю Верну такие вещи были хорошо известны.

Несколько лет назад он сам же комментировал эту новеллу в своем очерке «Эдгар По и его сочинения» (1864): «Для трех человек на одной неделе может быть три воскресных дня в том случае, если первый совершит кругосветное путешествие, выехав из Лондона (или любого другого пункта) с запада на восток, второй — с востока на запад, а третий останется на месте. Встретившись снова, они с удивлением узнают, что для первого воскресенье было вчера, для второго наступит завтра, а для третьего оно — сегодня».

Воображение заработало и сюжет сложился.

«В редкие часы досуга я готовлю рассказ о путешествии, проде-

Филеас Фогг заключает пари в лондонском Реформ-клубе. Роман «Вокруг света в восемьдесят дней». Художник А. де Невиль.

ланном с максимальной быстротой, какая только возможна в наше время», — сообщил он отцу в октябре 1871 года. Писатель готовился к переезду в Амьен и занят был другими работами. Но книга, написанная «в часы досуга», оказалась шедевром — одним из лучших творений Жюль Верна.

В течение полутора месяцев, с 6 ноября по 22 декабря 1872 года, роман «Вокруг света в восемьдесят дней» печатался в парижской газете «Ле Тан».

Путешественник выехал из Лондона в среду 2 октября 1872 года и, как было обусловлено, вернулся в Реформ-клуб в субботу 21 декабря в 8 часов, 44 минуты, 50 секунд вечера — за десять секунд до истечения срока.

А на следующее утро вышел воскресный номер «Ле Тан» (от 22 декабря) с последними главами романа...

По мере того как Филеас Фогг в сопровождении разбитного слуги Паспарту, индианки Ауды и бдительного сыщика Фикса продвигался все дальше по своему маршруту, интерес читателей неудержимо возрастал вместе с тиражом газеты. «Ле Тан» раскупали нарасхват. Взмывленные разносчики то и дело прибегали в типографию за новыми пачками газеты.

Филеас Фогг, главный герой романа «Вокруг света в восемьдесят дней». Художник А. де Невиль.

Парижане, затаив дыхание, следили за перипетиями стремительного путешествия, не подозревая «научного фокуса» в последней главе.

Эксцентричный англичанин, взявшийся на пари объехать земной шар за восемьдесят дней (еще недавно, до открытия Суэцкого канала, на это уходило почти полгода), использует все виды транспорта, вплоть до импровизированного буера (сани под парусом).

Путешественнику дорога каждая минута, но он доказывает благородство души, задерживаясь на целые сутки ради спасения овдовевшей женщины, которую фанатики индусы собираются возвести на погребальный костер.

Фикс должен ему помешать, остановить на подвластных Британии территориях продвижение мнимого преступника, которого принимает за вора, ограбившего лондонский банк.

В ожидании ордера на арест (почта из Лондона не торопится), сыщик завлекает в таверну и опаивает опиумом Жана Паспарту, чтобы тот не успел предупредить Фогга об отплытии пакетбота Гонконг—Сан-Франциско (не на следующее утро, как было объявлено, а в тот же вечер). Опоздав и не найдя слугу, Филеас Фогг отправляется на лоцман-

Слуга Филеаса Фогга находчивый француз Жан Паспарту. «Вокруг света в восемьдесят дней». Художник А. де Невиль.

ской шхуне в Йокогаму, надеясь в японском порту поспеть на пароход в Сан-Франциско.

Любая помеха — трата драгоценного времени. Чем больше препятствий, тем напряженней сюжет.

По мере приближения неумолимого срока, действие становится все более драматичным.

Темп нарастает с каждой главой. Динамика доведена до предела. Для географических описаний и рассуждений на научные темы у автора почти не остается ни места, ни времени.

Между тем американские репортеры ежедневно сообщали по телеграфу в Нью-Йорк, где находится сегодня Филеас Фогг и какое ему встретилось очередное препятствие. Когда сенсационное путешествие стало приближаться к концу и Фоггу оставалось лишь пересечь Атлантику, американская судоходная компания предложила Жюль Верну круглую сумму с тем, чтобы его герой отправился из Нью-Йорка в Лондон на одном из комфортабельных пароходов, принадлежащих этой компании. Но Жюль Верн не согласился поставить перо на службу рекламе.

Филеас Фогг, не дожидаясь рейсового судна, нанимает пароход «Генриетту», а затем, убедившись, что не хватит топлива, щедро

возмещает судовладельцу ущерб, сжигая в паровом котле деревянные переборки и палубу.

И вот он уже близок к цели. Сыщик Фикс, как только они сошли в Ливерпуле, применяет превентивный арест — до выяснения личности.

Казалось бы, все потеряно.

Истекают последние часы. И затем ошеломительный поворот действия. Ложная развязка сменяется настоящей. Фикс выясняет свою ошибку, и невозмутимый Филеас Фогг, узнав буквально в последнюю минуту о счастливо «найденном» дне, вовремя поспевает в Реформ-клуб...

В беседе с одним журналистом Жюль Верн так объяснил свой замысел: «Я обратил внимание на тот факт, что в настоящее время вполне возможно объехать вокруг света за восемьдесят дней, и мне тотчас же пришло в голову, что, воспользовавшись разницей меридианов, путешественник может либо выиграть, либо потерять один день в зависимости от того, поедет ли он против солнца или навстречу солнцу... Может быть, вы припомните, что мой герой Филеас Фогг благодаря этому обстоятельству прибыл домой, выиграв пари, вместо того, чтобы потерять один день, как это ему казалось».

Неожиданный финал романа с «находкой» двадцати четырех часов у многих вызвал недоумение. Научная сторона замысла раскрылась лишь на последних страницах. Автор произведения, редакция «Ле Тан» и Парижское географическое общество стали получать запросы: почему на сто восьмидесятом меридиане путешественники должны прибавлять или убавлять один день? Почему условная линия разграничений и перемены чисел не исключает недоразумений? Какие возникают помехи от несогласованности в международном счете времени?

И тому подобное.

Еще в начале работы над «Необыкновенными путешествиями» Жюль Верн по рекомендации профессора Вивьена де Сен-Мартена был избран действительным членом Парижского географического общества.

Естественно, что письма читателей были переправлены в Амьен, и президент Географического общества попросил писателя выступить по затронутым вопросам.

Об этом вскользь упоминают биографы Жюля Верна.

Значит, подумал я, в трудах Парижского географического общества могут оказаться какие-нибудь неизвестные сведения.

И действительно, просмотр бюллетеней подтвердил догадку: нашлись не только подробные отзывы на географические труды писателя («Иллюстрированная география Франции», «История великих путешествий и великих путешественников»), но и текст сообщения, не зарегистрированного ни в одном из опубликованных списков сочинений Жюля Верна ¹.

4 апреля 1873 года он выступил на открытом заседании

---

¹ Мой очерк с переводом сообщения Жюля Верна был опубликован в 1959 г. в альманахе «Хочу все знать».

Парижского географического общества с докладом «Меридианы и календарь». По сути, это комментарий к роману, сделанный самим автором.

— Дело идет, — сказал писатель, — о довольно странном положении, которым воспользовался Эдгар По в новелле под заглавием «Три воскресенья на одной неделе». Дело идет о положении, в котором оказываются люди, совершающие кругосветное путешествие, отправляясь на восток или на запад. В первом случае, вернувшись к пункту отправления, они выигрывают день, во втором — теряют.

«Действительно, — писал я, — продвигаясь на восток, Филеас Фогг шел навстречу солнцу, и, следовательно, дни для него столько раз уменьшались на четыре минуты, сколько градусов он проезжал в этом направлении. Так как окружность земного шара делится на триста шестьдесят градусов, то эти триста шестьдесят градусов, умноженные на четыре минуты, дают ровно двадцать четыре часа, то есть сутки, которые и выиграл Филеас Фогг. Иначе говоря, в то время как Филеас Фогг, двигаясь на восток, видел восемьдесят раз прохождение солнца через меридиан, его коллеги, оставшиеся в Лондоне, видели только семьдесят девять таких прохождений»¹.

Таким образом, вопрос поставлен, и мне достаточно будет резюмировать его в нескольких словах.

Каждый раз, когда совершают кругосветное путешествие, направляясь к востоку, выигрывают один день.

Каждый раз, когда совершают кругосветное путешествие, направляясь к западу, теряют один день, то есть двадцать четыре часа, которые солнце в своем видимом движении употребляет на то, чтобы обогнуть земной шар, и это случается неизбежно, сколько бы времени ни было затрачено на переезд.

Результат этот до такой степени действителен, что морская администрация выдает добавочный дневной рацион судам, которые, отправляясь из Европы, огибают мыс Доброй Надежды, и, напротив, удерживает дневной рацион у тех, которые огибают мыс Горн.

Отсюда можно сделать нелепое заключение, будто моряков, отправляющихся к востоку, кормят лучше, нежели тех, которые отправляются к западу. И действительно, когда все они, прожив одинаковое количество минут, возвратятся к пункту отправления, то окажется, что одни позавтракали, пообедали и поужинали лишний раз сравнительно с другими. На это дадут ответ, что они проработали лишний день. Бесспорно, но ведь они и прожили больше!

Итак, очевидно, что на каком-нибудь пункте земного шара должна совершаться перемена даты вследствие потери или выигрыша одного дня, в зависимости от взятого направления. Благодаря тому, что один день выигрывается к востоку и теряется к западу, возникло недоразумение, длившееся очень долго.

---

¹ «Вокруг света в восемьдесят дней», гл. 37. См.: Ж. Верн. Собрание сочинений в 12-ти томах, т. 6, М., 1956, с. 223—224.

Первые (европейские. — *Евг. Б.*) мореплаватели навязали, конечно, бессознательно свой календарь новым странам. Вообще же дни исчислялись в зависимости от того, открывали ли земли с востока или с запада.

Так, в течение многих столетий в Кантоне считали исходной датой прибытие Марко Поло, а на Филиппинских островах — прибытие Магеллана.

Следует добавить, что на практике давно уже принят уравнильный меридиан, а именно — сто восьмидесятый, считая от нулевого меридиана, по которому ставятся судовые хронометры, то есть Гринвичского — для Великобритании, Парижского — для Франции, Вашингтонского — для Соединенных Штатов...

Вот почему капитан корабля имеет обыкновение менять дату в судовом журнале при пересечении сто восьмидесятого меридиана, прибавляя или уменьшая один день, смотря по направлению, в котором он движется; но капитан, возвращающийся назад после пересечения этого меридиана, не меняет даты, и потому могут и должны быть встречи капитанов, считающих разные числа.

Далее, отвлекаясь от практических возможностей своего времени, Жюль Верн высказывает фантастическое предположение, которое в наши дни стало уже очевидным фактом. Речь идет о такой скорости движения, когда солнце будет сохранять для путешественника неизменное положение на небосклоне, и на всех остановках местные часы будут показывать одинаковое время. Нечто подобное наблюдают пилоты и пассажиры реактивных самолетов, покрывающих большие трассы.

Выступление Жюля Верна в Географическом обществе вызвало печатные отклики. Правительственная газета «Монитор» (от 23 апреля 1873 г.) дала официальное разъяснение, какие меры собирается принять Бюро долгот, чтобы окончательно урегулировать международный счет времени и добиться согласованности с другими странами.

В 1884 году была созвана международная конференция. Было решено ввести так называемое *п о я с н о е в р е м я*. Поверхность земного шара условно разделили на 24 меридианальных пояса. В пределах каждого пояса с тех пор ведется одинаковый счет времени с расхождением в один час по сравнению с предыдущим или последующим поясом (к востоку — больше на час, к западу — меньше на час). Нулевым меридианом решили принять Гринвичский — начальный для отсчета долгот.

Блистательный приключенческий роман, в котором поэтизируются достижения техники, вызвал не одну попытку сначала достигнуть, а потом перекрыть рекорд Филеаса Фогга.

В 1889 году молодая американка Нелли Блай проделала кругосветное путешествие за семьдесят два дня.

Жюль Верн приветствовал ее телеграммой: «Я не сомневался в успехе мисс Нелли Блай. Она доказала свое упорство и мужество. Ура в ее честь!»

Не довольствуясь этим рекордом, в 1891 году она еще два раза объехала вокруг света — за шестьдесят семь и шестьдесят шесть дней, после чего итальянец Улис Грифони написал роман «Вокруг света в тридцать дней», в котором Филеас Фогг умирает от огорчения, узнав, что некий американец больше чем в два раза превысил его рекорд.

В 1901 году, когда была введена большая часть Великой Сибирской магистрали, французский журналист Гастон Стиглер совершил кругосветное путешествие в шестьдесят три дня. На обратном пути он встретился на амьенском вокзале с Жюлем Верном.

Писатель обратился к нему с шутливым вопросом:

— Почему я не вижу с вами миссис Ауды? Разве вы не захватили ее с собой?

— Действительность ниже воображения, — ответил путешественник.

В XIX веке деловитые американцы пустили в обращение поговорку «время — деньги». Развитие промышленности и торговли привело к улучшению транспорта. Механическая тяга увеличила быстроту передвижения. Экспрессы и пароходы «сокращали» расстояния. Борьба за скорость стала знаменем века. «Вокруг света в восемьдесят дней» — апофеоз скорости. Вот почему роман Жюль Верна оказался таким злободневным — имел для современников не только художественно-познавательное, но и в известном смысле практическое значение.

ГОЛОСА ИЗ РОССИИ

I. ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

В каждой стране появлялся «свой» Жюль Верн. Итальянский чем-то отличался от испанского, немецкий — от шведского, американский — от английского, и так далее. В России его романы попали на благодатную почву. После отмены крепостного права передовые люди шестидесятых годов видели в нем прежде всего просветителя, пропагандиста естественнонаучных идей.

М. Е. Салтыков-Щедрин в рецензии на первый переведенный роман «Воздушное путешествие через Африку» («Пять недель на воздушном шаре») тогда еще неведомого «Юлия Верна» отметил познавательную ценность произведения, настолько полезного для юных читателей, что даже рекомендовал его как «настоящую книгу» («Современник», 1864, январь — февраль).

Следующий роман «Путешествие к центру Земли», изданный в 1865 году, также был встречен благожелательным отзывом «Современника». Рецензент одобрил искусство автора популяризировать научные знания в форме увлекательного фантастического повествования. Напомним, что герою этой книги профессору Лиденброку принадлежит смелое изречение: «Все чудеса природы, как бы необыкновенны они ни были, всегда объясняются физическими причинами».

Совсем иначе отнеслась к этому роману петербургская газета «Голос» (от 16 марта 1866 г.), осудившая «Путешествие к центру Земли» за пропаганду материализма «в духе Базаровых, Лопуховых и компании». Вскоре последовал циркуляр министра внутренних дел П. А. Валуева об изъятии этой «весьма безнравственной по своей тенденции» книги из ученических библиотек.

Однако настроенное отношение к французскому писателю в официальных кругах не могло остановить все разраставшегося спроса на его сочинения. Его романы ежегодно продолжали выходить в новых изданиях и переводах, вызывая оживленные отклики не только в столичной, но и в провинциальной печати. Рецензии печатались даже в таких газетах, как «Бессарабские ведомости» или «Астраханский листок». Широкому распространению книг Жюль Верна среди русских читателей способствовали переводы, выполненные известной писательницей Марко Вовчок (псевдоним Марии Александровны Маркович,

Марко Вовчок (Мария Александровна Маркович). Классик украинской литературы и видная русская писательница 1860 — 70-х годов. Переводчица романов Жюль Верна.

1833—1907). Она писала на трех языках — украинском, русском, французском — и перевела на русский язык десятки книг иностранных авторов, писавших в основном для детей и юношества ¹.

В шестидесятых годах Марко Вовчок жила в Париже. Тургенев познакомил ее с Этцелем. Знакомство вскоре перешло в дружбу. В течение многих лет она активно сотрудничала в «Журнале воспитания и развлечения», печатая там свои рассказы, написанные на французском языке или переведенные с украинского и русского. Некоторые из сказок Марко Вовчок Этцель выпустил отдельными книжками и напечатал в своей обработке ее повесть из украинской жизни «Маруся», выдержавшую во Франции до нашего времени сто изданий.

Перед возвращением писательницы в Петербург Этцель предложил ей право на авторизованные переводы романов Жюль Верна и обещал предоставить привилегию на издание его книг какому-нибудь солидному издателю, который вступит с ним в деловые отношения. Жюль Верн горячо поддержал инициативу Этцеля, заявив своему другу-издателю, что полностью доверяет «этой умной, интеллигентной, образованной женщине, тонко чувствующей и превосходно знающей французский язык».

---

¹ О том, как русская женщина стала классиком украинской литературы, рассказано в моей книге «Сила молодая. Повесть о писательнице Марко Вовчок» (Л., «Детская литература», 1972).

Как и все демократы-шестидесятники, Марко Вовчок увлекалась естественнонаучными идеями. Об этом говорит ее совместная работа с Д. И. Писаревым над переводами книг Брема и Дарвина, а также содержание выходившего под ее редакцией журнала «Переводы лучших иностранных писателей». Понятно, что предложение Этцеля не могло ее не заинтересовать, тем более что «Необыкновенные путешествия» она читала с восторгом. Этцель сделал Марию Александровну своей представительницей в Петербурге и заключил договор с издателем Звонаревым, связанным с Некрасовым и «Отечественными записками». Гранки очередного романа, пока он постепенно печатался в «Журнале воспитания и развлечения», а также клише иллюстраций Этцель отправлял в Петербург, и роман в переводе Марко Вовчка появлялся на русском языке почти одновременно с подлинником.

С 1867 по 1877 годы она перевела четырнадцать романов, сборник повестей и рассказов и научно-популярный географический труд «Знаменитые исследователи и путешественники» — большую часть из того, что Жюль Верн успел написать с начала его союза с Этцелем.

По тому времени это были самые лучшие русские издания книг Жюль Верна — и по качеству переводов, и по художественному оформлению. Переводы Марко Вовчка доносили до читателей легкость и живость жюль-верновского слога и его жизнерадостный французский юмор. И все-таки в этих хороших переводах было немало отступлений и пропусков.

Позднее сама переводчица так охарактеризовала свою работу: «...с благословения Верна его издатель Этцель предоставил М. Вовчку как переводы, так и переделки, сокращения и вставки, которых в переводах имеется немало, — например, длинноты перечней различных флор, фаун и т. п. переделаны в разговорную форму».

Деятельность Марко Вовчка как переводчицы и пропагандиста произведений Жюль Верна — яркая страница в истории русско-французских литературных и книгоиздательских связей.

II. ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Точно так же, как для истории должен быть возбужден исторический интерес, для изучения географии должен быть возбужден географический интерес. Географический же интерес, по моим наблюдениям и опыту, возбуждается или знаниями естественных наук, или путешествиями... Путешествия для географии большей частью служат первым шагом к изучению науки.

Л. Н. Толстой

Казалось бы, трудно найти двух более несхожих писателей, чем Толстой и Жюль Верн. Великий реалист и великий фантаст. Неистовый обличитель зла и певец научных дерзаний...

И все-таки противоположности в чем-то сходятся. Не будь никаких

точек соприкосновения, вряд ли гения русской литературы заинтересовали бы сочинения французского романиста.

При всем различии исходных позиций, сближает их пытливость ума, огромная начитанность в научной литературе, склонность к гипотезам, стремление проникнуть в тайны природы, сделать науку достоянием масс, приобщать читателей к знаниям в живом, доходчивом, художественном изложении.

«Образование, — писал Толстой, — есть потребность всякого человека... Образование на деле и в книге не может быть насильственным и должно доставлять наслаждение учащимся». Писать для них нужно «понятно и занимательно», «ясно и красиво».

Тех же взглядов придерживался Жюль Верн и претворял их в романах. Толстой осуществлял свои педагогические принципы, обучая крестьянских детей и упорно, на протяжении пятнадцати лет работая над «Азбукой», «Новой азбукой» и «Русскими книгами для чтения». Была прочитана громада книг. Написано для детей более 600 (!) рассказов и очерков. Из них 133 — на естественнонаучные темы. «Эта азбука, — сетовал Толстой, — одна может дать работы на 100 лет. Для нее нужно знание греческой, индийской, арабской литературы, нужны все естественные науки, астрономия, физика»¹. Отсюда и его занятия химией, математикой, механикой, историей, ботаникой, зоологией, этнографией...

Именно в этот период Толстой заметил Жюля Верна. Пристальный интерес к «Необыкновенным путешествиям» отразился в его дневниках и письмах, в рекомендательных списках и других подготовительных материалах к кругам детского чтения, а также в мемуарах близких ему людей. Он считал «путешествия» Жюля Верна во всех отношениях полезными и как опытный воспитатель читал или пересказывал собственным детям, соединяя беседу с игрой, поучение с развлечением.

В 1870-х годах, кроме «Вокруг Луны», он прочитал им вслух «Двадцать тысяч лье под водой», «Дети капитана Гранта», «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке», «Вокруг света в восемьдесят дней». Перечень книг мы находим в воспоминаниях сыновей Толстого — Ильи и Сергея. Однако в библиотеке Ясной Поляны сохранились и другие романы (преимущественно в первых этцелевских изданиях), которые, по-видимому, тоже были известны Толстому: «Путешествие и приключения капитана Гаттераса», «Путешествие к центру Земли», «Плавающий город», «В стране мехов», «Таинственный остров», сборник повестей и рассказов «Доктор Окс».

В 90-х годах, когда появились младшие дети, Толстой в свободные часы снова взялся за «Необыкновенные путешествия» — либо читал им сам, либо руководил чтением. «...Сейчас Саша с Ванечкой, — писал он в Москву жене, — рассматривали карту мира и узнавали, где Патагония, в которую поехали дети кап. Гранта». И спустя несколько дней, 19 сентября 1894 года: «Чтение Детей капитана Гранта продолжает иметь большой успех: участвует и няня и я иногда». О том, что книги Жюля Верна вошли в систему домашнего воспитания юного по-

---

¹ По замыслу Толстого его «Азбука» — первоначальный свод знаний, изложенных в форме коротких рассказов, притч, басен и так далее.

колениа семьи Толстых, свидетельствует и дневник Софьи Андреевны: «Читала утром Саше и Ване вслух «80 000 верст под водою» Верна. Говорю им: «Это трудно, вы не понимаете». А Ваня мне говорит: «Ничего, мама, читай, ты увидишь, как мы от этого и от «Дети капитана Гранта» поумнеем».

Особенно посчастливилось «Вокруг света в восемьдесят дней»: Остросюжетный, парадоксальный роман Толстому глубоко запал в память. Не будучи художником, он сам его иллюстрировал, включил в один из набросков тем для изложения в «Новой азбуке» и под конец жизни снова упомянул в записной книжке (в мае 1907 года). В это время он вернулся к преподаванию в яснополянской школе и решил составить для внуков своих первых учеников новый круг детского чтения с пересказами полюбившихся книг.

Примечательны иллюстрации, о которых вспоминают сыновья Толстого.

«В продолжение учебного года (1875—1876) отец по вечерам читал нам путешествие Жюль Верна «80 дней вокруг света». Книга, по которой он читал, не была иллюстрирована, и он сам чертил к ней иллюстрации, приводившие нас в восторг. Рисовал он довольно плохо, но у него бывали характерные штрихи. Мы очень любили эти рисунки отца и с нетерпением ждали следующего вечера. Вопрос — выиграет ли мистер Фогг свое пари или нет — сильно нас интересовал...» — вспоминает Сергей Львович. А вот отрывок из воспоминаний Ильи Львовича:

«Каждый день он готовил к вечеру подходящие рисунки, и они были настолько интересны, что нравились нам гораздо больше, чем те иллюстрации, которые были в остальных книгах. Я как сейчас помню один из рисунков, где изображена какая-то буддийская богиня с несколькими головами, украшенными змеями, фантастическая и страшная. Отец совсем не умел рисовать, а все-таки выходило хорошо, и мы были страшно довольны. Мы с нетерпением ждали вечера и всей кучей лезли к нему через круглый стол, когда, дойдя до места, которое он иллюстрировал, он прерывал чтение и вытаскивал из-под книги свою картинку».

Рисунки действительно любительские. Они выполнены на листках разного формата простейшими изобразительными средствами: наброски пером, черными чернилами, некоторые со следами карандашного контура. Для иллюстрирования выбирались «игровые» эпизоды, чаще комические сценки. Но уловлены и моменты драматические. Выразительность достигается скупыми штрихами и явно приноровлена к детскому восприятию: схватить и передать самое существенное. По манере картинки предвосхищают так называемые «рисованные полосы» (смешные истории в рисунках), получившие распространение в XX веке.

Л. Н. Толстой — иллюстратор романа Жюль Верна — охарактеризован в статье искусствоведа П. Эттингера: «Рисунки в целом... далеки от всякого профессионализма. Но в них сказывается несомненный композиционный дар, умение создавать образ. Очень хорошо выдержан типаж ведущих лиц романа. Это живые люди, экспрессия которых соответствующе меняется в различные моменты захватывающих перипетий повествования. Главного героя, невозможного Филеаса Фогга...

Жюль Верн описывает как джентльмена с усами и бакенбардами. У Толстого Фогг представлен без таковых, и они заменены бородкой клинышком. Благодаря ей англичанин Фогг скорее похож на предприимчивого янки, как его обычно рисуют в карикатурах. Очень убедительно и живописно повсюду рисуется сангвиничный француз Паспарту с его улыбающимся круглым лицом, вздернутым носом и густой шевелюрой. Менее выразительно, пожалуй, вышли сыщик Фикс и спасенная от сожжения на костре миссис Ауда — вдова индийского раджи...»

И дальше: «Толстой не побоялся сложных многофигурных композиций: он изображает свалку во время предвыборного митинга в Сан-Франциско, так сатирически трактованного Жюлем Верном, нападение индейцев сиу на экспресс «Тихоокеанской железной дороги», особенно же ему удалось показать страшную сцену, когда стая степных волков устремляется на парусные сани с четверкой главных персонажей. При всем примитивизме эта иллюстрация полна настоящего драматизма».

И еще одно наблюдение: «Конечно, Лев Николаевич не умел рисовать, как профессионал, а выходило все же хорошо потому, что он остро чувствовал и особенность текста и детские требования к иллюстрации. Скромными средствами он остро сумел передать свои впечатления от романа Жюль Верна».

Уцелела далеко не вся серия (например, буддийская богиня отсутствует). Из 17 иллюстраций, хранящихся в фондах музея Л. Н. Толстого, рукою Льва Николаевича сделано доподлинно 13 рисунков. Две картинки с его исправлениями нарисованы С. А. Толстой, и еще две, совсем неудачные, — лицом неустановленным. Рисунки не нумерованы. Поэтому я решил их расположить и дать пояснения в той последовательности, как они выполнялись Львом Николаевичем, — в соответствии с развитием действия в романе Жюль Верна.

ИЛЛЮСТРАЦИИ Л. Н. ТОЛСТОГО
 К РОМАНУ «ВОКРУГ СВЕТА В ВОСЕМЬДЕСЯТ ДНЕЙ»

2 октября 1872 года Филеас Фогг (крайний справа на стуле) со своими постоянными партнерами по висту в момент, когда он заключает пари: «Я должен вернуться в Лондон, в этот самый зал Реформ-клуба, в субботу, двадцать первого декабря, в восемь часов сорок пять минут вечера». На рисунке ошибочно написано: «...в восемь часов сорок минут».

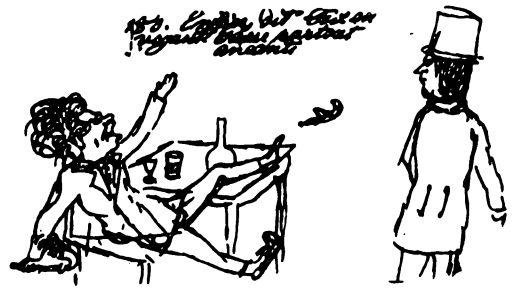
В Бомбее, не зная местных обычаев, Паспарту зашел обутым в пагоду. «И вдруг он был повержен на священные плиты пола. Три жреца с горящими яростью глазами набросились на Паспарту, повалили и, сорвав с него ботинки и носки, принялись колотить его... Сильный и ловкий француз мгновенно вскочил. Ударом кулака и пинком ноги он спих с ног двух противников, запутавшихся в своих длинных одеяниях...»

№ 21. *Préparant de main dans les poche de robe en fait toilette.*

Гонконг. «Паспарту, засунув руки в карманы, направился в порт (Виктория), глаза на паланкины — эти крытые носилки, еще не вышедшие из моды в Небесной империи, и с любопытством рассматривая толпы китайцев, японцев и европейцев, наполнявших улицы».

Паспарту должен предупредить Фогга об отплытии парохода из Гонконга не на следующее утро, как предполагалось, а в этот же день в восемь часов вечера. Но сыщик завлекает слугу в таверну и незаметно спавает опиумом. Подпись на рисунке: «Наконец-то! — сказал Фикс, глядя на неподвижного Паспарту».

Опоздав на пароход и не найдя Паспарту, Филеас Фогг нанимает лоцманскую шхуну, чтобы быстрее попасть в Иокогаму и немедленно пересесть на пароход в Сан-Франциско. Буря задерживает шхуну. Тем временем приближается американский пакетбот, идущий в Иокогаму. Шхуна подает сигналы бедствия, и путешественников принимают на борт.

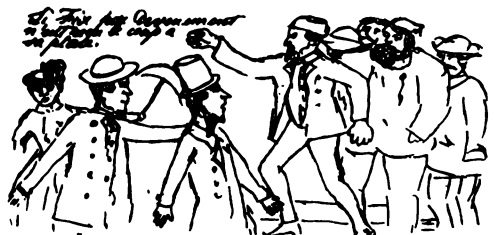
«— Огонь! — командовал мистер Фогг. И звук выстрела маленькой бронзовой пушки разнесся в воздухе».

Паспарту, добравшись до Иокогамы на пароходе «Карнатик», том самом, на который по его вине опоздал Фогг, узнает, что владелец бродячего цирка «Длинные носы» собирается со своей труппой в Сан-Франциско. Паспарту нанимается акробатом и на первом же представлении встречает Фогга с Аудой, зашедших в балаган перед отплытием парохода. На рисунке изображен Паспарту, завидевший афишу акробатической труппы, где написано по-английски «Большой аттракцион».

За пределами английских владений ордер на арест Фогга, с опозданием полученный сыщиком, теряет свою силу. Теперь Фикс заинтересован в быстрейшем продвижении Филеаса Фогга к берегам Англии и старается охранять его. Свалка на избирательном митинге в Сан-Франциско, где должны были выбрать мирового судью. Путешественники очутились в разъяренной толпе. «Здоровенный широкоплечий мужчина с рыжей бородой и багровым лицом, как видно, предводитель этой банды, занес свои страшные кулаки над мистером Фоггом, и нашему джентльмену пришлось бы худо, если бы не Фикс, который самоотверженно принял предназначенный для другого удар».

Оборванные и помятые путешественники выбираются из толпы. Цилиндр Фикса превратился в берет, пальто было разорвано на две неравные части. От костюма Филеаса Фогга остались одни лохмотья.

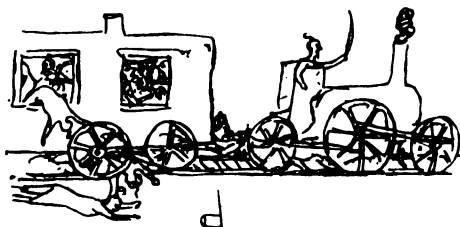
«— Благодарю вас, — сказал мистер Фогг сыщюку...»

— Не за что, — ответил Фикс, — но идите!

— Куда?

— В магазин готового платья».

Вывеска и фамилия владельца конфекциона «Tailor's shop» придуманы на картинке для наглядности.

На пути в Нью-Йорк. Нападение индейцев сию на поезд Тихоокеанской железной дороги. Паспарту, ловко пробравшись под вагонами, отцепляет локомотив, которым овладели индейцы. Изображены с хохолком на голове (как и один из священников в буддийском храме на рис. 2) — нарочито упрощенный признак чужеземной экзотики.

Нападение индейцев отбито, но путешественники, которым дорога каждая минута, застревают на промежуточной станции: Филеас Фогг с отрядом солдат выручает попавшего в плен Паспарту, а затем нанимает сани под парусом, которые «при попутном ветре скользят по снежной равнине с такой же, если не с большей скоростью, как курьерский поезд». «...Изредка койоты, голодные и худые, бросались в погоню за санями, надеясь чем-нибудь поживиться... Если бы с санями что-нибудь случилось, путешественникам, подвергшимся нападению этих свирепых хищников, пришлось бы плохо. Но сани держались крепко, стремительно мчались вперед, и скоро стая воющих зверей осталась далеко позади». На рисунке этот эпизод экспрессивней, нежели в самом романе. Чувствуется меткий глаз, опыт и наблюдательность Толстого-охотника.

В Ливерпуле Фикс предъявляет ордер на арест и запирает Фогга до выяснения личности в полицейский пост на таможне. Потеряны последние часы, когда еще можно выиграть пари. Недоразумение вскоре выясняется, но, увы, уже поздно! Фикс отпускает его с извинениями.

«Филеас Фогг был свободен. Он подошел к сыщику. Пристально взглянув ему в лицо, он сделал первое и, вероятно, последнее быстрое движение в своей жизни: отвел обе руки назад и затем с точностью автомата ударил кулаками злосчастного сыщика.

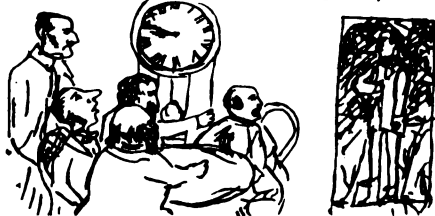
— Хороший удар, черт возьми! — воскликнул Паспарту...»

"Bien fait!" dit le Passpartout

За десять минут до истечения рокового срока Филеас Фогг узнает, что прибыл в Лондон на двадцать четыре часа раньше, чем предполагал, что сегодня... суббота, а не воскресенье. Он вскочил в киб и появился в Реформ-клубе 21 декабря в 8 часов 44 минуты 50 секунд вечера: «— Вот и я, господа! — произнес он спокойным голосом». Изображены те же партнеры Фогга по игре в вист, только в иных ракурсах.

«Je suis en avance! Réform-Club!»

О том, что еще можно успеть, предупредил его расторопный слуга: «Да, да, да! — закричал Паспарту. — Вы ошиблись на день. ...Но теперь остается только десять минут!...»

Эпизодом из финальной главы, где автор сообщает под занавес, как это удалось выяснить Паспарту и почему Филеас Фогг все-таки сумел выиграть пари, завершается серия рисунков.

ФЕЕРИИ

«Вокруг света в восемьдесят дней» Этцель признал бесподобным произведением и посоветовал превратить в пьесу. С рекомендательным письмом издателя к Жюлю Верну явился некто Кадоль. Якобы опытный драматург, он взялся сделать инсценировку, обещая сочетать в своей пьесе классические требования театра с новым динамичным сюжетом. Кадоль трудился три месяца, но работа не удовлетворила Жюля Верна: пьеса получилась вялой и скучной.

И тогда на горизонте возник действительно умелый инсценировщик Адольф Деннери, чьи сценические композиции популярных романов ставились во многих театрах. Жюль Верн вместе с ним удалился в Антиб, курортный городок возле Ниццы, и, работая вдвоем по двенадцать часов, через три недели привез готовую пьесу, которой заинтересовался крупнейший парижский театр Порт-Сен-Мартен. А между тем незадачливый Кадоль стал рассылать по редакциям газет открытые письма и предъявил писателю иск, требуя половины гонорара на том основании, что договор с ним не был расторгнут, а то, что его пьеса плохая, еще никем не доказано. Жюлю Верну ничего не стоило доказать вздорность этих претензий, но, чтобы избавиться себя от лишних хлопот, он добровольно уступил мнимому соавтору четвертую часть будущих поступлений, не подозревая, во что ему обойдется столь щедрая компенсация трехмесячной работы Кадоля.

Эффектная инсценировка «Вокруг света в восемьдесят дней» стала самым большим событием театрального сезона в 1874 году. Каждый вечер у боковой двери театра Порт-Сен-Мартен собирались толпы зевак, жаждавших увидеть, как проведут в стойло одного из участников феерического зрелища — огромного индийского слона, которому, по ядовитому замечанию Эмиля Золя, пьеса и была в первую очередь обязана своим баснословным успехом.

Феерические спектакли были в духе времени. Если на нью-йоркской сцене настоящие пожарные тушили настоящий пожар, то почему было не вывести на парижскую сцену настоящего живого слона?

Жюль Верн создал новый жанр приключенческо-географической пьесы, сопровождавшейся сценическими эффектами. Сам он нисколь-

Карикатура А. Жюля, отражающая грандиозный успех инсценировки.

ко не преувеличивал значения пьес-феерий, предоставляя в совместной работе, которой занимался между делом, главную инициативу Деннери.

Небывалый успех постановки «Вокруг света в восемьдесят дней» был прежде всего зрелищным и коммерческим. «Это такое представление, что глаз не отведешь», — писал своему сыну из Парижа Н. С. Лесков, приложив к письму красочную афишу театра Порт-Сен-Мартен.

Парижский корреспондент журнала «Отечественные записки» сообщал в своем отзыве, что пьеса Жюль Верна и Деннери — своего рода «сценическое нововведение, ряд этнографических картин, что-то вроде волшебной географической сказки, имеющей целью поучать, развлекая. К несчастью, — добавляет автор, — сотрудничество Деннери много ей повредило. Мелодрама, самая невероятная, очутилась на первом плане, а этнографическая обстановка, в которой часто даже не соблюден местный колорит, сделалась только ее рамкой. На сцене по волнам идет небольшой пароход, проходит целый поезд с локомотивом и вагонами... Кроме того, перед зрителями является живой слон. Наибольший восторг вызывают две сцены: внутренность грота, где находят убежище полчища змей, которые постепенно пробуждаются и начинают шипеть, и море во время бури. Буря постепенно стихает, из-за волн проступают маяки и дома Ливерпуля. На пьесу уже стали появляться пародии — несомненный признак успеха. На одном театре

После триумфальной премьеры спектакля по роману «Вокруг света в восемьдесят дней». Карикатура Альфреда Ле Пти.

дают «Путешествие вокруг света в восемьдесят минут», а на другом — «Путешествие вокруг света в восемьдесят ночей»... Несмотря на то, что представление тянется более пяти часов, смотрится спектакль без скуки («Отечественные записки», 1874, № 12. Хроника парижской жизни).

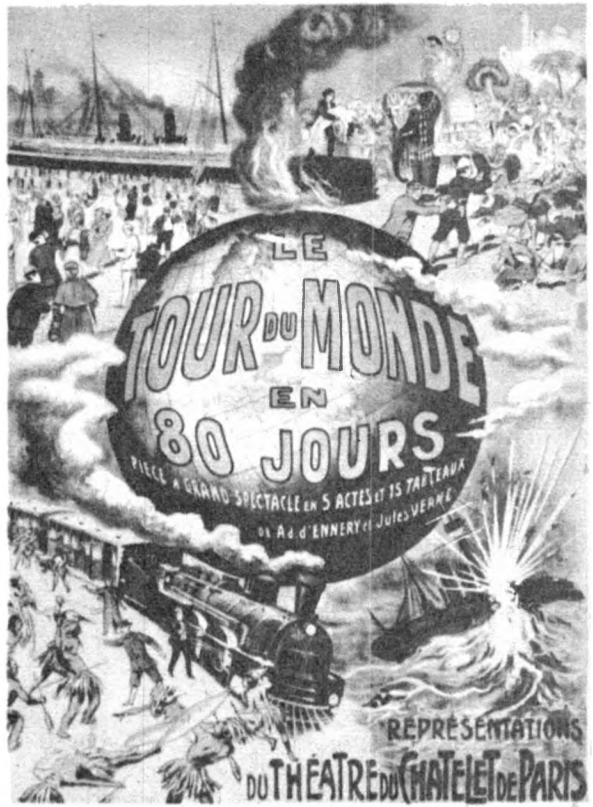
Действительно, идейный и художественный уровень подобных «пьес-феерий» намного уступал романам.

Инсценировка «Вокруг света в восемьдесят дней» выдержала в Порт-Сен-Мартен чetyреста представлений подряд, а затем давалась в течение многих месяцев в театре на Парижской выставке 1878 года, потом на сцене Шатле и так далее. На протяжении долгого времени эта пьеса не сходила со сцен столичных и провинциальных театров Европы и Америки. В одном только Париже с 1874 по 1938 год она была играна 2250 раз.

Почти такой же успех сопутствовал и сценической интерпретации романа «Михаил Строгов» в театре Шатле. Еще одно «Необыкновенное путешествие» с поистине необыкновенной судьбой!

Вопреки единодушному мнению французских критиков, эту книгу Жюль Верна мы никак не можем причислить к шедеврам. Несмотря на занимательность фабулы «путешествия от Москвы до Иркутска», этот знаменитый роман основан на псевдоисторических событиях и полон бытовых несуразностей, которые сразу же заметит любой русский читатель. Но писателя так увлек его замысел, что он отложил ради него начатую рукопись «Гектора Сервадака». «Я не могу думать ни о чем другом, — писал он Этцелю, — это великолепный сюжет!»;

Пьеса Деннери и Жюль Верна
«Вокруг света в восемьдесят
дней», возобновленная в па-
рижском театре Шатле.
Афиша.

«Я так погрузился в Сибирь, что не могу прервать работу ни на один день. Впрочем, мой роман скорее татарский и сибирский, чем русский».

Уже набранный текст Этцель решил показать И. С. Тургеневу и вскоре, 23 сентября 1875 года, получил ответ: «Мой дорогой друг, книга Верна неправдоподобна — но это неважно: она занимательна. Неправдоподобие заключается в нашествии бухарского хана на Сибирь в наши дни — это все равно, как если бы я захотел изобразить захват Франции Голландией».

И все же русский писатель одобрил произведение, проникнутое большой симпатией к его стране и народу, и к политическим ссыльным в Сибири. При этом Тургенев высказал два-три замечания, с которыми Жюль Верн посчитался, а затем, по просьбе Этцеля, устроил им обоим встречу с русским послом, князем Н. А. Орловым.

Прием романиста и издателя в русском посольстве состоялся ровно через два месяца. Посол не нашел в романе ничего «предосудительного» и все же посоветовал изменить заглавие. «Курьер царя» превратился в «Михаила Строгова». Но опасения, что в Петербурге книгу не пропустит цензура, полностью подтвердились. Русский перевод «Михаила Строгова» вышел из печати только в 1900 году и затем был включен в Собрание сочинений Жюль Верна, выпущенное после ре-

волюции 1905 года П. П. Сойкиным. Во Франции же этот роман выдержал сотни изданий, став своего рода «бестселлером».

Интрига держит читателя в напряжении от первой до последней страницы. Выдуманное восстание «туркестанских племен», в ходе которого они якобы захватывают часть Восточной Сибири, служит фоном для напряженного действия. Фельдъегерь Михаил Строгов, преодолев тысячи препятствий, прибывает в Иркутск, к генерал-губернатору, с личным посланием царя и в финале разоблачает предателя, возглавившего восстание кочевников.

В то же время почти безупречно географическое описание России на всем пути следования героя от Москвы до Иркутска — через Нижний Новгород с его прославленной ярмаркой, Казань, Пермь, Тюмень, Омск, Колывань, Томск, Красноярск и другие города. Жюль Верн хорошо знает специальную справочную литературу, правильно указывая даже самые захолустные села и посады, почтовые станции и перевалочные пункты, состояние проезжих дорог и объездные пути. Он дает также описание природы, рассказывает о населении и занятиях жителей. В этом смысле роман имел для французских читателей несомненную познавательную ценность. Французские школьники в течение многих десятилетий знакомились с географией России по «Михаилу Строгову».

Однако будь это только путеводитель, не было бы увлекательной книги. Привлекают в ней кроме сюжетных хитросплетений благородные мужественные герои — бесстрашный Михаил Строгов, которого не останавливают никакие преграды, обаятельная русская девушка Надя, отправившаяся в Сибирь на поиски отца, сосланного на пожизненную каторгу. Отец Нади, рижанин Василий Федоров, осужден за участие в тайной политической организации, а революционная деятельность, как известно, каралась в царской России сурово.

Нечего и говорить, что Надя после всех испытаний, выпавших на ее долю, все-таки находит отца, который, кстати, получает прощение за доблесть, проявленную в боях с «татарами», а Михаил Строгов, проделавший вместе с Надей значительную часть пути, обретает верную, любящую спутницу жизни.

Если «Вокруг света в восемьдесят дней» можно назвать апофеозом скорости, то «Михаила Строгова» с тем же основанием — апофеозом смелости. Смелость в соединении с благородством души — лучшие человеческие качества, которые отличают положительных героев Жюль Верна.

«Михаил Строгов», инсценированный в соавторстве с тем же Деннери, как и «Вокруг света в восемьдесят дней», обошел театры многих городов мира, а потом, разумеется, и киноэкраны — в качестве главного героя популярного фильма.

В соавторстве с тем же Адольфом Деннери Жюль Верн инсценировал «Детей капитана Гранта» и в 1881 году выпустил сборник из трех пьес «Путешествия в театре». Затем при его пассивном участии предприимчивый Деннери сочинил «Путешествие в невозможное», феерию для театра Порт-Сен-Мартен, где действуют доктор Окс, капитан Немо со своим «Наутилусом», Аксель из «Путешествия к центру Земли», учитель танцев из «Школы Робинзонов» и знаменитый Пу-

шечный клуб, соорудивший новую колоссальную пушку, которая переносит юного Жоржа, сына капитана Гаттераса, одержимого страстью к путешествиям, на планету Альтор. Там вечный праздник, музыка, танцы. На Альторе гребут бриллианты лопатой. И вдруг — взрыв! Все исчезает. Жорж пробуждается у себя дома. Всемогущий доктор Окс, сыгравший с ним злую шутку, возвращает его к действительности.

Спектакль сопровождался шумной рекламой, был обставлен пышными декорациями, небывалыми зрелищными эффектами. Текст «Путешествия в невозможное» до сих пор не разыскан. Судя по рецензиям и либретто, это была не слишком удачная попытка поставить научно-фантастическую феерию по мотивам популярных произведений Жюль Верна. Попытка, как видно, с негодными средствами, потому что научная фантастика давалась на опереточном уровне.

Позднее писатель разрешил инсценировать и некоторые другие романы («Упрямец Керабан», «Матиас Шандор»), но длительный и прочный успех завоевали многочисленные постановки только трех первых феерий, прибавивших к миллионам читателей «Необыкновенных путешествий» Жюль Верна несметное число восторженных зрителей.

ФАНТАЗИИ В СНОВИДЕНИЯХ

Осенью 1871 года Жюль Верн переселился в Амьен, главный город департамента Соммы в двух с половиной часах езды от столицы. «Я живу теперь, — писал он одному из знакомых, — достаточно близко от Парижа, чтобы ощущать его блеск и в то же время быть вдали от невыносимого шума и сутолоки».

Амьен и тогда уже был крупным центром текстильной и металлообрабатывающей промышленности. Старое здесь причудливо перемешивалось с новым. Средневековые строения, в том числе великолепный памятник готики — собор XIII века, и безвкусные дворцы фабрикантов. Пышные деловые кварталы и жалкие лачуги рабочих. Мощные центральные улицы и рядом непролазная грязь. Сразу за кольцом бульваров, разбитых на месте прежних крепостных валов, простирались капустные огороды. Здесь колола глаза нуворишская спесь¹, выпячивались мещанские и сословные предрассудки, не было той широты и терпимости, которая отличала приморский Нант от этого типичного провинциального города.

Правда, и Амьен знал свои давние традиции. Старейшее научное учреждение Пикардии, Амьенская «Академия науки, литературы и искусства» была основана в 1750 году. В городе был также музей, ботанический сад, театр. Было и такое своеобразное учреждение, как Промышленное общество, созданное для поощрения местной индустрии и защиты ее от английской конкуренции. В читальном зале Промышленного общества Жюль Верн регулярно просматривал свежие газеты и журналы.

Постепенно Амьен втягивал его в свою общественную и культурную жизнь. Началось с избрания в Амьенскую академию. Позже он стал муниципальным советником. Попав в иную общественную среду со своими специфическими интересами, Жюль Верн не раз обращал свою творческую фантазию на «создание» благоустроенных городов будущего с тщательно продуманной планировкой и прекрасной архитектурой.

---

¹ Нувориш — в капиталистических странах — человек, разбогатевший на спекуляциях, богач-выскачка.

Действительный член Амьенской академии, он трижды (в 1874, 1875, 1881 годах) избирался ее директором. Иногда писатель читал здесь отрывки из своих новых романов и, между прочим, в 1874 году познакомил «академиков» с неизданной комедией в стихах «Леонардо да Винчи». В «Записках Амьенской академии» Жюль Верн напечатал фантастический очерк «Идеальный город» и два рассказа «Десять часов на охоте» и «В ХХІХ веке. Один день из жизни американского журналиста в 2890 году».

І. ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД

Рассказы потом перепечатывались и переводились на разные языки, а очерк «Идеальный город», опубликованный только однажды в провинциальном издании, оказался в числе забытых произведений Жюля Верна.

Мне очень хотелось прочесть этот очерк, но ни в одной библиотеке не удалось найти «Записок Амьенской академии». Пришлось еще раз обратиться за помощью к профессору Эдмондо Маркуччи. Он попросил своего знакомого, живущего в Амьене, снять фотокопию, и уже через месяц «Идеальный город» Жюля Верна лежал у меня на столе. Бандероль прибыла из Италии почти одновременно с печальным известием о смерти Эдмондо Маркуччи — в августе 1963 года¹.

«Идеальный город» — причудливая шутка в форме фантастического сновидения. Сравнивая Амьен своего времени с воображаемым городом 2000 года, писатель высмеивает разные недостатки и выражает пожелания на будущее. Многие подробности и шуточные намеки интересны были только амьенцам и потому, наверное, автор не счел нужным перепечатывать свою юмористическую фантазию.

— Дамы и господа! Разрешите мне пренебречь обязанностями директора Амьенской академии и заменить традиционную речь рассказом о приключении, случившемся со мною лично, — сказал писатель, открывая заседание Амьенской академии 12 декабря 1875 года. И дальше следует изложение фантастического сна.

Вернувшись к себе домой, на бульвар Лонгвиль, из Лицея, где он присутствовал при распределении наград учащимся, Жюль Верн прилег отдохнуть и крепко заснул.

У меня стародавняя привычка вставать на рассвете. Но по какой-то непонятной причине я проснулся очень поздно... Солнце стояло в зените, была чудесная погода. Я открыл окна. Бульвар был заполнен гуляющими, как в воскресный день, хотя я отлично помнил, что сегодня среда. Я быстро оделся, позавтракал и вышел на улицу, не подозревая, что меня ожидают самые невероятные сюрпризы.

---

¹ Об Эдмондо Маркуччи и его деятельности в защиту мира я рассказал в заметке, напечатанной в «Неве» (1962, № 10).

Дойдя до улицы Лемершье, он с удивлением увидел, что она сплошь застроена прекрасными зданиями и простирается так далеко, что не охватить взглядом. За одну ночь выросли новые кварталы, обрамленные садами и бульварами. Железнодорожный мост оказался на прежнем месте, но вели к нему не козьи тропки, а широкое шоссе, вымощенное плитками из порфира.

«Какие изменения! Неужели этот уголок Амьена не заслуживает больше названия «маленькой Лютеции»?¹ Неужели теперь можно будет здесь пройти в дождливый день, не увязнув по щиколотку в грязи? Неужели не нужно будет шлепать по размокшей глине, ненавистной местным жителям?»

Всматриваясь в лица прохожих, он не нашел ни одного знакомого. Роскошные кафе, построенные в ультрасовременном стиле, были заполнены нарядной публикой. Из городского сада доносилась какая-то странная музыка.

«И в этой области все изменилось. Никакого музыкального ритма, никакого темпа! Ни мелодии, ни гармонии!.. Звуковая алгебра! Триумф диссонансов! Звуки, подобные тем, какие производят оркестранты до того, как прозвучат три удара дирижерской палочки! Но слушатели аплодировали с таким энтузиазмом, словно приветствовали ловких гимнастов.

— Не иначе, как это музыка будущего! — невольно воскликнул я, — неужели я нахожусь за пределами настоящего?

Об этом нельзя было не подумать, так как, подойдя к афише, на которой были перечислены программные вещи, я прочел поистине потрясающее заглавие:

„№ I. Размыслиение в миноре о квадрате гипотенузы”».

Тут требуется пояснение. Жюль Верн был хорошим пианистом и страстным любителем музыки. Уже в его время некоторые композиторы, объявлявшие себя новаторами, изгоняли из музыки ее первооснову — ритм и мелодию. Писатель попытался представить себе, во что же это может вылиться, если так пойдет дальше, и оказался провидцем.

Как известно, в современной западной музыке нередко создаются именно такие «беспредметные» «алгебраические» произведения, о которых с иронией писал Жюль Верн, словно ему удалось заглянуть лет на сто вперед!

Писатель убедился, что изменилась и техника исполнения. Перед входом в концертный зал он увидел огромные рекламные щиты:

ПИАНОВСКИЙ

пианист императора Сандвичевых островов

«Я не имел ни малейшего понятия ни о самом императоре, ни о его придворном пианисте.

— А когда сюда прибыл этот Пиановский? — спросил я у какого-то меломана с большими оттопыренными ушами.

---

¹ Лютеция — в первоначальном значении «болотистое место». Когда-то так назывался поселок, на месте которого вырос Париж.

— А он сюда и не приезжал, — ответил амьенский старожил, глядя на меня с удивлением.

— Когда же он приедет?

— Да он и не приедет...

У моего собеседника был такой вид, будто он хотел спросить: «А сами-то вы как сюда попали?»

— Но если он не приедет, то как же может состояться его концерт? — спросил я.

— Концерт уже начался.

— Здесь?

— Да, здесь, в Амьене, и одновременно в Лондоне, Вене, Риме, Петербурге и Пекине!

«Ну и ну, — подумал я. — Должно быть, все эти люди не в своем уме. А может быть, это вырвавшиеся на свободу обитатели Клермонского сумасшедшего дома?»

— Сударь, как это понять? — продолжал я.

— Прочтите внимательно афишу, и вы увидите, что концерт — электрический.

Я взглянул на афишу. Действительно, в этот час знаменитый Пиановский играл в Париже в зале Герца, но электрическими проводами его инструмент соединялся с роялями Лондона, Вены, Петербурга, Рима и Пекина. И, таким образом, когда он ударял по клавишам, соответствующие ноты звучали и на этих отдаленных инструментах, на которых клавиши приводились в действие электрическим током!»

Сейчас эти строки могут вызвать улыбку. Но не забудьте, они были написаны в 1875 году, за два десятилетия до открытия радио А. С. Поповым. Великий фантаст не додумался до возможности беспроводной связи.

Дальше идет подробное описание преобразившихся улиц и площадей Амьена, застроенных красивыми домами, выросшими точно по волшебству на месте унылых пустырей и грязных тупиков с отвратительными лачугами.

Пока писатель раздумывал, стараясь понять, что же произошло, его остановил какой-то незнакомец и заботливо осведомился о здоровье. То был врач, лечивший своих пациентов по новому методу.

И тут автор вводит комический диалог с ядовитыми намеками по адресу современных ему медиков.

«Наши пациенты, — сказал врач, — платят нам только тогда, когда они здоровы, а если заболевают, мы не получаем ни одного су. И потому мы нисколько не заинтересованы в том, чтобы пациенты болели... А ну, покажите-ка ваш язык!»

Я послушно показал ему язык, но, признаюсь, вид у меня при этом был довольно жалкий.

— Так, так! — пробормотал незнакомец, осмотрев язык через лупу. — Обложен! А ваш пульс?

Я безропотно протянул ему руку.

Врач вынул из кармана какой-то инструмент и, приложив к моему запястью, получил диаграмму пульсаций, которую тут же и прочел, как телеграфист читает депешу.

— Черт побери! Черт побери! — пробормотал он. И затем так поспешно сунул мне в рот термометр, что я не успел опомниться.

— Сорок градусов! — воскликнул он и побелел как бумага.

Его гонорары вылетали в трубу.

— Но что со мной, доктор? — спросил я, ошарашенный таким неожиданным способом измерения температуры.

— Гм! Гм!..

Да, я понял, что он хотел сказать, хотя ответ был не очень вразумительный...»

Разговор продолжается в том же духе. Диалог выдержан в стиле мольеровской комедии. Пациенту кажется, что он сошел с ума, а врач уверяет, что это только выпадение памяти, что болезнь скоро пройдет и он не теряет надежды ежемесячно получать свой гонорар...

В сопровождении доктора, охотно взявшего на себя роль гида, Жюль Верн совершает прогулку по Амьену. Писатель замечает на каждом шагу признаки небывалого прогресса. В лицее одновременно обучается четыре тысячи человек. Вместо зубрежки латыни и древнегреческого ученики получают глубокие научные и технические знания. На правом берегу Соммы раскинулись новые промышленные районы столицы Пикардии, прорезанные широкими магистралями. Вместо дилижансов и омнибусов, запряженных лошадьми, по городу мчались трамвайные вагоны. О трамвае в те годы можно было только мечтать — это был городской транспорт будущего!

В парке Отуа, излюбленном месте прогулок пикардийской молодежи, была открыта индустриальная и сельскохозяйственная выставка. Здесь автор увидел всевозможные электрические механизмы, полностью вытеснившие ручной труд из всех отраслей промышленности и земледелия. Центробежные насосы выпивали целые реки, подъемники с пневматическими рессорами передвигали тяжести в три миллиона килограммов, «жнейки вырубали поле, как брадобрей заросшую щеку». В одну из машин закладывали шерсть и тут же получали готовые костюмы...

Все эти чудеса привели писателя в такой восторг, что он невольно протянул руку и... опрокинул ночной столик. Грохот разбудил его, и он вернулся к действительности.

— Дамы и господа, — сказал Жюль Верн, заключая свою шуточную речь, — этим сном я хотел показать вам, каким представляется мне в мечтах Амьен в 2000 году.

Так возникла в творчестве Жюль Верна тема идеального города, получившая дальнейшее развитие, но уже на серьезной основе, в романах «Пятьсот миллионов бегумы» и «Плавучий остров».

II. ПОЕЗДА БУДУЩЕГО

А вот еще один фантастический сон...

Собирая материалы для книги о Жюле Верне, я решил выявить всё, что было напечатано под его именем на русском языке. Среди бездн книг нашлось, между прочим, и несколько таких, которые были приписаны предприимчивыми книгоиздателями великому фантасту,

но в действительности принадлежали другим, менее популярным или вовсе не известным авторам.

Удалось найти и забытый рассказ, который публиковался на русском языке в 1890 — 1893 гг. под разными заглавиями и в разных переводах. В журнале «Всемирная иллюстрация» (1890, т. 2, № 9) он был озаглавлен «Курьерский поезд будущего», в журнале «Вокруг света» (1890, № 31) — «Через океан», в журнале «Природа и люди» (1893, № 1) — «На дне океана», в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Самарские ведомости» — «Будущие поезда».

Сначала я подумал, что это четыре разных рассказа, но потом убедился, что внимание переводчиков привлек один и тот же небольшой рассказ, промелькнувший, по-видимому, в какой-нибудь парижской газете. Привожу его без сокращений.

«Благополучно спустившись по лестнице, мы вошли в огромный зал, освещенный ослепительными электрическими рефлекторами. Глубокая тишина, царившая здесь, нарушалась лишь шумом наших шагов.

— Где я? Зачем попал сюда? Кто этот таинственный проводник? — задавал я себе вопросы.

Ответов не было.

Продолжительная ночная прогулка, железные ворота, которые с шумом захлопнулись за нами, лестница, нисходящая, как мне казалось, в недра земли, — вот и всё, что я мог припомнить. Впрочем, у меня и времени не было на размышления.

— Вам, наверное, интересно узнать, кто я такой? — начал мой проводник. — Ваш покорный слуга полковник Пирс... Где вы находитесь? — В Америке, в Бостоне, на станции Boston to Liverpool pneumatic Tubis Company¹.

— На станции?

— Да, на станции.

И, чтобы объяснить мне, в чем дело, полковник указал на два длинных железных цилиндра, около полутора метров в диаметре, лежащих на земле в нескольких шагах от нас.

Я взглянул на эти цилиндры, направо проникавшие в стену, а налево оканчивающиеся гигантскими металлическими щитами, от которых поднимался вверх и исчезал в потолке целый лес трубок, — и сразу понял всё.

Незадолго до того я читал в одной американской газете статью, где описывался необыкновенный проект соединения Европы с Новым Светом при помощи гигантских подводных труб. Автором этого проекта и был полковник Пирс, который в эту минуту стоял предо мною.

Я начал припоминать содержание статьи. В ней сообщалось много подробностей относительно этого грандиозного предприятия.

Для его осуществления одного железа требовалось около 1 600 000 кубических метров, то есть 13 миллионов тонн. Для перевозки всей этой массы нужно было 200 пароходов по 2000 тонн водоизмещения, причем каждому из них предстояло сделать по 33 рейса.

---

¹ Компания пневматического трубопровода Бостон — Ливерпуль.

Суда этой армады должны были подвозить свой груз к двум главным пароходам, к которым прикреплялись концы труб. Последние должны были состоять из отдельных кусков, каждый длиною в три метра, ввинченных друг в друга, скрепленных тройным железным панцирем и покрытых сверху гуттаперчевым чехлом. По этим трубам проектировалось с необыкновенной быстротой пускать вереницу вагонов, движимых сильным давлением воздуха, подобно тому, как в Париже пересылают депеши пневматической почтой...

Статья заканчивалась сравнением нового способа передвижения с железными дорогами. Автор высчитывал прибыли грандиозного сооружения и восхвалял преимущества новой системы перед старой: отсутствие действующей на нервы тряски, благодаря шлифовке внутренней стальной трубы, одинаковая температура в туннеле, регулируемая воздушной тягой, и баснословная дешевизна переезда. По его словам, благодаря скорости передвижения и шлифовке внутренней поверхности трубы трение будет ничтожным, что обеспечит прочность и вечное существование проектируемой пневматической дороги...

Содержание статьи вспомнилось мне во всех подробностях.

Значит, мечты воплотились в жизнь, и эти два цилиндра, начинающиеся у моих ног, идут через Атлантический океан до самых берегов Англии! Несмотря на очевидную действительность, я все еще не мог поверить в чудо. Что трубы проложены — это казалось возможным, но чтобы люди могли путешествовать в них, — нет, с этим я никогда не соглашусь!..

— Да и возможно ли создать воздушную тягу, достаточную для такого огромного расстояния? — громко высказал я свое сомнение.

— Конечно, и даже очень легко, — сказал полковник. — Необходимое количество воздуха нагнетают громадные насосы, имеющие форму высоких печей. Воздух выбрасывается из них со страшной силой и, гонимые этим вихрем, наши вагоны несутся со скоростью тысяча восемьсот километров в час, то есть со скоростью пушечного ядра. Поезд с пассажирами проходит расстояние в четыре тысячи километров, отделяющих Бостон от Ливерпуля, за каких-нибудь два часа и сорок минут.

— Тысяча восемьсот километров в час?! — воскликнул я.

— Да и ничуть не меньше. И что за удивительные последствия такой быстроты! Часы в Ливерпуле показывают на четыре часа сорок минут больше, нежели у нас в Востоне, и путешественник, выехавший из Бостона в девять утра, прибывает в Англию в тот же день, в три часа пятьдесят четыре минуты пополудни. Вот уж действительно можно сказать — быстро провести время!.. В обратном направлении поезда наши опережают солнце на девяносто и более километров в час, так что, покинув Ливерпуль в полдень, пассажир достигает Америки... в девять часов тридцать четыре минуты утра, то есть раньше, чем он выехал из Ливерпуля! Не правда ли, это в высшей степени забавно?! Мне кажется, что передвигаться быстрее просто невозможно.

Я не знал, что и думать обо всем этом. Уж не с сумасшедшим ли я имею дело? Мог ли я поверить в подобные чудеса, когда у меня в голове беспрерывно возникали все новые и новые возражения?

— Ну, ладно, пусть будет так, — сказал я наконец. — Допускаю, что путешественники выберут эту бешеную дорогу и что вам удастся достигнуть такой неслыханной быстроты. Но каким же образом вы остановите ваш поезд? Ведь при торможении все разлетится в прах!..

— Ничего подобного, — ответил полковник, пожимая плечами. — Между обеими трубами, из которых одна служит для езды в одну сторону, а другая — в противоположную, и в которой вследствие этого воздушная тяга идет в обратном направлении, существует сообщение при выходе на каждый берег. Когда поезд приближается к берегу, то электрическая искра предостерегает нас об этом и летит в Англию, чтобы там уменьшили тягу, благодаря которой поезд мчится вперед. Теперь он уже движется дальше по инерции, пока встречный ток воздуха из лежащей рядом трубы окончательно его не остановит. Впрочем, к чему все эти объяснения? Не лучше ли вам убедиться на собственном опыте?..

И, не дождавшись моего ответа, полковник Пирс нажал на медный рычажок, блестящий на одной из труб. В ту же минуту стенка отодвинулась и через образовавшееся отверстие я увидел ряд двухместных скамеек.

— Это вагон, — сказал полковник. — Входите поскорее!

Я вошел. Стенка тотчас же закрылась.

При свете лампы Эдисона, повешенной сверху, я с любопытством озирался вокруг. Ничего необыкновенного! Длинный цилиндр, хорошо отделанный внутри, с пятьюдесятью креслами, расставленными попарно в двадцать пять рядов, клапаны на обоих концах вагона, служащие для регулирования воздуха, — сзади для пропуска свежего, спереди — для выпуска отработанного, — вот и все.

После нескольких минут осмотра я уже начал терять терпение.

— Почему же мы не едем?

— Как не едем? Мы уже в дороге! — воскликнул полковник.

— В дороге? Не двигаясь?.. Да разве это возможно?..

Я с напряжением прислушивался, не слышно ли какого-нибудь шума, который указывал бы на движение вагонов. Если мы в самом деле тронулись со станции и если полковник не шутил, говоря о скорости в тысяча восемьсот километров, то мы должны теперь находиться далеко от земли, под волнами океана. Над нашими головами беспокойно мечутся волны, и, может быть, в эту самую минуту киты, принимая нашу длинную железную тюрьму за гигантскую змею, ударяют о нее своими могучими хвостами!..

Я ничего не слышал, кроме тихого приглушенного рокота, и, погруженный в безграничное удивление, не веря в реальность того, что происходило, сидел и молчал. А время между тем летело.

Прошло около часу. Вдруг ощущение холода на лбу пробудило меня из оцепенения, в которое я мало-помалу погрузился. Я поднес руку к лицу: оно было мокро...

Мокро! Почему? Уж не лопнул ли наш туннель под давлением воды, давлением ужасающим, возрастающим на одну атмосферу через каждые десять метров глубины? Уж не поглощает ли нас океан?.. Я был парализован ужасом. В отчаянии я хотел позвать на помощь, кричать... и... увидел себя в собственном тихом саду под сильным дождем, крупные капли которого и прервали мой сон.

Просто-напросто я уснул, читая статью, посвященную фантастическому проекту полковника Пирса, и во сне увидел проект осуществленным...»

Как называется этот рассказ в оригинале? Где и когда он был опубликован? Заняться сплошным просмотром французских газет, а может быть, и журналов, с конца 1889 и до начала 1890 года (предположительное время публикации) — дело очень сложное и хлопотливое. В списках произведений Жюль Верна на французском языке, как ни странно, этот рассказ не значился: библиографы его «потеряли». Известны были только русские переводы, о которых я уже говорил, а также английская публикация «Экспресс будущего», появившаяся значительно позже, в конце 1895 года, в лондонском журнале «Strand Magazin»¹.

История остается загадочной, более того, интригующей...

Оригинал был обнаружен совсем недавно в периодическом французском издании «Анналы политические и литературные» (от 27 августа 1893 г.). Озаглавлен рассказ, как и в английском переводе, «Экспресс будущего».

Выходит, что на русском языке он был напечатан на три года раньше, чем на французском! И к тому же сразу в двух переводах («Всемирная иллюстрация» и «Вокруг света»).

Кстати, это не единственный случай. Помещенный в «Записках Амьенской академии» фантастический рассказ в «XXIX веке. Один день из жизни американского журналиста в 2890 году» за год до этого был опубликован на английском языке в нью-йоркском журнале «Форум» и одновременно на русском — в «Вокруг света». Зарубежные публикации состоялись в 1889 году, и события в произведении соответственно приурочены к 2889 году.

«В XXIX веке» — ядовитый рассказ об Америке будущего, содержащий под видом восхваления злую критику.

В приемной Френсиса Беннета — газетного и промышленного магната (подразумевается, что он отдаленный потомок «короля» американской прессы, миллионера Гордона Беннета) — толпятся послы и министры, вымаливая совета и одобрения, готовые исполнить малейшую прихоть диктатора. Правительство находится у него на содержании. Обе политические партии ведут борьбу за право пользоваться его преимущественным расположением и подачками. Когда Беннет узнает, что на Марсе произошла «революция», в результате которой «реакционные либералы» одержали победу над «консервативными республиканцами», он замечает: «Совсем как у нас».

Газета Беннета «Эрс Геральд» («Всемирный вестник») — единственный поставщик новостей, которые сообщаются подписчикам с помощью «телефота». На службе у миллиардера состоят ученые, писатели, композиторы, артисты. В его распоряжении всевозможные технические новшества. Бедняк изобретатель, продавший Беннету за три

---

¹ Несколько лет назад профессор Жан Шено прислал мне из Парижа фотокопию английского перевода с просьбой сообщить, где был напечатан подлинный французский текст. Я мог указать только русские источники.

доллара патент на свое изобретение, умирает с голоду, а тот наживает на этой «покупке» новые миллионы.

Жена Беннета, отправившаяся в Париж к своему портному-модельеру, который полагает, что «женщина — это всего лишь вопрос формы», возвращается обратно в Америку по пневматической подводной трубе. «Эти подводные туннели, — поясняет рассказчик, — по которым можно прибыть из Европы за двести девяносто пять минут, и в самом деле гораздо удобнее аэропоездов, летящих со скоростью какой-нибудь тысячи километров в час».

Таким образом, одна из сюжетных линий фантастического очерка «В ХХІХ веке» уже через несколько месяцев была обособлена и превращена в самостоятельный рассказ.

С тех пор идея пневматического поезда в подводном туннеле не раз обосновывалась в фантастических книгах. Из советских авторов сходный замысел воплотил в романе «Арктический мост» А. Казанцев.

Оба рассказа по содержащимся в них техническим идеям и гротескно-сатирической картине капиталистического государства будущего — во втором — вполне могли бы принадлежать перу Жюль Верна и не случайно появились под его именем. В действительности же, как дознались исследователи (находки самого последнего времени!), автором «В ХХІХ веке» и «Экспресса будущего» был сын писателя Мишель Верн, а отец — наставником и редактором¹.

Сыну знаменитого писателя выступать в печати в том же фантастическом жанре с первыми литературными опытами — значило обречь себя на нелестные сопоставления. Потому он и предпочел укрыться за спиной отца, а тот его поощрял и поддерживал, желая привить литературные навыки как возможному помощнику и редактору непубликованных рукописей. Во что это выльется, мы увидим дальше.

Пока что остается загадкой история русских и американской публикаций, опередивших появление подлинных текстов. Можно только предположить, что Мишель Верн, будучи предприимчивым коммерсантом, имел знакомых и в России и в Америке, которые получили от него рукописи и передали их в журналы.

---

¹ Тем самым опровергается утверждение Жана Жюль-Верна, что рассказ «В ХХІХ веке. Один день американского журналиста в 2889 году» Мишель «писал под диктовку отца». О публикации этого рассказа в журнале «Вокруг света» сообщил мне румынский писатель Ион Хобана.

СОАВТОР — ПАРИЖСКИЙ КОММУНАР

І. ПАСКАЛЬ ГРУССЕ

В 1881 году в «Журнале воспитания и развлечения» появился еще один постоянный автор — Андре Лори. Его романы на протяжении четверти века печатались рядом с «Необыкновенными путешествиями». Одна из книг необъятной серии — «Найденыш с погибшей «Цинтии» — издана за двумя подписями: Жюль Верн и Андре Лори. Новый романист приобрел популярность, но для читателей оставался загадочной личностью. Да и сейчас мало кому известно, что Андре Лори — один из нескольких псевдонимов Паскаля Груссе (1845—1909), публициста и политического деятеля, участника Парижской коммуны, о котором не раз упоминали в своих статьях и письмах Маркс и Энгельс.

Это был человек передовых убеждений, кипучей энергии, широких интересов. Он родился на Корсике в семье преподавателя лицея. Через всю его жизнь проходит увлечение спортом. С юных лет Груссе отличался выносливостью, бегал и плавал на большие дистанции. Любовь к спорту привела его на медицинский факультет Сорбонны¹. Было у него и желание заняться педагогической деятельностью, воспринятое, очевидно, от отца. Но ни медиком, ни педагогом Груссе не стал.

Вовлеченный в водоворот политической борьбы на стороне республиканской партии, он становится журналистом. Во второй половине 60-х годов пылкий корсиканец обратил на себя внимание остроумными памфлетами, направленными против антинародной политики Наполеона III и бонапартистской клики, способствовавшей восстановлению монархии. (Напомню читателям, что президент республиканского правительства Луи Бонапарт в декабре 1851 года совершил государственный переворот и объявил себя императором французов.)

Одним из яростных противников республиканской партии был двоюродный брат Наполеона III принц Пьер Бонапарт — прожженный авантюрист, жаждавший славы и денег. Желая выслужиться перед императором и получить доходную должность, Пьер Бонапарт занялся

---

¹ Высшее учебное заведение в Париже, названное по имени основателя Робера Сорбонна (XIII в.).

сочинением оскорбительных пасквилей на деятелей республиканской оппозиции и редакторов прогрессивных газет.

Гнусным нападкам принца подверглась «Марсельеза», которую издавал талантливый публицист Рошфор, и корсиканская газета «Реванш», осмелившаяся критиковать не только влиятельных сановников, но и самого императора.

Паскаль Груссе сотрудничал в обеих газетах.

10 января 1870 года он направил своего приятеля, двадцатилетнего Виктора Нуара, на дом к Пьеру Бонапарту с вызовом на дуэль. Узнав, что тот явился к нему в качестве секунданта от какого-то «паршивого писаки», разъяренный принц выхватил револьвер и насмерть сразил юношу.

Дальнейшие события показали, как была накалена атмосфера, какую ненависть посеял в народе деспотический режим Второй империи.

На следующий день после убийства Виктора Нуара «Марсельеза» вышла в траурной рамке со статьей-прокламацией Рошфора, где содержались такие слова: «Вот уже восемнадцать лет, как французский народ находится в окровавленных руках этих разбойников. Французский народ, разве ты не считаешь, что пора этому положить конец?»

В день похорон Нуара в парижском предместье Нейи собралась громадная демонстрация. Тысячи полицейских и солдат оцепили центр города, чтобы не допустить демонстрантов к кладбищу Пер-Лашез. С большим трудом властям удалось восстановить порядок. Но ненадолго! Оправдание Пьера Бонапарта Верховным судом вызвало новую манифестацию. За все годы царствования Наполеона III революция не была так близка.

Благодаря удивительному стечению обстоятельств молодой журналист Паскаль Груссе дал толчок историческим событиям, о которых тогда говорили во всем мире.

А пока суд да дело, его бросили вместе с Рошфором в тюрьму «до особого распоряжения императора». Но императору было не до них: началась франко-прусская война.

Седанская катастрофа положила конец позорному царствованию Наполеона III. 4 сентября 1870 года, в день провозглашения Республики, политические заключенные получили свободу.

Неугомонный Груссе становится главным редактором возобновленной «Марсельезы» и уже в первом номере высказывается за решительную революцию, за «демократическую и социальную республику».

Карл Маркс, одобряя позицию «Марсельезы», в письме к Энгельсу от 10 сентября 1870 года, назвал Паскаля Груссе человеком очень дельным, твердым и смелым¹.

С первых же дней Парижской коммуны Груссе не только ее участник, но и видный деятель, близкий к революционному большинству. Он возглавлял в Совете коммуны комиссию внешних сношений, иными словами, был министром иностранных дел.

Одновременно Груссе издавал газету «Освобождение». В одной из статей, помещенных в ней, подчеркивалась роль рабочего класса в революции: «День 18 марта навсегда останется в истории нашей

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 33, с. 51.

Паскаль Груссе, известный французский публицист, один из руководителей Парижской коммуны, с 80-х годов популярный автор романов для юношества — Андре Лори.

страны как одна из самых прекрасных страниц. Впервые рабочий класс выступил на политическую арену».

Однако Паскаль Груссе, как и подавляющее большинство руководителей Коммуны, не был пролетарским революционером. Призывая к «решительной революции», он в практических действиях проявлял нерешительность. Поддерживая власть рабочих, он возлагал иллюзорные надежды на примирение борющихся классов.

Непродуманная тактика и колебания руководителей Коммуны, в том числе и Груссе, ускорили ее гибель. Тем не менее имя этого человека, защищавшего на баррикадах завоевания революции, связано навсегда с героической летописью 72-х дней.

Разгром Парижской коммуны войсками генерала Галифе сопровождался кровавыми оргиями версальцев. Груссе некоторое время скрывался в тайном убежище, потом был обнаружен, предстал перед военным судом и отправлен с другими уцелевшими коммунарами «на вечное поселение» в Новую Каледонию ¹.

Осужденных поместили на полуострове Дюко, пустынном мысе, с трех сторон отрезанном от внешнего мира морем и с четвертой — колючей оградой, бдительно охраняемой часовыми. Тропическая лихорадка, убийственный климат, полчища москитов в первые же месяцы свели в могилу несколько десятков человек, не считая тех, кто умер

¹ Остров в Тихом океане. Владение Франции.

в пути, не выдержав длительного заключения в тесноте и смраде корабельного трюма.

Коммунары сами себе строили хижины из глины и тростника и сами должны были добывать себе пищу. Администрация лагеря пропитанием не обеспечивала. Каждый мог получать из дому деньги и покупать что угодно в местной кантине или у торговцев, приезжавших из гавани Нумеа. Разрешалось заниматься огородничеством, ловить рыбу с берега и даже батрачить у окрестных фермеров. За малейшую провинность секли воловьими жилами.

Режим, на первый взгляд не столь уж суровый, в действительности был изощренно жестоким. Помощь из Франции поступала нерегулярно и не каждый мог ее получить. Коммунаров косили не только болезни, но и голод.

Груссе с Рошфором построили хижину за грядюю холмов, на песчаной отмели, где как будто было меньше moskitov, но еще немилосердной палило экваториальное солнце.

Единственной радостью были книги, попавшие в Новую Каледонию с теми, кто не мог без них обойтись. Из рук в руки передавались романы Жюль Верна. Страстной поклонницей его была Луиза Мишель, заразившая своим увлечением Паскаля Груссе. Один из журналистов, побывавших на «проклятом острове», с удивлением увидел в хижине, над койкой Груссе, портрет знаменитого писателя. Действительно, было чему удивляться! «Отчаянный коммунары» зачитывались юношескими романами...

Как только Рошфор и Груссе немного обжились на новом месте, они тщательно разработали план бегства, выбрали третьего компаньона — коммунара Журда — и стали исподволь готовиться к осуществлению почти безнадежного замысла.

Все трое были отличными пловцами. Пользуясь относительной свободой общения с торговцами из Нумеа, они сумели связаться с нужными людьми и в условленный день и час пустились вплавь в открытое море. Высокая волна не помешала им достичь шлюпки, высланной австралийским угольщиком, притаившимся за близлежащим атоллом. Была бурная ночь, и бегство удалось. Смелчаки счастливо добрались до Мельбурна, а оттуда, после многих мытарств, переправились в Англию.

Первое, что сделал Груссе по прибытии в Лондон, — написал вместе с Журдом обличительную книгу — «Политические заключенные в Новой Каледонии», в которой поведал миру утаенную правду о бесчеловечном обращении правительства республиканской Франции с благородными мучениками свободы. В том же, 1874 году книга была издана в Женеве.

О подготовке и обстоятельствах легендарного побега трех коммунаров из неприступного лагеря в Новой Каледонии позднее рассказал Рошфор в третьем томе мемуаров «Приключения моей жизни».

В Лондоне Паскаль Груссе жил и писал под именем Филиппа Дариля. Этим псевдонимом он подписывал свои статьи и корреспонденции для парижских газет, книги о физическом воспитании и на спортивные темы, нравоописательные и бытовые очерки.

Амнистия коммунарам, объявленная в 1880 году, позволила ему вернуться на родину.

II. АНДРЕ ЛОРИ

Нужно было начинать все сначала. Политическая карьера рухнула. Журналистика не сулила успеха. Правительство Третьей республики держало на подозрении активистов Коммуны и ходу им не давало. Груссе избрал для себя новое поприще. У него были блестящие идеи, запас жизненных наблюдений и много продуманных замыслов. Писал он с завидной легкостью.

Груссе превратился в Андре Лори, оставаясь в то же время Филиппом Дарилем.

Помимо оригинальных сочинений он публиковал переводы с английского, познакомив французских читателей со многими книгами Майн Рида и с «Островом сокровищ» Стивенсона.

Под своим настоящим именем Груссе выступал как публицист и при первой возможности возобновил политическую деятельность. В 1893 году он был избран в Палату депутатов от двенадцатого парижского округа и сохранял свой депутатский мандат после каждых очередных выборов — до самой смерти в 1909 году. В Палате депутатов он выступал от партии «независимых социалистов», не имевших ничего общего с теми социалистами действия, к которым Груссе принадлежал в молодые годы, будучи редактором «Марсельезы» и участником Парижской коммуны.

Под именем Филиппа Дариля он продолжал публиковать книги, посвященные общественной жизни Англии, Ирландии и Скандинавских стран, а также журналистские репортажи из Парижа для английских газет.

Но сейчас нас интересует **А н д р е Л о р и** — автор двух многотомных серий повестей и романов для юношества.

Первая серия выходила под общим заглавием «Жизнь школы во всех странах».

Здесь-то и сказались его давние педагогические наклонности. Андре Лори больше всего ценит и пропагандирует наглядное обучение, спортивную закалку и трудовое воспитание подростков. Герои педагогических повестей Лори — учащиеся и учителя Древних Афин, Соединенных Штатов Америки, Швейцарии, Италии, Испании, Швеции, России.

Вторая серия — приключенческие и научно-фантастические романы — состоит из десяти книг: «Наследник Робинзона», «Капитан Трафальгар», «Изгнанники Земли», «От Нью-Йорка до Бреста за семь часов», «Лазурный гигант», «Атлантида» и другие.

Написаны они живым пером, легко читаются, разнообразны по сюжетам, но, в общем, малооригинальны. Нередко мы находим в них неоправданное нагромождение случайностей и почти баснословных приключений.

Лори пользуется всеми приемами приключенческого повествования: погони, похищения, преследования, кораблекрушения, переодевания, коварные интриги, козни злодеев, сокровища, клады, нашествия...

Преодолев множество препятствий, герои непременно достигают цели своего путешествия или осуществляют задуманное предприятие.

По ходу действия вводятся познавательные сведения из разных областей знаний. Романы Андре Лори проникнуты верой в созидательные силы человека, воплощенные в научно-техническом и промышленном прогрессе. Идя по стопам Жюль Верна, оказавшего на него прямое воздействие, Андре Лори заставляет своих героев изобретать машины, усовершенствовать транспортные средства, совершать научные открытия, создавать, творить, строить.

Но при этом ему явно не хватает ни таланта, ни обширных знаний своего учителя. И хотя его книги в течение нескольких десятилетий пользовались широким спросом (петербургский издатель П. П. Сойкин выпустил даже собрание сочинений Андре Лори), со временем они были забыты.

Впрочем, надо быть справедливым. У Лори встречаются и удачные романы. Из приключенческих — «Капитан Трафальгар» и «Наследник Робинзона», из научно-фантастических — «От Нью-Йорка до Бреста за семь часов».

Вместе с тем в творчестве этого писателя есть некие глубинные пласты, связанные с именем Жюль Верна.

III. БИОГРАФИЯ КНИГИ

Мы уже упоминали об архиве Этцеля, поступившем в Национальную библиотеку Франции. Первой к нему прикоснулась Симона Вьерн, литературовед из Гренобля, собиравшая материалы для диссертации. Она прочла более восьмисот неопубликованных писем романиста к издателю и сделала удивительное открытие, о котором сообщила в статьях, помещенных в «Бретонских анналах» и в «Бюллетене Жюль-верновского общества»¹.

Выяснилось, что Паскаль Груссе, когда он еще жил в Лондоне, вступил в деловые отношения с Этцелем, заинтересовав его замыслом серии повестей «Жизнь школы во всех странах» и рукописью небольшого романа «Наследство Ланжеволя».

Переговоры велись с помощью посредника, некоего аббата де Мена.

Этцель дал предварительное согласие печатать повести о школьниках, если они будут удовлетворять его требованиям. Что же касается предложенного романа, то, по мнению издателя, он был неумело написан и требовал коренной переработки. И все же Этцель приобрел эту рукопись — откупил за полторы тысячи франков с условием, что «неизвестный литератор» откажется от права на авторство без каких-либо дальнейших претензий: рукопись будет переделана опытным романистом, быть может самим Жюлем Верном, который ее сделает «приемлемой».

Жюль Верн только что закончил «Гектора Сервадака» и затем как всегда «весь отдался» новому замыслу — работе над «Пятнадцати-

¹ Anales de Bretagne, 1966, № 3; Bulletin de la Société Jules Verne, № 4. 1967.

летним капитаном». Он странствовал со своими героями по Африке, когда Этцель предложил ему ради выигрыша времени довести до печати «Наследство Ланжеволя».

— Но я не пишу романы в соавторстве!

— На обложке будет выставлен один автор. В нашей практике это исключительный случай, и пусть он останется издательской тайной. В итоге вы сэкономите несколько месяцев, а начинающий литератор — человек он безусловно способный — извлечет для себя полезный урок.

Жюль Верн нехотя согласился.

«Романа, если можно назвать это романом, фактически не существует, — подтвердил он заключение издателя. — В нем начисто отсутствует действие, борьба, интрига ослаблена и не может захватить читателя. ...Нужно значительно усилить контраст между стальным городом и городом высокоразвитой цивилизации, описание которого и вовсе отсутствует».

В письме к Этцелю от 16 октября 1878 года он наметил улучшенный план романа и так определил свою задачу: «Надо довести ситуацию до развязки». Эти слова относились к мотивировкам осуждения и бегства Марселя, а также смерти Шульце, ставшего жертвой своего же дьявольского изобретения.

Роман под названием «Пятьсот миллионов бегумы» вышел в свет в 1879 году, когда Груссе жил еще в Англии.

Рукопись «Наследство Ланжеволя», по-видимому, была уничтожена. Но из сравнения окончательного текста с письмами Жюль Верна можно заключить, что для радикальной переработки времени у него не хватило. Сохраняя расстановку действующих сил, имена персонажей, сюжетные линии, он значительно улучшил именно те эпизоды, которые раскритиковал в письмах, и таким образом довел ситуацию до развязки, сделав ее эффектной и убедительной. Самое же существенное то, что Жюль Верн внес в неумело написанный роман свою отточенную литературную технику, обогатив его до такой степени, что он перестал отличаться от его собственных произведений.

В итоге получилась книга, созданная двумя авторами. Книга, занимающая видное место в серии «Необыкновенных путешествий». И этот многозначительный факт безмерно повышает значение Паскаля Груссе в истории французской литературы.

Но это не все! Та же Симона Вьерн установила из писем, что несколькими годами позже Груссе, тогда уже довольно известный писатель, продал Этцелю еще одну рукопись, превратившуюся под пером Жюль Верна в «Южную звезду» (1884) — двухтомный приключенческий роман с элементами научной фантастики (получение искусственных алмазов). В жюль-верновской серии роман отнюдь не из лучших.

Чем же объяснить согласие всемирно известного писателя поставить свою подпись под обеими книгами, принадлежащими после переработки фактически двум авторам?

В то время секретное соавторство маститого писателя с «невидимкой» было распространенным явлением. Например, Александр Дюма содержал целый штат помощников. Некоторые из них даже

предъявляли ему судебные иски. Это стало достоянием гласности, однако не умалило его славы.

Письма Жюль Верна к издателю, восстанавливающие творческую историю всей колоссальной серии, не дают оснований предполагать, что он прибегал к подобным же методам. Правда, мы не можем прочесть ответных писем издателя и ничего не знаем об архиве Груссе, который, если он сохранился, помог бы все окончательно выяснить. И все-таки опубликовано достаточно материалов, чтобы вывод был однозначным: случай с Паскалем Груссе — редчайшее исключение. Из 55 романов, изданных при жизни Жюль Верна, в негласном со-трудничестве написаны две книги и еще одна — под именем обоих авторов.

В этот период Жюль Верн нередко сетовал на усталость, призна-ваясь Этцелю, что ему все труднее и труднее придумывать яркие сю-жеты. Между тем фабрика романов, именуемая «Жюль Верн», должна была работать бесперебойно. Читатели Франции и других стран привыкли получать ежегодно новые тома «Необыкновенных путе-шествий», приносящих наибольший доход фирме «Этцель и К^о». Желая облегчить Жюлю Верну его изнурительный труд, а также, разумеется, и в коммерческих целях, издатель «подбросил» ему несовершенные рукописи — «Наследство Ланжеволя» и «Южную звезду».

Издательская тайна раскрылась недавно и только благодаря тому, что архив Этцеля, имеющий огромную культурную ценность, попал в Национальную библиотеку.

IV. ФРАНСЕВИЛЬ И ШТАЛЬШТАДТ

Замысел «Пятисот миллионов бегумы» навеян живыми впечатле-ниями франко-прусской войны и Парижской коммуны. Война, как известно, кончилась отторжением от Франции ее цветущих провин-ций — Эльзаса и Лотарингии, а Коммуну — первое в мире пролетар-ское государство — подавили внутренние враги.

Решительное осуждение прусской военной, милитаризма, за-хватнических войн сочетается в романе с утверждением прогрес-сивных общественных идей в духе французского утопического со-циализма.

На миллионы, доставшиеся в наследство от вдовы богатейшего индийского раджи бегумы Гокооль, которая «вторично вступила в брак с иностранцем Жан-Жаком Ланжеволем, французом по происхожде-нию», в американском штате Орегон, поблизости один от другого, вы-растают два города: прекрасный Франсевиль, воплощающий в себе идеалы свободы, равенства и братства, и зловеший Штальштадт, где люди не более чем винтики бездушной военной машины.

Строитель Франсевиля, человеколюбивый доктор Саразен, мечтает о всеобщем благоденствии. Все в этом городе радует глаз, помогает трудиться и отдыхать. Высшие завоевания научно-технической мысли находят практическое применение. Граждане Франсевиля пользуются

Один из лучших фотопортретов Жюль Верна работы Надара (начало 80-х годов).

равными правами на труд, на отдых и на участие в общественной жизни. Беспрепятственно попадают сюда политические эмигранты — свободомыслящие люди, преследуемые у себя на родине реакционными правительствами.

Франсевиль — утопический островок счастья на территории Америки, свободное государство, живущее по законам справедливости.

Основное внимание здесь уделено созданию наилучших условий для «гигиены тела и духа». Подробно рассказано об архитектуре, планировке, внутреннем распорядке и санитарных правилах, которым должны следовать жители города.

Мог ли Саразен ограничиться «гигиеническими» реформами? Сама жизнь натолкнула бы его на социальные преобразования, о которых мечтали социалисты-утописты. Но авторы об этом умалчивают, учитывая, возможно, цензурные трудности, а также требования Этцеля, не желавшего «дразнить гусей».

Куда детальнее обрисован Штальштадт, построенный человеконенавистником Шульце, которому удалось отсудить половину наследства бегумы и стать крупнейшим заводчиком — фабрикантом пушек.

Исследователи творчества Жюль Верна не раз высказывали предположение, что в образе Шульце изображен основатель «династии пушечных королей» Альфред Крупп, чьи заводы на протяжении многих десятилетий снабжали оружием германскую армию.

Предположение подтвердилось: Груссе, уступив Этцелю рукопись «Наследство Ланжеволя», взялся также снабдить его докумен-

тальными фотографиями военных заводов Круппа. Затем на основе этих фотографий художник Леон Бенетт выполнил иллюстрации к роману.

С точки зрения Шульце, затея доктора Саразена построить идеальный город «противоречила самому закону эволюции, который обрекал латинскую расу на вырождение, на полное подчинение саксонской расе, а в дальнейшем на полное исчезновение с лица земли...

Впрочем, этот поединок в программе профессора Шульце отнюдь не стоял на первом месте: он только дополнял его другие, гораздо более обширные планы об истреблении всех народов, которые не захотят слиться с германской расой и посвятить себя служению фа-терланду».

Как знакома нам эта гнусная фашистская фразеология, распространявшаяся в Пруссии задолго до Гитлера!

Желая уничтожить свободный Франсевиль, герр Шульце строит в сорока километрах от его стен бастион смерти — город Штальштадт с крупнейшими в мире военными заводами, где отливаются артиллерийские орудия всех образцов и всех калибров для Старого и Нового Света, но в первую очередь для Германии.

«Строжайшее разделение труда было доведено на заводе Шульце до последней степени совершенства и сжимало каждого в своих тисках». Производственные операции, за ходом которых наблюдают надсмотрщики по хронометру, выполняются с точностью до одной десятой секунды. «Железная дисциплина, привычка, приобретенная опытом, и ритмическая согласованность всех движений совершали это чудо». «От такого каторжного труда самый здоровый человек в какие-нибудь десять лет приходит в полную негодность!»

И здесь правильно уловлена и доведена до логического конца наметившаяся в то время тенденция — «усовершенствовать» с помощью научных методов потогонную систему эксплуатации рабочих. Такие «образцовые» капиталистические предприятия рекламировались уже в начале XX века.

Штальштадт рассматривается профессором Шульце как удобный плацдарм для завоевания мирового господства: «Вот мы уже устроились в самом сердце Америки. Дайте нам один-два острова недалеко от Японии, и вы увидите, как мы зашагаем по всему свету!»

Но злодейские замыслы Шульце вовремя разгаданы Марселем Брукманом, молодым инженером-эльзасцем, который предупреждает друзей о грозящей опасности.

В образе Марселя Брукмана олицетворена активная действенная роль Молодого поколения, призванного воплотить в жизнь благородные идеи Саразена и построить светлое будущее.

Наведенная на Франсевиль гигантская дальнобойная пушка произвела первый и последний выстрел. На этот раз Шульце просчитался: начиненный ядовитым газом снаряд вырвался из жерла орудия с такой невероятной скоростью — десять километров в секунду, — что превратился «в вечно движущееся тело, обреченное носиться в межпланетном пространстве в качестве постоянного спутника нашей планеты».

J. HETZEL - C

Éditeurs Paris

JULES VERNE

Étrennes 1889

FAMILLE SANS NOM
J. VERNE

Voyages Extraordinaires
Œuvres Complètes
JULES VERNE

Volumes grand in-8 illustrés

1 Le Chemin de France	12 Le Tour du monde en 80 jours	20 Deux Ans de captivité
2 Debut le Conquérant	13 Le Docteur Ox	21 Nord contre Sud
3 Un Billet de Loterie	14 De la Terre à la Lune	22 La Jungla
4 L'Étoile du Sud	15 Autour de la Lune	23 Michel Strogoff
5 L'Archipel en feu	16 Voyage au centre de la Terre	24 Le Capitaine de quinze ans
6 L'École des Hallesons	17 Cinq Semaines en ballon	25 Les Pays des Émirats
7 Le Héros-vert	18 Aventures de trois Russes et de trois Anglais	26 Keralak-le-Fata
8 300 Millions de la Hérogé	19 Une Ville Ballante	27 La Machine à vapeur
9 Tribulations d'un Chinois		28 Hector Servadac
10 Les Indes Noires		29 Aventures de Capitaine Hatteras
11 Le Chancelier		

Prix de chaque volume en francs : 0,50 — 1,00 — 1,50 — 2,00 — 2,50 — 3,00 — 3,50 — 4,00 — 4,50 — 5,00 — 5,50 — 6,00 — 6,50 — 7,00 — 7,50 — 8,00 — 8,50 — 9,00 — 9,50 — 10,00 — 10,50 — 11,00 — 11,50 — 12,00 — 12,50 — 13,00 — 13,50 — 14,00 — 14,50 — 15,00 — 15,50 — 16,00 — 16,50 — 17,00 — 17,50 — 18,00 — 18,50 — 19,00 — 19,50 — 20,00 — 20,50 — 21,00 — 21,50 — 22,00 — 22,50 — 23,00 — 23,50 — 24,00 — 24,50 — 25,00 — 25,50 — 26,00 — 26,50 — 27,00 — 27,50 — 28,00 — 28,50 — 29,00 — 29,50 — 30,00 — 30,50 — 31,00 — 31,50 — 32,00 — 32,50 — 33,00 — 33,50 — 34,00 — 34,50 — 35,00 — 35,50 — 36,00 — 36,50 — 37,00 — 37,50 — 38,00 — 38,50 — 39,00 — 39,50 — 40,00 — 40,50 — 41,00 — 41,50 — 42,00 — 42,50 — 43,00 — 43,50 — 44,00 — 44,50 — 45,00 — 45,50 — 46,00 — 46,50 — 47,00 — 47,50 — 48,00 — 48,50 — 49,00 — 49,50 — 50,00 — 50,50 — 51,00 — 51,50 — 52,00 — 52,50 — 53,00 — 53,50 — 54,00 — 54,50 — 55,00 — 55,50 — 56,00 — 56,50 — 57,00 — 57,50 — 58,00 — 58,50 — 59,00 — 59,50 — 60,00 — 60,50 — 61,00 — 61,50 — 62,00 — 62,50 — 63,00 — 63,50 — 64,00 — 64,50 — 65,00 — 65,50 — 66,00 — 66,50 — 67,00 — 67,50 — 68,00 — 68,50 — 69,00 — 69,50 — 70,00 — 70,50 — 71,00 — 71,50 — 72,00 — 72,50 — 73,00 — 73,50 — 74,00 — 74,50 — 75,00 — 75,50 — 76,00 — 76,50 — 77,00 — 77,50 — 78,00 — 78,50 — 79,00 — 79,50 — 80,00 — 80,50 — 81,00 — 81,50 — 82,00 — 82,50 — 83,00 — 83,50 — 84,00 — 84,50 — 85,00 — 85,50 — 86,00 — 86,50 — 87,00 — 87,50 — 88,00 — 88,50 — 89,00 — 89,50 — 90,00 — 90,50 — 91,00 — 91,50 — 92,00 — 92,50 — 93,00 — 93,50 — 94,00 — 94,50 — 95,00 — 95,50 — 96,00 — 96,50 — 97,00 — 97,50 — 98,00 — 98,50 — 99,00 — 99,50 — 100,00

Жюль Верн в окружении своих героев и созданных ими машин. Рекламная афиша, выпущенная Этцделем-младшим в 1889 году, впоследствии несколько раз возобновлялась с добавлением персонажей новых романов.

Поднявший меч от меча и погибнет! Ядовитый газ, предназначенный для свободных тружеников Франсевиля, погубил самого же Шульце.

В лаборатории произошел взрыв. «Внезапно освободившаяся жидкая углекислота немедленно обратилась в газ и катастрофически снизила температуру окружающего воздуха... Герр Шульце, застигнутый внезапной смертью, мгновенно превратился в ледяного истукана».

И как только пресеклась его деспотическая воля, в Штальштадте сразу же замерла жизнь: надсмотрщики и стражники покинули свои посты, слуги разбежались, рабочие остановили машины и вырвались на свободу.

Собираясь превратить опустевший Штальштадт в арсенал для обороны Франсевиля, доктор Саразен заявляет: «Но если мы будем самыми сильными, мы постараемся в то же время быть и самыми справедливыми и научим наших соседей любить мир и справедливость».

В развязке романа ярче всего выразилась непоколебимая вера обоих писателей в грядущее торжество разума и прогресса.

Критики всегда восхищались этим романом, соединяющим научную фантастику с высокими гражданскими чувствами.

Во время первой мировой войны этот роман Жюль Верна был объявлен пророческим произведением: в изобретенной Шульце дальнобойной пушке усматривался прообраз «Большой Берты», из которой немцы обстреливали Париж.

В годы второй мировой войны французские патриоты, участники Сопротивления, усиленно распространяли «Пятьсот миллионов бегумы» как действенное оружие пропаганды в борьбе с фашистскими оккупантами.

Теперь доказано, что Паскалю Груссе, опытному политику, коммунару-социалисту принадлежит разработка идейной основы и сюжетных положений этого пророческого романа.

V. ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

«Найденыш с погибшей «Цинтии» (1885) в жюль-верновской серии — двадцать восьмой роман и один-единственный, где обозначен соавтор. Легко догадаться, что наибольшая доля участия в работе над книгой принадлежала Андре Лори, а Жюлю Верну — лишь общая редактура и «доводка» глав, связанных с географическими открытиями. Зная интересы и творческую манеру того и другого писателя, можно сказать с уверенностью, что история происхождения Эрика, рассуждения о его «кельтской внешности», описание обстановки, в которой он вырос и воспитывался, интриги злодея, похитившего его у родителей, огромное состояние, обладателем которого он становится в последней главе, — все это близко по духу приключенческим романам Андре Лори и в тех или иных вариантах повторяется в его книгах.

Самая интересная и значительная часть повествования — плавание «Аляски» по следам Норденшельда и географический подвиг, совершенный Эриком, проделавшим в одну навигацию кругосветный рейс в полярных водах России и Америки, — разработана, по-видимому, Жюлем Верном или при его ближайшем участии.

Чтобы оценить смелость замысла, надо знать, что же было в действительности.

На протяжении нескольких столетий мореплаватели безуспешно пытались найти кратчайший путь из Атлантического в Тихий океан. Обычные маршруты — мимо мыса Доброй Надежды или в обход мыса Горн — сильно затрудняли торговые связи с восточными странами, делая морские путешествия длительными и опасными.

Первый, кому удалось пройти Северным морским путем, был выдающийся шведский географ и исследователь Арктики Адольф Эрик Норденшельд. Он вышел из Гетеборга 21 июня 1878 года на хорошо оснащенный китобойное судне «Вега», 19 августа достиг мыса Челюскина, самой северной оконечности Азии, и таким образом успешно решил первую часть задачи: до этих мест не добирался из Атлантики ни один корабль. Дальше «Вега» прошла к Новосибирским островам, потом достигла Колочинской губы и вынуждена была остановиться на зимовку у мыса Сердце-Камень, в каких-нибудь двухстах километрах от Берингова пролива, то есть у самой цели путешествия.

Невдалеке от места стоянки «Веги» находились чукотские стойбища. С гостеприимными чукчами поддерживались дружеские отношения. Норденшельд не устал восхищаться их исключительной честностью, порядочностью, отзывчивостью. Один из чукчей — оленевод Василий Менка — взялся доставить письма с «Веги» иркутскому губернатору, который, в свою очередь, должен был переслать их в Стокгольм. Письма прибыли в Иркутск только 10 мая 1879 года, а тем временем в Швеции снаряжалась спасательная экспедиция.

18 июля «Вега» наконец освободилась от ледового плена и уже 20-го вошла в Берингов пролив. В начале сентября Норденшельд прибыл в Японию, завершив свое великое предприятие.

Практическое же освоение Северного морского пути началось только при Советской власти. Современная навигационная техника сделала его не только постоянно действующим, но и рентабельным. За несколько десятилетий вдоль трассы выросли портовые города.

Что касается северо-западного пути — из Тихого океана в Атлантический, — то он был пройден значительно раньше английским полярным мореплавателем Мак Кляром. Однако большую часть пути Мак Кляр проделал по льду на санях. Только Амундсену в 1903—1906 годах удалось преодолеть северо-западный проход на корабле. Но практического значения этот маршрут не имеет, так как проливы почти всегда забиты тяжелыми льдами.

В романе «Найденыш с погибшей «Цинтии» правда переплетается с вымыслом, фантазия — с реальными фактами.

Эрик неожиданно узнает, что человек, который мог бы сообщить сведения о его семье, находится среди экипажа «Веги», пропавшей без

вести где-то в арктических морях. Юноша попадает на борт «Аляски», отправленной на поиски Норденшельда и в критический момент заменяет капитана.

Великолепное оснащение «Аляски» превосходило возможности полярной навигации того времени. Здесь продумана каждая деталь: стальной таран, электрический прожектор, запасы мощной взрывчатки для предотвращения ледяных заторов, топки, приспособленные для моржового и тюленьего жира взамен угля, и так далее.

Но самое удивительное — маршрут «Аляски». Покинув Стокгольм, она пересекла Атлантический океан, вошла в Баффинов залив, оставила позади проливы американской Арктики и неподалеку от входа в Берингов пролив встретила зимовщиков с «Веги». Так был пройден северо-западный морской путь.

Из Берингова пролива «Аляска» вошла в Восточно-Сибирское море, взяла курс на запад — вдоль берегов Сибири, обогнула мыс Челюскина и вернулась в Стокгольм, повторив в обратном направлении маршрут Норденшельда. Так был пройден северо-восточный морской путь.

Авторы поручили своему герою выполнить фантастически-трудное дело. Первое в мире кругосветное плавание в северных полярных водах было совершено двадцатидвухлетним капитаном за семь месяцев и четыре дня.

История экспедиции Норденшельда естественно вплетается в сюжет. И хотя сам он не выведен в качестве действующего лица, но по сути является одним из героев. Образ шведского ученого незримо присутствует на страницах романа и вдохновляет Эрика.

Из книги Норденшельда «Плавание на «Веге» авторы почерпнули достоверные сведения о природе русской Арктики и все необходимые фактические данные о зимовке у мыса Сердце-Камень. В романе много говорится о перспективах освоения Северного морского пути, который позволит установить регулярное сообщение с Сибирью. Этот прогноз оказался безошибочным. Приводятся и трогательные подробности сердечного отношения к невольным гостям и радушия чукчей, о которых на Западе почти ничего не было известно.

«Найденш с погибшей «Цинтии» — один из немногих романов в серии «Необыкновенных путешествий», где действие частично происходит на территории России. Поскольку авторы пользовались надежным источником, в описаниях природы и обитателей русской Арктики не допущено никаких грубых ошибок. Привлекает искренняя симпатия Жюль Верна и Андре Лори к народам Крайнего Севера, восхищение авторов природными богатствами Сибири и верное понимание ее великого будущего.

Несмотря на небольшой объем, «Найденш с погибшей «Цинтии» — роман очень содержательный. Он является одновременно и нравоописательным (жизнь Эрика в рыбацком поселке Норэ и в Стокгольме), и приключенческо-географическим (поиски семьи Эрика и плавание «Аляски»), и научно-фантастическим, что особенно интересно (кругосветное плавание в морях Арктики).

Образ Эрика покоряет читателей с первых же страниц. Он вырастает на наших глазах, проходит суровую жизненную школу, становится настоящим героем.

Надо обратить внимание и на то, как тщательно продуман во всех деталях и как хорошо построен этот роман. Здесь нет лишних эпизодов. Действие развивается в темпе и нарастает с каждой главой.

«Найденыш с погибшей «Цинтии» немало способствовал популярности Андре Лори, тогда еще только начавшего завоевывать репутацию в новой для него области творчества. Возможно, в его совместном выступлении с маститым Жюлем Верном был заинтересован Этцель, желавший привлечь внимание к одаренному беллетристу, на которого он возлагал надежды. Как бы то ни было, «Найденыш с погибшей «Цинтии», несомненно, лучший из всех романов, подписанных именем Андре Лори, и не проигрывает в серии «Необыкновенных путешествий», хотя не относится к знаменитым произведениям.

Паскаль Груссе как один из организаторов Парижской коммуны и политический публицист вошел в историю; как писатель Андре Лори он давно и прочно забыт. До сих пор переиздается только роман, выпущенный им совместно с Жюлем Верном. Недавно установленные факты неоднократного сотрудничества Груссе — Лори с великим фантастом заставили исследователей заинтересоваться его более чем странной литературной судьбой. Если бы не существовало Паскаля Груссе, а писатель Андре Лори проявил бы себя только как соавтор Жюля Верна, то и этого было бы достаточно, чтобы он вошел на правах классика в историю французской юношеской литературы.

АМЬЕНСКИЙ ЗАТВОРНИК

Главную и подлинную причину переселения Жюль Верна в провинциальный город его внук объясняет семейными неурядицами. Нужно было любым способом оградить Онорину от парижских соблазнов, удержать от безумной расточительности, от пустопорожней светской суеты. И хотя не было другого выбора, решение оказалось не из лучших. В Амьене жили дочери Онорины, ее брат и родители, что само по себе могло лишь усугубить неполадки, еще больше отдалить писателя от чуждого ему окружения.

Как теперь выясняется, длительные поездки в Париж, к родственникам в Нант, уединение в деревенской глуши или на борту яхты «Сен-Мишель», частые и долгие отлучки из Амьена вызывались не только поисками тишины и покоя, необходимыми для успешной работы, но и далеко не идиллическим семейным бытом.

Жан Жюль-Верн, не побоявшийся развеять легенду о счастливой супружеской жизни деда, не считал себя в праве замалчивать его дружеских отношений с людьми, не принимавшими в свою среду Онорину. Среди них была его давняя приятельница госпожа Дюшень, именуемая в семейной переписке «дамой из Аньера»¹. Женщина одного с ним возраста или даже старше, она отличалась начитанностью, широтой кругозора, художественным вкусом и, главное, полностью разделяла его литературные и научные интересы. Бывая в Париже, он делился с ней своими замыслами, рассказывал о своих новых книгах, получал от нее дельные советы. В доме госпожи Дюшень собирались музыканты и драматурги, театральные и литературные друзья, с которыми он когда-то сотрудничал. Это был совершенно иной мир, с духовными интересами, не вмещавшимися в узкие рамки амьенского окружения.

Смерть госпожи Дюшень в середине 80-х годов была для Жюль Верна невосполнимой утратой, как и смерть Этцеля, последовавшая в 1886 году. Почти одновременно в этом же роковом году писатель был тяжело ранен в ногу умалишенным племянником, одним из сыновей Поля Верна, который покушением на его жизнь хотел взбудоражить

¹ А н ь е р — одно из предместий Парижа.

общественное мнение. Дядя, объяснил он на следствии, недостаточно оценен и должен был понести наказание за то, что не захотел баллотироваться во Французскую академию...

Револьверная пуля, так и не извлеченная из сустава, лишила Жюль Верна подвижности, и с тех пор поневоле он становится «амьенским затворником».

Жан Жюль-Верн не скрывает и того, что наибольшие огорчения причинял писателю его единственный сын, чья биография до сих пор оставалась «закрытой». Человек способный и умный, но крайне неуравновешенный и разнузданный, Мишель Верн был типичным представителем «золотой молодежи» — вел беспутную жизнь, попадал в неприятные истории, делал бессчетные долги и так далее. Скандальные похождения Мишеля, переговоры с ним в присутствии полицейских чиновников, его просроченные векселя и долговые расписки, счета из магазинов и ресторанов стоили не только больших денег, но и омрачали существование Жюль Верна. И даже позже, когда Мишель несколько остепенился, его коммерческие аферы, всякий раз приводившие к банкротству, выбивали писателя из колеи. Одна из очередных финансовых катастроф, грозившая Мишелю долгой тюрьмой, совпадает по времени с продажей «Сен-Мишеля III». Если так, то легко понять, почему он расстался с яхтой. А когда несколько лет спустя прогорела основанная Мишелем компания по изготовлению калориферов, отец снова спас его от суда и бесчестия, выложив почти все сбережения — 100 000 франков! Потом лопнула велосипедная фабрика, потом разорилось горнорудное предприятие...

Непритязательный в личном обиходе, Жюль Верн не терпел расщепленности даже в малом. Однажды, рассказывает внук, в ту пору, когда он уже примирился с сыном, Мишель приехал в Амьен в новом шикарном пальто и, чтобы предупредить упреки, радостно произнес:

— Мне удивительно повезло! Купив эту вещь за тысячу франков, я сделал хорошее дело. Пальто прослужит мне десять лет и обойдется всего-навсего по сто франков в год.

— Да, тебе повезло, — ответил отец. — Ты сделал хорошее дело. А я шью себе пальто раз в десять лет за сто франков и потом отдаю в перелицовку.

Чем старше становился Мишель, тем больше тянулся Жюль Верн к непутевому сыну и его семье, и тем сильнее разгорались зависть и злоба дочерей Онорины, с нетерпением ожидавших наследства. В конце концов этот мнимо благополучный буржуазный дом превратился в «клубок змей». Кабинет писателя, куда никто не имел права входить, был для него не только убежищем, но и крепостью.

В такой обстановке он жил и работал последние два десятилетия. В 1888 году, к ужасу жены, падчериц и «респектабельного» амьенского общества, Жюль Верн выставил свою кандидатуру в Муниципальный совет по списку «красных», за которых голосовали преимущественно жители рабочих окраин.

В накаленной атмосфере движения «буланжистов», стремившихся ликвидировать республиканский строй и восстановить монархию, в пе-

Мишель Верн в тридцатилетнем возрасте, в период сближения с отцом.

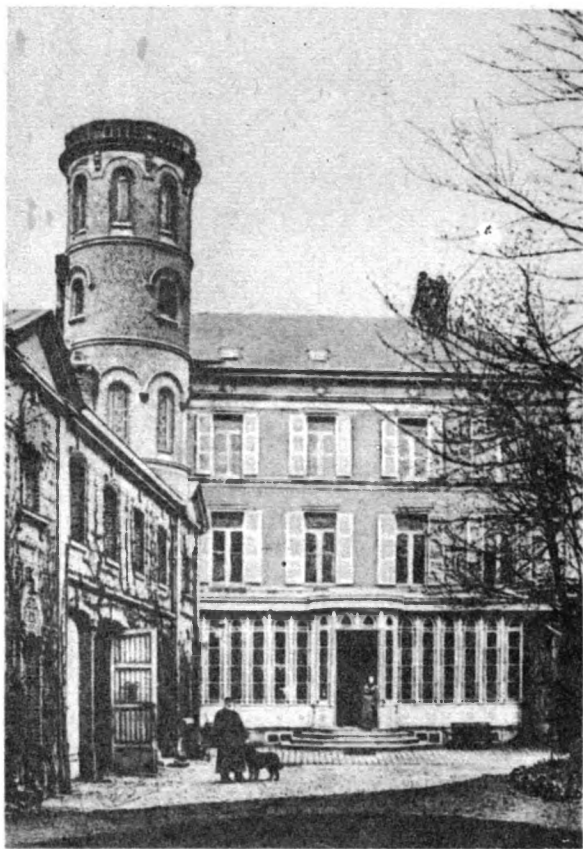

риод разнузданной пропаганды шовинизма и военного реванша Жюль Верн недвусмысленно дал понять, что, хотя и не принадлежит ни к одной из политических партий, ближе всех ему по духу социалисты.

С той же скрупулезностью, с какой он правил корректуры романов, Жюль Верн свыше пятнадцати лет (до 1904 года) выполнял обязанности муниципального советника, заботясь о благоустройстве и культурных нуждах города.

Жан Жюль-Верн подтверждает левые взгляды своего деда также графологической экспертизой, проведенной Пьером Луисом, признавшим Жюля Верна на основании его почерка «тайным революционером». Но, если внимательно прочесть его поздние романы, легко убедиться и без помощи графологии, что писатель был настроен весьма скептически к современной ему буржуазной демократии, доказавшей уже в то время полную неспособность обеспечить народу лучшее будущее.

Критика американского гигантизма, нахального делячества, погони за наживой, ужасов колониального гнета, использования научных достижений во вред людям, сатирические выпады против реакционной политики и военных приготовлений великих держав — все это

Жюль Верн во дворе своего дома в Амьене. У дверей его жена Опори́на. Фотография 90-х годов.

достаточно четко обозначено в его поздних романах: «Вверх дном», «Плавучий остров», «Флаг родины», «Властелин мира».

По-прежнему воспевая науку и научный прогресс, он стремился теперь доказать, что важна не только наука сама по себе: не менее важно, в чьих руках она находится и каким целям служит. Из романа в роман переходит образ разочарованного, непризнанного изобретателя, становящегося игрушкой враждебных «демонических» сил. Злодеи и деспоты, использующие силы науки ради наживы и усиления власти, неизбежно навлекают на себя гибель.

Когда он баллотировался в Муниципальный совет, на его рабочем столе лежала завершенная рукопись сатирического романа «Вверх дном», в котором действуют знакомые лица — члены балтиморского «Пушечного клуба». За истекшую четверть века после появления «С Земли на Луну» внешне как будто ничто не изменилось. Председатель Барбикон не утратил с годами неистощимой изобретательности. Математик Дж. Т. Мэстон, с железным крючком вместо правой руки и гуттаперчевой заплаткой на черепе, как и прежде охвачен научным энтузиазмом. Капитан Николь с тем же азартом занимается испытанием новых взрывчатых веществ. Герои так же фанатично преданы сво-

В садике по другую сторону дома.

ему любимому делу. И все же изменилось главное. Наука в руках вдохновенных артиллеристов из средства познания мира превратилась в орудие наживы.

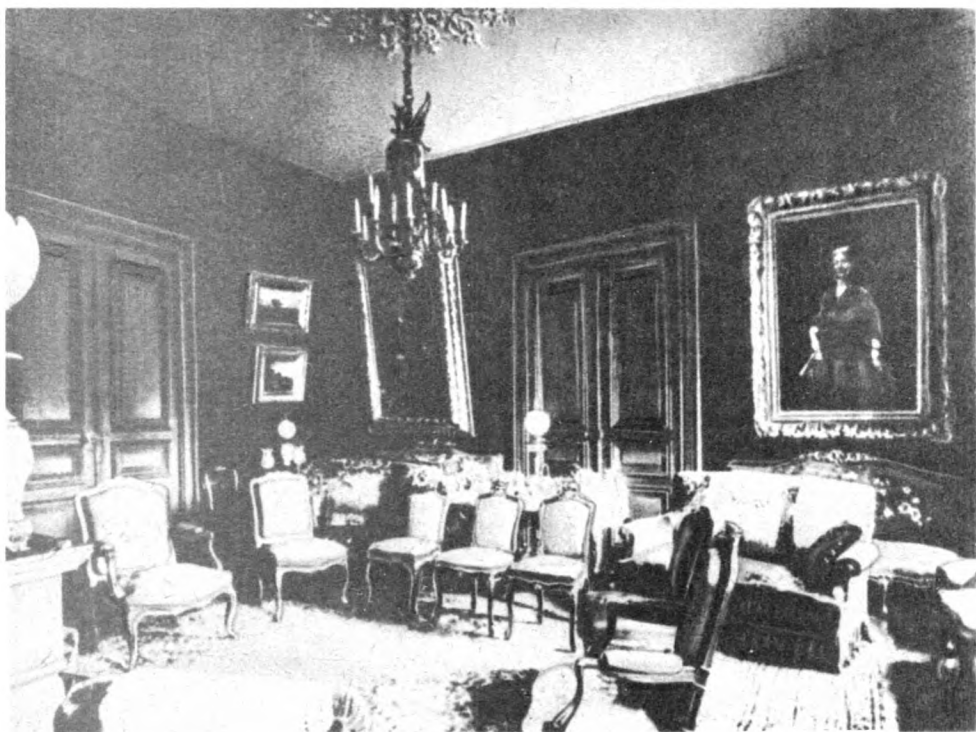
На этот раз Барбикен выступает как один из организаторов промышленной компании по эксплуатации природных богатств... Северного полюса¹. Дело «обещает прибыли, неслыханные в каких бы то ни было предприятиях, торговых или промышленных». Ничейная территория продается с аукциона. В схватке долларов и фунтов стерлингов американские дельцы с туго набитой мошной побеждают высокомерных английских дипломатов.

Чтобы добраться до каменноугольных залежей, надо растопить полярные льды, изменив расположение климатических поясов. Цель будет достигнута, если удастся «выпрямить» земную ось. Дж. Т. Мэстон предлагает воспользоваться невероятной силой отдачи от выстрела гигантской пушки.

---

¹ Тогда еще не было известно, что Северный Ледовитый океан простирается и в районе полюса.

Салон в доме Жюль Верна, обставленный по вкусу Оюрины. На стене справа — ее портрет.

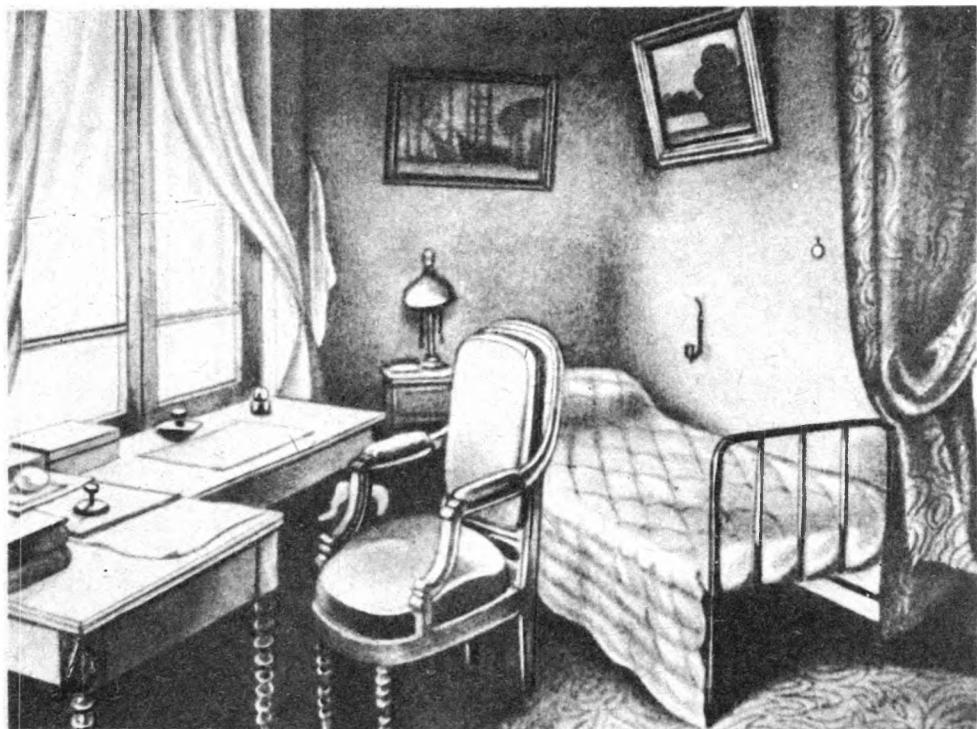
«Пушки! Опять пушки! — восклицает Жюль Верн. — ...Неужели распоряжаться законами промышленности и законами космическими будут всеисильные пушки?»

В помощь азартным артиллеристам приходит изобретение капитана Николя — «мели-мелонит», взрывная сила которого в три-четыре тысячи раз превосходит силу самых мощных взрывчатых веществ.

«Неизвестно, какой прогресс в этом деле сулит нам будущее, — с горечью замечает автор. — Быть может, скоро найдут средства уничтожать целые армии на любом расстоянии».

Новый пушечный выстрел Барбикена нарушает спокойствие во всем мире: моря и океаны затопят целые материки, с лица земли исчезнут многие государства и страны, в пучине вод погибнут целые народы. Но катастрофа не коснется Балтимора и балтиморского «Пушечного клуба». Компанией все предусмотрено: от перемещения земной оси не пострадают личные интересы акционеров и особенно — интересы богатой вдовы миссис Скорбит, вложившей свои капиталы в прибыльное предприятие Барбикена.

Как известно, математик Мэстон из-за повергнувшего его наземь удара грома не дописал три нуля к цифре, выражающей в метрах длину окружности земного шара и затем по оплошности принял ее за сорок

Рабочий кабинет и одновременно спальня писателя. В этой более чем скромной комнате и прилегающей к ней библиотеке он был единственным безраздельным хозяином.

тысяч метров вместо сорока миллионов. В итоге ошибка возросла до двенадцати нулей! Для «выпрямления» земной оси понадобилась бы сила, в триллион раз превосходящая ту, которой располагали Барби-кен и его друзья. Но писатель нисколько не грешит против истины в гротескном изображении бесчестных методов наживы, во имя которой американская промышленная компания, не задумываясь, поставила под угрозу судьбы и благополучие всего человечества.

В ноябре 1893 года Жюль Верн закончил одно из своих лучших произведений, двухтомный роман «Плавучий остров», и послал на просмотр брату, специалисту в области навигации. Отмеченные Полем некоторые неточности в этой «до предела правдоподобной фантазии» писатель исправил за несколько дней. Когда книга была уже подготовлена к печати, Жюль Верн еще раз подчеркнул правдоподобие, казалось бы, более чем невероятной истории:

«Здесь все будет соответствовать современным фактам и нравам, но ведь я прежде всего романист, и мои книги всегда будут казаться выдумкой» (из письма к Полю Верну от 9 сентября 1894 г.)

...Американские миллиардеры сооружают гигантский электроходный остров «Стандарт-Айленд» с лугами и парками на искусственной

почве, с искусственной речкой Серпентайн, с великолепным городом Миллиард-Сити. К услугам богачей все блага цивилизации и комфорта: искусственный климат, движущиеся тротуары, электрические автомобили, круговая железная дорога, роскошные особняки, шедевры искусства, вывезенные из Европы, «гигиеническая», «консервированная» целебная музыка, «газеты, напечатанные на съедобной бумаге шоколадной краской, дающие пищу не только уму, но и желудку», и, разумеется, многочисленная обслуга, телохранители, стражники, вышколенные солдаты, прельщенные высоким жалованьем.

Удалившиеся от дел «набобы» мечтают праздно и беспечно коротать свои дни на блаженном острове, медленно плывущем по Тихому океану от одного архипелага к другому. Но диктаторские замашки миллиардеров вносят на Стандарт-Айленд атмосферу вражды и соперничества. Борьба за власть двух главных магнатов — нефтяного короля Джема Танкердона и банкира Ната Коверли — делит население острова на два враждующих лагеря. Могучие моторы, пущенные в разные стороны, разрываюот остров на части, превращая его в грудю обломков. Потерпевших крушение подстерегают бури и грозы, муки голода и жажды. «Как знать, — восклицает автор, — может быть, близок день, когда даже за миллион долларов им не купить фунта мяса или фунта хлеба!»

Фантастика социальная не отделяется от технической. Плавающий город-курорт, не зависящий от капризов погоды, мыслится как высшее достижение кораблестроительного искусства и строительной техники будущего. Устройство корабля-гиганта продумано во всех деталях. Это, можно сказать, бесконечно усовершенствованный и возведенный в энную степень «Грейт Истерн».

Писатель воздерживается от прямой публицистики... Прозрачные аллегории и широкие обобщения естественно вытекают из самого действия. Так он строил свои поздние фантастические романы, внушая читателям все ту же мысль:

«Наука должна служить только добру! Нельзя допускать, чтобы она опережала уровень нравственности!»

На склоне лет он задавался вопросом: к чему приведет дальнейшее развитие военной техники? Смогут ли люди предотвратить глобальные бедствия грядущих войн?

В 1896 году, когда уже было открыто явление радиоактивности, Жюль Верн опубликовал «Флаг родины». Герой этого небольшого романа Тома Рок — изобретатель «фульгуратора», орудия такой мощности, что «государство, обладающее им, стало бы неограниченным властелином всех континентов и морей». По силе действия этот снаряд приближается к атомному оружию. Озлобленный неудачами, гениальный маньяк Тома Рок, в душе которого «патриотическое чувство... угасло бесследно», продает свой чудовищный «фульгуратор» главарю шайки пиратов, состоящей из негодяев и проходимцев со всех концов света, и становится сам их пленником.

Глубокий общественный смысл произведения полностью раскрывается в финальной главе, когда Тома Рок, увидев на одном из кораблей, осаждающих остров пиратов, французский флаг, почувствовал угрызения совести. Сознание неизгладимой вины перед родиной и

Писатель в образе астронома-любителя короля Малекарлии из романа «Плавающий остров» (1895). Художник Л. Бенетт.

зла, которое он породил, заставляет его отважиться на поступок отчаяния: он взрывает остров своим снарядом и гибнет вместе с бандитами, унеся в могилу тайну фульгуратора Рока.

...Тоска и одиночество толкали Жюль Верна к еще более интенсивной работе, превратившейся под конец жизни в маниакальную страсть. Полуслепший, глухой, страдающий от подагры и диабета, от мучительных резей в желудке, он почти не ел, почти не спал, но продолжал исступленно писать... В результате накопилось столько готовых рукописей, что издатель, Этцель-младший, выпускавший ежегодно по два новых тома «Необыкновенных путешествий», не мог угнаться за производительностью автора. Многие из поздних романов, как и предвидел писатель, стали посмертными.

Сохранилась семейная фотография: благообразный седой старик в люстриновом сюртуке сидит на соломенном диванчике во дворе своего дома на фоне кирпичной стены — с отрешенным видом, нога на ногу, устремив вдаль невидящий, задумчивый взгляд. Он весь в себе. А рядом, на том же диванчике, в нарядном шелковом платье, изогнувшись в кокетливой позе, положив ему на плечо руку, позирует, деланно улыбаясь, седая старая женщина, которой все еще хочется выглядеть

моложе своих лет. Она вся напоказ. Жюль и Онорина. Супружеская чета. Какая их разделяет бездна!

Да, он был трагически одинок. Возможно, внук писателя несколько преувеличивает духовную близость между Жюлем Верном и его сыном, причинившим ему столько горя. Но как бы то ни было, Мишель стал для него в последние годы едва ли не единственным желанным собеседником, и именно ему писатель завещал свои рукописи.

Ирония судьбы! В романах он высмеивал авантюры дельцов, обличал беззащитное стяжательство, а в жизни покрывал аферы Мишеля, от которого не видел простой благодарности. Вот несколько грустных строчек из письма к брату: «Дела мои складываются так плачевно, что меня страшит будущее. Мишель ничего не делает и не может найти себе применения. Я потерял из-за него 200 000 франков и воспитание трех его мальчиков целиком ложится на мои плечи. Что и говорить, конец мой печален».

Разоренный преступным легкомыслием сына, он отдал ему все, что имел: рукописи неопубликованных книг.

«Я желаю и настаиваю, — сказано в завещании, заверенном нотариусом, — чтобы все мои рукописи, мои книги, мои карты, моя библиотека, мои бумаги, все без изъятия, включая ноты, черновые наброски и т. д. немедленно перешло в полную и безраздельную собственность моего сына Мишеля Верна».

**Жюль Верн на склоне лет.
Фото Э. Демарс (Амьен).**

...Жюль Верн скончался семидесяти семи лет, 24 марта 1905 года.

Его друг и невольный соавтор Паскаль Груссе поместил некролог в газете «Ле Тан», содержащий самую глубокую оценку творческого подвига Жюль Верна, какой его удостоили современники:

«И до него были писатели, начиная от Свифта и кончая Эдгаром По, которые вводили науку в роман, но использовали ее главным образом в сатирических целях. Еще ни один писатель до Жюль Верна не делал из науки основы монументального произведения, посвященного изучению Земли и Вселенной, промышленного прогресса, результатов, достигнутых человеческим знанием, и предстоящих завоеваний. Благодаря исключительному разнообразию подробностей и деталей, гармонии замысла и выполнения, его романы составляют единый и целостный ансамбль, и их распространение на всех языках земного шара еще при жизни автора делает его труд еще более удивительным и плодотворным...»

В 1907 году на кладбище Мадлен в Амьене был поставлен надгробный памятник работы Альбера Роза: Жюль Верн поднимается из могилы, отталкивая плечами мраморную плиту.

Скульптурное изображение столь же символично, как и выгравированная на постаменте эпитафия — «К бессмертию и вечной юности».

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

I. ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

Так называемые посмертные романы Жюль Верна продолжали выходить непрерывно до конца 1910 года:

- «Маяк на краю света» (1905),
- «Золотой вулкан» (1906),
- «Агентство Томпсон и К^о» (1907),
- «В погоне за метеором» (1908),
- «Дунайский лоцман» (1909),
- «Кораблекрушение «Джонатана» (1909),
- «Тайна Вильгельма Шторица» (1910).

Затем был опубликован сборник новелл «Вчера и сегодня» (1910), включающий небольшую повесть «Вечный Адам». И наконец, после четырехлетнего перерыва на страницах газеты «Матэн» появился последний роман «Удивительные приключения экспедиции Барсака» (1914), изданный отдельным томом лишь в 1919 году.

Таким образом, публикация всей серии от первой до последней книги продолжалась 56 лет.

«Необыкновенные путешествия» в коллекции Этцеля занимают шестьдесят пять томов большого формата, украшенных двумя с половиной тысячей гравированных иллюстраций в исполнении лучших французских мастеров. В одновременно выходивших дешевых компактных изданиях та же серия охватывает девяносто восемь книг — всего около тысячи печатных листов или двадцати тысяч книжных страниц.

Произведения, напечатанные после смерти Жюль Верна, входят в состав его сочинений и переведены на многие языки, в том числе, разумеется, и на русский.

По содержанию и художественной значимости посмертные книги очень разные.

Поговорим лишь о некоторых.

К примеру, «В погоне за метеором» — роман типично жюль-верновский, написанный с блеском и сатирической остротой. Главная тема — пагубная власть золота.

В сферу земного притяжения попадает золотой метеор. Чудаковатому французскому ученому Зефирену Ксирдалю, который живет

лишь наукой и не замечает, что творится вокруг, удается с помощью особой машины притянуть к земле драгоценную небесную глыбу. Когда становится известно, что золотой метеор должен упасть, в Европе и Америке начинается паника: золото обесценивается, акции превращаются в простые бумажки, дома для умалишенных заполняются тысячами разоренных людей, во всем мире нарушается финансовое и политическое равновесие. К берегам Гренландии, куда должен упасть метеор, прибывают военные корабли и войска. Обстановка становится напряженной, не сегодня-завтра разразится мировая война...

Ксирдаль с огорчением видит пагубные последствия своего научного опыта. Переоборудовав машину, он подвергает золотую глыбу бомбардировке «атомами» и сталкивает ее в море. Золотой мираж исчезает, и все возвращается к исходному состоянию: эскадры и войска убираются восвояси, биржевые акции снова повышаются, споры и вражда утихают. Впрочем, в выигрыше остается «великий полководец в денежных битвах» банкир Лекер. Вовремя выведав намерения своего крестника Ксирдаля, он молниеносно скупает обесцененные бумаги и через несколько часов становится миллиардером.

Здесь та же прозрачная фантастическая аллегория с большими социальными обобщениями, что и в других поздних романах Жюль Верна, и очень похожий творческий почерк...

Необычны по философскому наполнению «Кораблекрушение «Джонатана» и повесть «Вечный Адам».

Тема повести — космическая катастрофа и гибель мировой цивилизации. Уцелевшие люди возвращаются к первобытному состоянию и только немногие из оставшихся в живых подхлестывают притупившийся разум, «чтобы завоевания человечества не исчезли бесследно», чтобы «облегчить тягостный путь неведомым братьям, не питая надежды на то, что их труд будет по достоинству оценен...» Спустя тысячелетия возникает новая цивилизация, и ученый Софр-Аи-Ср восстанавливает события далекого прошлого. На повести лежит печать пессимизма, не свойственная автору «Необыкновенных путешествий» даже в годы крушения иллюзий. Несвойственна ему была также идея движения истории по замкнутому кругу. Он верил в неуклонный прогресс.

«Кораблекрушение «Джонатана», далеко не детский роман, заполнен философскими рассуждениями, вложенными в уста Кау-Джера, человека, исповедующего анархистские взгляды и почему-то наделенного художником Ру портретным сходством с русским революционером-анархистом П. А. Кропоткиным.

Кау-Джер, одинокий скиталец, нашедший прибежище на отрезанном от мира клочке суши, на широте мыса Горн, где сливаются воды двух океанов и только в редкие дни не бывает сильных бурь. Этот человек располагает неограниченными средствами, но довольствуется жалкой хижинкой и добывает пропитание охотой. Он всесторонне образован, сведущ в медицине и так свободно владеет многими языками, что любой европейский моряк принял бы его за соотечественника. Настоящее имя и национальность Кау-Джера неизвестны. Он беззаветно служит «самым обездоленным из людей» — индейцам Огненной

«К бессмертию и вечной юности». Памятник на могиле Жюль Верна в Амьене. Скульптор Альбер Роз, 1907.

Земли и архипелага Магальянес. Кау-Джер на языке индейцев означает «друг», «покровитель». Его образ окружен ореолом таинственности.

Кау-Джер не призывает ни законов, ни власти. Прекраснодушный мечтатель, он способен противопоставить мировому злу лишь абстрактные идеалы свободы и справедливости.

И вот, когда на траверсе мыса Горн терпит крушение судно с переселенцами, Кау-Джер не может их оставить в беде и организует на острове Осте колонию.

С чего начать? Прежде всего нужно добиться порядка, дисциплинировать разношерстную толпу. Чтобы подчинить ее каким-то разумным требованиям, необходимо сломить анархию.

Происходит неизбежное: человек, не признающий законов, вынужден вводить законы; считающий безвластие высшим благом — должен применить власть; отвергающий правовые нормы — карать правонарушителей. Авторитет Кау-Джера непререкаем, но все, что он ни делает, противоречит его убеждениям. Ни одно начинание не обходится без применения власти и силы. В конце концов разочарованный Кау-Джер слагает с себя полномочия и поселя-

ется на уединенном островке. После всего пережитого осталось лишь чувство горечи.

Сюжет с коллективной робинзонадой — в духе жюль-верновского творчества. И юные герои Дик и Сэнд заставляют вспомнить «Пятнадцатилетнего капитана». Только вряд ли в глубокой старости, полуослепший, мучимый недугами, торопясь завершить свои давние замыслы, он стал бы вдаваться в длинные рассуждения о государстве и праве, о частной и общественной собственности, об анархизме и социализме, о политических учениях разных оттенков...

И последний роман — «Удивительные приключения экспедиции Барсака», во многом повторяющий сюжетные линии поздних произведений.

Преступник и негодяй Киллер (по-английски — «убийца») скрывается от властей во Французской Западной Африке. Заманив к себе обманным путем гениального изобретателя Камарэ, он сооружает с его помощью усовершенствованный по последнему слову техники бастион смерти — город Блекланд, куда стекаются из разных стран и где благоденствуют авантюристы и отпетые преступники. Рабочих, вывезенных из Европы, и негров, согнанных на строительство и для обработки плантаций, Киллер превращает в рабов. Кто попадет однажды в Блекланд, никогда больше не вырвется из его стен.

К услугам Киллера аэропланы с реактивными двигателями, разрушительные снаряды, управляемые по радио, рефлекторы — «цикло-скопы», фиксирующие и увеличивающие отображение на большом расстоянии, что позволяет следить за рабами на плантациях, аппараты искусственного климата, преобразившие пустыню, и другие изобретения Камарэ, которые Киллер использует в человеконенавистнических целях, для укрепления тиранической власти.

Жизнь Блекланда подчинена распорядку, установленному жестоким властителем. Промежуточное звено между ним и «советниками» — вооруженные до зубов головорезы (личная охрана Киллера, полиция, надсмотрщики), а на нижней ступени — европейцы и негры, таинственно «исчезающие» при малейших признаках недовольства.

Киллер похищает членов экспедиции французского политического деятеля Барсака, собирающего материалы, чтобы доказать Национальному Собранию способность африканских негров к самоуправлению. После многих злоключений похищенные участники экспедиции проникают на завод Камарэ, который сам является пленником Киллера и находится в дакой строгой изоляции, что даже не подозревает, как используются его изобретения. С помощью Камарэ пленники направляют на Блекланд смертоносные орудия, служившие до этого диктатору, и поднимают восстание рабов. Блекланд уничтожен. Киллер и его приспешники погибают.

На месте разрушенного Блекланда будет основан новый, свободный город. Бывшие рабы Киллера станут полноправными гражданами. Чудесные изобретения Камарэ, тоже погибшего под развалинами Блекланда, теперь найдут применение в мирных, созидательных целях.

Роман, несомненно, значительный. В нем чутко уловлены зловещие симптомы, проявившиеся в политике великих держав в годы подготовки первой мировой войны. Уловлены и новые научные веяния.

Известно, что текст каждого из романов Жюль Верна после нескольких корректур сильно отличался от первоначального, во многом еще чернового варианта, отданного в типографию. Отсюда легко заключить, что все посмертные произведения неизбежно должны были подвергнуться правке и редактированию. Совершенно очевидно, что Мишель Верн, либо кто-нибудь из опытных литераторов, дописывал отдельные куски и перерабатывал главы, казавшиеся неудачными, а иногда даже превращался в фактического соавтора, поскольку в архиве писателя остались и незавершенные рукописи.

Самые большие сомнения у авторитетных исследователей вызвала подлинность трех романов: «Агентство Томпсон и К^о», «Кораблекрушение «Джонатана» и «Удивительные приключения экспедиции Барсака».

Еще в середине 30-х годов итальянский исследователь Эдмондо Маркуччи обратился с запросом к внуку писателя Жану Жюль-Верну и получил ответ:

«Использование рукописей, чтение которых приводило к затруднениям или которые не были закончены, могло потребовать со стороны моего отца самостоятельной оригинальной работы. Если предположить, что соавторство — прямое или косвенное — имело место, то речь может идти только о моем отце. Что же касается «Экспедиции Барсака», то эта книга, опубликованная в последнюю очередь, должна была, действительно, потребовать более радикальной переделки. Дата ее опубликования показывает, что мой отец колебался, учитывая, какой работы это потребует. Отсюда можно заключить, что его доля участия в пересмотре этой рукописи была более значительной, чем в отношении предыдущих томов»¹.

В изданной много лет спустя монографии Жан Жюль-Верн вообще обходит вопрос о пределах вмешательства в рукописи посмертных романов и даже доказывает, что его отец был всего лишь редактором. Вот что, к примеру, сказано о подготовке к печати «Удивительных приключений экспедиции Барсака»: «В черновиках романа Мишель обнаружил заготовки фраз, мысли, которые поверял ему отец, он узнал рассказ, который они столько раз обсуждали. И выяснилось, что поправок было не так уж много, во всяком случае не больше, чем позволял себе иногда делать Этцель. Правда, на этот раз автор не мог их одобрить, но речь и в самом деле шла о ничтожных доделках, допустимых и при иных, менее оправданных обстоятельствах».

Между тем хорошо известно, что свой последний роман Жюль Верн успел лишь начать, а в окончательном виде это — солидный том

---

¹ Текст письма Жана Жюль-Верна, полученный от Э. Маркуччи, опубликован с его разрешения в моей книге «Жюль Верн», изд. 2-е, Л., 1963, с. 327.

(в дешевом издании — две книги!). Значит, даже при самом бережном отношении, Мишель не мог ограничиться редактурой. Напротив, по договору с Этцелем-младшим он выговорил себе право распоряжаться отцовскими рукописями — редактировать их, исправлять, вносить изменения, какие он сочтет нужным. Архив Этцеля стал доступен исследователям, и текст договора получил огласку.

Вопреки желанию Жана Жюль-Верна, еще одна «семейная тайна», без сомнения, самая волнующая, открылась лишь в последнее время. Жаль, что без его участия!

В феврале 1978 года итальянский журнал «Панорама» опубликовал интервью с молодым правоведом из Турина П. Гондоло делла Рива, который заслужил репутацию крупнейшего знатока жизни и творчества французского романиста и уже не один год является вице-президентом парижского Жюль-верновского общества.

Вот выдержки из этого репортажа:

«Вопрос: Какое же открытие вы сделали?»

Ответ: Нашел другого Верна.

Вопрос: То есть?

Ответ: Его сына Мишеля. О нем мало известно, он вел странную жизнь и часто ссорился с отцом, не одобрявшим его беспорядочную жизнь и постоянные требования денег. Когда отец умер, Мишель пытался коммерчески использовать его имя и славу, публикуя якобы неизданные произведения Жюля Верна, написанные в большинстве им самим, Мишелем.

Вопрос: Но ведь было известно, что Мишель закончил роман «Удивительные приключения экспедиции Барсака», прерванный на пятидесятой странице...

Ответ: Да, но это единственный случай «совместной» работы, который им признан. На самом же деле все посмертно изданные произведения почти полностью принадлежат перу сына. Например, в «Агентстве Томпсон и К^о» ни одна строка, по-моему, не написана самим Жюлем Верном.

Вопрос: Как вы это обнаружили?

Ответ: Это единственный роман, от которого осталась только рукопись, написанная рукой Мишеля. У всех остальных посмертных произведений существует машинописная копия с указанием «оригинальный текст». Мне удалось получить эти документы от наследников издателя Этцеля. Сравнивая их с рукописями Жюля Верна, хранящимися в его семье, я увидел, что они полностью совпадают. Отсюда их подлинность. Но для меня они оказались совершенно новыми романами, отличными от тех, которые были опубликованы. ...Например, повесть «Вечный Адам» целиком принадлежит Мишелю. Или «Кораблекрушение «Джонатана», роман, который до сих пор считали политическим завещанием Жюля Верна, тоже, очевидно, принадлежит сыну: Жюль его написал и закончил в шестнадцати главах, Мишель же довел до тридцать одной главы и переделал остальные. ...В общем благодаря вмешательству Мишеля изменился дух романов, переплетение событий и даже сами действующие лица.

Вопрос: А эти посмертные фальшивки имели успех?

Ответ: Мишель, несомненно, был лучшим писателем, чем поздний Жюль Верн, у которого сюжет развивался медленно, натянуто, запутанно. Если не касаться идеологии, то все, сочиненное Мишелем, представляет, безусловно, положительное явление с точки зрения литературной.

Вопрос: Почему же он так мало написал?

Ответ: Сразу после смерти Жюля Мишель опубликовал в «Фигаро» статью, в которой дал перечень всех неизданных романов, оставшихся после отца. Потом он уже, естественно, был вынужден придерживаться этого списка. Когда книги были опубликованы, он уже больше не мог «открыть» другие»...

Вполне возможно, что Гондоло делла Рива или тот, кто его интервьюировал, допустил некоторые преувеличения. Но факт остается фактом: писатель-невидимка Мишель Верн, выступавший от имени отца, во многом подменил его собственным творчеством. И все-таки явные «фальшивки» («Агентство Томпсон и К^о», «Вечный Адам») следуют отделять от романов, с большими или меньшими отклонениями, воссозданных по текстам Жюля Верна. Искусно имитируя идейное содержание и художественную манеру его поздних произведений, Мишель еще больше углублял и старался как мог заострить не слабые, а сильные стороны — критический и обличительный пафос «своего Жюля Верна», как это он сделал с «Удивительными приключениями экспедиции Барсака», пользуясь только черновыми набросками.

Новые изыскания Гондоло делла Рива (статьи в журнале «Эроп» и «Бюллетене Жюль-верновского общества») свободны от всякой сенсационности. Сравнительный анализ показал со всей очевидностью, что Мишель Верн меньше всего заботился о близости публикуемых текстов к тем, которые ему завещал отец. То, что попадало в печать в качестве посмертных произведений, представляет собой в лучшем случае вольную обработку оригиналов.

К примеру, в рукописи «В погоне за метеором» отсутствует образ Зефирена Ксирдаля и вся сюжетная линия, связанная с его деятельностью. Золотой болид упал на Землю без всякого искусственного воздействия. Выиграл ли роман от введения Ксирдаля, разных эпизодов, оживляющих сюжет, композиционных перетасовок и так далее? Безусловно, выиграл. Но он перестал быть романом Жюля Верна, а стал произведением двух авторов.

То же самое происходило со всеми романами.

«Тайна Вильгельма Шторица», роман о человеке-невидимке, переделан меньше, чем другие произведения. У Жюля Верна действие происходит в конце XIX века, а Мишель по своей прихоти перенес его в середину XVIII, и это неминуемо должно было изменить мотивировки, социальный и бытовой фон, а также многие эпизоды. И хотя схема повествования и число глав в данном случае сохранились, варианты между двумя редакциями, первоначальным текстом и окончательным, очень значительны.

И здесь, даже воздержившись от коренной переделки, Мишель выступил в роли соавтора!

Создается впечатление, пишет Гондоло делла Рива, что сын писателя хотел взять реванш по отношению к своему отцу. И все же исследователь несколько преувеличивает творческую самостоятельность Мишеля Верна. Ведь он был не столько оригинальным писателем, сколько умелым имитатором. Конечно, ему не откажешь в одаренности. Но больше всего в нем поражает гибкость ума, способность к мимикрии, искусство приспособления, свойства, которыми он был наделен в полной мере. Он эксплуатировал отца не только при его жизни, но и после смерти. Подобно паразитическому растению, он цепко опутал могучий ствол, существуя за счет его живительных соков в незавидном качестве писателя-невидимки.

Дальнейшие изыскания и публикация подлинных текстов внесут полную ясность в судьбу посмертных произведений Жюль Верна. Но каковы бы они ни были, вряд ли исчезнут из обращения широко известные книги и будут заменены первоначальными текстами, которые в большинстве остались недоработанными и не были подготовлены к изданию самим автором. По-видимому, по прошествии стольких десятилетий оригинальные тексты посмертных романов смогут заинтересовать только специалистов...

И тут снова всплывает вопрос о рукописном наследии Жюль Верна, о рукописях его посмертных романов, которые, как видно, все же хранились у его биографа — внука. Жан Жюль-Верн умер восьмидесяти восьми лет в апреле 1980 года. Вслед за сообщением о его кончине можно было ожидать информации о судьбе архива. И действительно долго ждать не пришлось. Спустя несколько месяцев в парижском журнале «Экспресс» появилась тревожная статья, а затем последовало ее изложение в советской газете «За рубежом» (1980, № 51):

«После смерти Жана Жюль, внука писателя, семья решила расстаться с черновиками, набросками и неопубликованными произведениями Жюль Верна — в общей сложности 90 рукописей. Высоко ценящие писателя родственники, — иронически сказано в этой заметке, — запросили за его литературное наследие кругленькую сумму в 8 миллионов франков. Тощий кошелек мэрии Нанта, родного города великого фантаста, не позволил ей приобрести документы, чтобы пополнить музей, посвященный писателю. Министерство культуры Франции отказалось взять на себя долю расходов, сочтя такую стоимость архива чрезмерной. Вот почему вполне вероятно, что ценные бумаги Жюль Верна уплывут или улетят в США, откуда нынешним владельцам архива поступают весьма соблазнительные предложения».

К счастью, этого не случилось. В конце концов увенчались успехом энергичные действия общественных сил Франции. Хранительница фонда Жюль Верна Муниципальной библиотеки Нанта, г-жа Люс Кюрвиль с удовлетворением сообщила мне в письме от 8 января 1981 года, что все рукописи Верна, теперь уж без всякого сомнения, переходят в Нантский Жюль-верновский Центр.

Итак, семейный архив, в течение многих десятилетий ревниво оберегавшийся владельцами, передается на государственное хранение. Исследователи найдут к нему доступ и до конца раскроют секреты, в разглашении которых не были заинтересованы наследники знаменитого романиста.

II. ЖЮЛЬ ВЕРН — СЕГОДНЯ

В двадцатом веке наука опередила даже самые смелые жюльверновские фантазии. «Наутилус» капитана Немо и «Альбатрос» Робура-завоевателя не могут теперь вскружить голову ни одному школьнику. Любой мальчуган запросто объяснит, почему нельзя отправиться на Луну в пушечном ядре.

Придуманное Жюлем Верном машины кажутся допотопными. Устарели его научные идеи. Нуждаются в серьезных поправках даже географические описания. В мире произошло столько изменений, наука достигла такого могущества, что в книгах великого фантаста почти уже нечему удивляться.

Время смещает критерии и меняет оценки. Еще при жизни писателя его книги были переведены на многие языки, читались во всем цивилизованном мире, а сам он сетовал на невнимание критики, считавшей его лишь «детским беллетристом», и, как ни настаивал Этцель, не решился баллотироваться во Французскую академию.

На протяжении многих десятилетий Жюль Верн воспринимался в одном ряду с Гюставом Эмаром, Майн Ридом, Луи Жаколио, Луи Буссенаром и другими плодовитыми авторами приключенческих романов для юношества, хотя и обладавшими своими достоинствами, но отодвинутыми историей в прошлое.

И произошло небывалое: «детский беллетрист», «развлекатель подростков» с опозданием занял свое законное место в Пантеоне французских и мировых классиков! Уместно процитировать в этой связи слова из статьи в газете «Юманите» (от 24 марта 1955г.), опубликованной к пятидесятилетию кончины писателя: «Мы принимаем его в наши ряды и для детей и для взрослых. Жюль Верн — классик народа».

Так в чем же секрет его немеркнувшей славы?

Прежде всего он из тех феноменальных явлений культуры, которые принадлежат не только своей стране, но народам всего мира.

Феноменальность — в огромном, неоспоримом и все еще не до конца осознанном властном влиянии на умы сменяющихся поколений. Прослеживается оно по нескольким линиям. В ширь и в толщи читательских масс, как влияние цивилизующее, просветительное, воспитательное, благодаря возложенной им на себя благородной миссии пропагандиста и популяризатора знаний. Во-вторых, о чем уже говорилось вначале, — обратное воздействие на науку, которое можно назвать вдохновляющим: прямое или косвенное влияние писателя на науку и научный прогресс.

Феномен Жюля Верна — и в его мощном воздействии на развитие мировой научной фантастики. Найденный им тип романа оказался чрезвычайно действенным, нашел продолжателей во всех странах. Это фантастика доуэллсовского периода — приключенческая, инженерная, прогностическая. Применяясь к новым условиям, она продолжает свою жизнь и поныне в основном в литературе для юношества. «Школа Жюля Верна» — разветвленное литературное направление, сложившееся столетие с лишним назад и сохранившее свою жизненность.

Но главный секрет Жюль Верна — его талант романиста, мастера приключенческой интриги, первооткрывателя нового положительного героя, воплотившего в себе черты человека будущего, во многом созвучного героине нашего времени. И сейчас мы следим с волнением за полярной одиссеей капитана Гаттераса, хотя знаем, что Северный полюс давным-давно завоеван. И поныне капитан Немо, творец «Наутилуса», остается гениальным изобретателем и борцом за свободу, хотя его подводный корабль перестал быть «чудом техники». А разве можно забыть Паганеля, Филеаса Фогга, Дика Сэнда, Роберта Гранта, Сайреса Смита, Мишеля Ардана или бросить на середине чтение любого из романов Жюль Верна?

Произведения талантливого писателя по-прежнему остаются молодыми, не стареют и не обесцениваются приключенческие сюжеты, отвага, подвиги и дерзания героев «Необыкновенных путешествий».

По данным международной книжной статистики, к началу 1970-х годов по числу переводов на языки народов мира он занимал третье место в глобальном масштабе, уступая лишь двум авторам: Ленину и Шекспиру.

В 1976 году Статистический ежегодник ЮНЕСКО зарегистрировал новый рекорд — 156 переводов!

В Советском Союзе из всех иностранных писателей Жюль Верн по числу изданий идет вслед за Джеком Лондоном и Виктором Гюго. Как сообщает Всесоюзная Книжная палата, за годы Советской власти (с 1918 по 1976 г.) книги Жюль Верна издавались в СССР 374 раза на 23-х языках астрономическим тиражом 20 507 тысяч экземпляров. За последнее пятилетие общий тираж его книг в нашей стране значительно возрос. И это не считая театральных пьес, кинофильмов и телеспектаклей по сюжетам «Необыкновенных путешествий».

Наступление космической эры ознаменовало высший триумф Жюль Верна, предвидевшего искусственные спутники и межпланетные перелеты с Земли на Луну. Когда советская космическая ракета впервые передала на Землю фотографии обратной стороны Луны, одному из «потусторонних» лунных кратеров было присвоено имя «Жюль Верн».

Кратер Жюль Верн примыкает к Морю Мечты...

Так советские ученые увековечили память гения научной фантастики.

В 1978 году человечество торжественно отметило 150-летие со дня рождения одного из своих славных сынов.

«Необыкновенные путешествия» выходят в новых и новых изданиях, распространены везде, куда проникает печатное слово.

Жюль Верн был и остался неумирающим спутником юности.

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько пояснительных слов	5
Вдохновитель исканий	7
Легенды	11
Интервью	14
Знакомьтесь: Жан Жюль-Верн	25
Дорога на Парнас	33
Все, что возможно, — сбудется!	58
Из пушки на луну	76
I. «Можно ли в этой точке подпрыгнуть?»	76
II. Вперед века	81
Двадцать четыре минуты на воздушном шаре	87
Ничего нет лучше путешествий!	92
I. Шотландия и Скандинавия	92
II. «Грейт Истерн»	107
III. «Сен-Мишель»	115
Вершины	126
I. Дети ищут отца	126
II. Тайна капитана Немо	132
III. Новые люди	145
Борьба за скорость	152
Голоса из России	160
I. Первые переводы	160
II. Точки соприкосновения	162
Иллюстрации Л. Н. Толстого к роману «Вокруг света в восемь- десять дней»	166
Феерии	170
Фантазии в сновидениях	176
I. Идеальный город	177
II. Поезда будущего	180
Соавтор — парижский коммунар	186
I. Паскаль Груссе	186
II. Андре Лори	190
III. Биография книги	191
IV. Франсевиль и Штальштадт	193
V. Двадцать восьмое необыкновенное путешествие	197
Амьенский затворник	201
Жизнь после смерти	212
I. Что было дальше	212
II. Жюль Верн — сегодня	220

*Для среднего
и старшего возраста*

**Брандис
Евгений Павлович**

**Р Я Д О М
С Ж Ю Л Е М В Е Р Н О М**

Ответственный редактор
В. К. З и б о р о в.

Художественный редактор
В. П. Д р о з д о в.

Технический редактор
Э. П. К о р е н ю к.

Корректоры
Л. А. В о ч к а р ё в а и
Н. Н. Ж у к о в а.

ИБ 5113

Сдано в набор 02.12.80. Подписано к печати
04.05.81. Формат 70×100^{1/4}. Бумага офсетная
№ 2. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 18,2. Усл.кр.-отт. 29,25. Уч.-изд. л. 15,61.
Тираж 100 000 экз. М-23036. Заказ № 131. Цена
70 коп.

Ленинградское отделение ордена Трудового
Красного Знамени издательства «Детская ли-
тература». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополи-
графпрома Государственного комитета РСФСР
по делам издательства, полиграфии и книжной
торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская 7.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

*Напишите свой точный адрес и возраст.
Пишите по адресу: Ленинград, 191187,
наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».*

Брандис Е. П.

Б 87   **Рядом с Жюлем Верном: Документальные очерки/Оформл. А. Рыбакова. — Л.: Дет. лит., 1981. — 222 с., ил.**

В пер.: 70 к.

В книге, посвященной жизни и творчеству всемирно известного писателя-фантаста Жюль Верна, автор использует не только сведения, известные по разным изданиям, но и рассказывает о том новом, что удалось отыскать ему самому.

8я (Фр.)(092)

70803—147

Б— — — — — 422—81

М101(03)—81